

ОБЩЕЦЕРКОВНАЯ АСПИРАНТУРА И ДОКТОРАНТУРА
ИМ. СВЯТЫХ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ

На правах рукописи

Иерей Сорокин Алексей Николаевич

**БОТАНИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ВЕТХОГО ЗАВЕТА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ
БИБЛЕЙСКИХ ФИТОНИМОВ**

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата богословия

Научный руководитель:

кандидат филологических наук

Селезнев Михаил Георгиевич

Москва

2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ИДЕНТИФИКАЦИИ РАСТЕНИЙ БИБЛИИ	15
1.1. Зарубежные исследования	15
1.1.1. Пионеры исследования растений Библии (XVI-XVII вв).....	15
1.1.2. Рождение современной ботаники и первые исследования растений Библии <i>in situ</i> (XVIII век).....	17
1.1.3. «Библейская ботаника» в XIX веке: наследники классических работ и «классических» ошибок.....	20
1.1.4. XX и XXI век.....	23
1.2. Отечественная литература	33
ГЛАВА 2. ИДЕНТИФИКАЦИЯ РАСТЕНИЙ БИБЛИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР)	39
2.1. Наименования растений в Синодальном переводе Ветхого Завета	39
2.1.1. Источник наименования – славянский текст. Пример 1: «тернии и волчцы».....	40
2.1.2. Источник наименования – славянский текст. Пример 2: «явор».....	45
2.1.3. Источник наименования – славянский текст. Пример 3: «певг».....	47
2.1.4. Соотношение славянского текста и Септуагинты.....	49
2.1.5. Источник наименования – Библия короля Иакова (KJV). Примеры.....	52
2.1.6. Источник наименования – перевод Лютера (L45). Примеры.....	54
2.1.7. «Новшества» Синодального перевода.....	55
2.2. Наименования растений в древних переводах Ветхого Завета	57
2.2.1. Наименования растений в древнегреческом переводе (Септуагинта LXX).....	58
2.2.2. Наименования растений в латинском переводе (Вульгата VUL).....	62
2.3. Наименования растений в классических европейских переводах Ветхого Завета ...66	
2.3.1. Наименования растений в классическом немецком переводе (Библия Лютера L45).....	66
2.3.2. Наименования растений в классическом английском переводе (Библия Короля Иакова KJV).....	69
2.4. Наименования растений в современных переводах Ветхого Завета	70
2.5. Постановка вопроса: как поставить перевод библейских фитонимов на научную основу?	77

ГЛАВА 3. ИДЕНТИФИКАЦИЯ РАСТЕНИЙ БИБЛИИ ПРИ СОЗДАНИИ БИБЛЕЙСКИХ САДОВ (ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР)	82
3.1. Что такое библейский сад. Актуальность создания. Просветительское и миссионерское значение	82
3.2. Библейские сады за рубежом	82
3.3. Библейские сады в России и ближнем Зарубежье	86
3.4. Постановка вопроса: как поставить создание библейских садов на научную основу?	89
ГЛАВА 4. ПРИМЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ НАУЧНЫХ МЕТОДОВ ДЛЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ РАСТЕНИЙ БИБЛИИ	91
4.1. Обзор основных научных методов идентификации растений Библии	91
4.2. Примеры применения различных научных методов для идентификации растений Библии. Пример 1. Ботаническая идентификация древнееврейского фитонима רֶעֶזֶב "иссоп"	97
4.2.1. История вопроса. Иссоп «библейский» и иссоп «ботанический».....	97
4.2.2. Современные представления об רֶעֶזֶב . Аргументы в пользу гипотезы רֶעֶזֶב – душица сирийская.....	98
4.2.3. Анализ контекста. Предварительные методологические замечания.....	103
4.2.4. Фитоним רֶעֶזֶב в Исходе, Левите, Числах, Псалтири.....	104
4.2.5. Фитоним רֶעֶזֶב в 3 Царств 4:33 (по стандартным изданиям MT и LXX 5:13).....	106
4.2.6. Методологические замечания по анализу контекста при идентификации растений Библии.....	116
4.2.7. Древние и современные переводы фитонима רֶעֶזֶב	120
4.2.8. Этимология фитонима רֶעֶזֶב	126
4.3. Примеры применения различных научных методов для идентификации растений Библии. Пример 2. Ботаническая идентификация древнееврейского фитонима בוֹטְנִים «фисташка»	127
4.3.1. Фитоним בוֹטְנִים в книге Бытия. Анализ контекста.....	127
4.3.2. Еврейская традиция идентификации фитонима בוֹטְנִים	130
4.3.3. Древние и современные переводы фитонима בוֹטְנִים	130
4.3.4. Параллели из других семитских языков. Этимология фитонима בוֹטְנִים	131
4.3.5. История введения в культуру фисташки настоящей в Древнем мире.....	132

4.4. Оценка методов идентификации растений Библии.....	136
ГЛАВА 5. ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ.....	141
5.1. Общие методологические рекомендации по идентификации растений Библии.....	141
5.2. Практические аспекты идентификации библейских фитонимов: рекомендации для переводчика.....	143
5.3. Практические аспекты идентификации библейских фитонимов: рекомендации для организации библейского сада.....	148
5.3.1. Оригинальный опыт проектирования библейского сада. Принципы подбора ассортимента растений.....	148
5.3.2. Особенности работы с древними текстами. Формирование полного списка растений Библии.....	150
5.3.3. Дальнейшая работа по формированию ассортимента растений. «Метод аналогов».....	152
5.3.4. Необходимость наличия наглядной информации для посетителей. Примеры табличек.....	158
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	161
ЛИТЕРАТУРА.....	164
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	174

ВВЕДЕНИЕ

Одна из важнейших задач теологии – рассмотрение нашей религиозной жизни, ее основополагающих текстов, практик, традиций и методов их актуализации. Такое рассмотрение важно не только с теоретической, но и с практической точки зрения, так как его результатом могут быть вполне конкретные рекомендации - например, по корректировке существующих переводов Писания или существующих путей ознакомления наших современников с Писанием.

В Священном Писании нет мелочей. Поэтому богословскую значимость имеют не только содержащиеся в Писании догматические утверждения, но и мельчайшие детали библейского повествования, например, упоминаемые в нем исторические, культурные и иные реалии.

Данная работа посвящена изучению фитонимов (названий растений), встречающихся в Библии, и их пониманию и интерпретации в переводах и комментариях. В диссертации рассматриваются возможные методы идентификации растений Библии. Однако это исследование имеет не только теоретическую, но и церковно-практическую значимость. Во-первых, оно важно для перевода Писания на языки народов, входящих в паству нашей Церкви. Во-вторых, оно важно для создания таких инструментов ознакомления наших современников с Библией, как библейские музеи и сады.

Идентификация библейских фитонимов и перевод Писания. Священное Писание – фундамент нашей веры. Без знакомства со Священными текстами невозможно жить полноценной христианской жизнью. Однако, необходимо признать, что для многих наших православных соотечественников Библия (в особенности Ветхий Завет) остается нечитаемой и непрочитанной. Именно поэтому перед современной отечественной библеистикой стоят не только научные проблемы, но и задача миссионерско-катехизаторская: донести Священное Писание до миллионов верующих, сделать библейские тексты понятными, показать их актуальность в современной жизни, привить интерес и любовь к чтению Библии. Эта задача напрямую связана с проблемой создания новых переводов Священного Писания.

Единственному общепризнанному русскоязычному переводу Священного Писания уже без малого полтора столетия: в 1876 году был издан полный русский перевод книг Библии, который принято называть Синодальным. Несмотря на беспрецедентную роль, которую сыграл Синодальный перевод в жизни Русской Православной Церкви в особенности в период государственного безбожия и гонений на веру, следует признать, что по прошествии почти полутора веков назрела необходимость создания нового русского перевода Священного Писания. Такая необходимость обусловлена как значительным прогрессом библеистики и

смежных дисциплин (археологии, текстологии, истории), так и своеобразной архаичностью языка Синодальной Библии. Если Синодальный перевод создавался для читателей, выросших и укорененных в церковной православной традиции, слышавших с детства богослужебные церковно-славянские тексты из Писания, то в наше время большинство русскоязычных читателей Библии оказались лишенными такой базы. Именно поэтому для многих современных читателей, впервые открывающих Библию, язык Синодального перевода оказывается непростым для восприятия. Попытки создания новых переводов как отдельных книг Библии, так и всего корпуса Библейских книг, предпринимались за последние десятилетия неоднократно. Осуществляемые отдельными авторами или небольшими коллективами авторов, новые переводы не носили характер полномасштабных общецерковных проектов, а следовательно, и не могли претендовать на роль нового общепризнанного церковного русского перевода. Таким образом, проблема нового русского перевода Библии актуальна и по сей день.

Одна из важнейших задач, требующих своего решения при подготовке новых переводов Священного Писания, – адекватная передача древних реалий библейского повествования с помощью современного литературного языка. Примером такого рода реалий, вызывающих на протяжении всей истории переводов Библии серьезные затруднения у переводчиков, могут служить древнееврейские наименования растений, встречающиеся в книгах Ветхого Завета.

Наименования растений или фитонимы встречаются на страницах Священного Писания повсеместно. Упоминание растений в тексте Ветхого Завета позволяет повествователю решать самые разные задачи, которые отнюдь не ограничиваются созданием пейзажа, на фоне которого развиваются сюжетные линии. Растения в Библии – это и сельскохозяйственные культуры, используемые в пищу (виноград, ячмень, маслина, смоковница), это и источник разнообразного сырья: строительных материалов (кедр, кипарис), тканей (лен) и т.д. Различные вещества растительного происхождения – неотъемлемая часть обрядовой стороны жизни древних евреев (бальзам, ладан, смирна). Ботаническая лексика нередко выступает в Ветхом Завете в качестве символов, аллегорий, средств для ярких поэтических сравнений и оборотов (например, Пс. 91:13; Песн. 2:1-3). Все это накладывает особую ответственность на переводчика при работе с фитонимами, перевод которых требует не только максимально достоверной ботанической идентификации того или иного наименования, но еще и адекватной его передачи в современном русском тексте. Причем перевод должен подбираться с учетом того, какую роль в каждом конкретном тексте выполняет тот или иной фитоним, а также с учетом особенностей кругозора и мировосприятия предполагаемой читательской аудитории. Таким образом, работу с каждым

ботаническим наименованием можно представить в виде двух этапов: ботанической идентификации (выявление принадлежности растения к определенному биологическому виду) и подбора адекватного соответствия в современном литературном языке. На каждом из данных этапов перед исследователем и переводчиком возникают свои проблемы.

Многочисленные исследования в области археологии, палеофлористики, этноботаники, с одной стороны, и сравнительной семитологии, филологии, лингвистики, с другой, позволяют с каждым годом все точнее идентифицировать те виды растений, о которых идет речь в Ветхом Завете (Fauna and Flora..., 1980; Nareuveni, 1989; Moldenke, 1952; Musselman, 2011; Nigel Hepper, 1992). Однако степень достоверности таких определений остается очень неоднородной. К примеру, многие наименования растений Библии являются уникальными (*hara* legomenon) и встречаются лишь один раз во всем корпусе текстов Ветхого Завета (например: *ʿāšê-ḡōḇer* *дерево гофер* - Быт. 6:14; *ʾōḇen* *ясень* - Ис. 44:14; *bāšāl* *репчатый лук* - Числ. 11:5). В подобных случаях практически сводится на нет возможность использования контекста в качестве источника информации о ботанической принадлежности фитонима. А потому переводчики нередко вынуждены прибегать к весьма субъективному выбору перевода ботанических наименований.

При переводе ботанической лексики следует учитывать и факт отсутствия какой бы то ни было единой системы наименований растений в эпоху создания Ветхозаветных текстов. Названия некоторых, наиболее значительных в хозяйственном отношении видов (олива, виноград, финиковая пальма), могли быть распространены по всему сиро-палестинскому региону, тем более что многие языки этого региона были близкородственны. Однако большинство растений могло иметь многочисленные местные узколокальные народные названия, которые были понятны лишь жителям определенной, незначительной по площади, территории. Как известно, этнические группы, тесно связанные с определенной сельскохозяйственной культурой, имеют, как правило, достаточно пространственный лексикон для обозначения или описания реалий, связанных с этой сельскохозяйственной культурой. И, наоборот, растения, находящиеся за границами хозяйственного или культурного интереса общества, могут и вовсе не иметь специальных наименований, а называться достаточно общими терминами. Таким образом, различия в хозяйственной и культурной жизни разных этносов значительно усложняют возможность идентификации отдельных слов и выражений.

Что касается обозначенного нами второго этапа работы с фитонимом, а именно, подбора адекватного, корректного, отражающего древнюю реалию, но вместе с тем, понятного современному читателю, перевода, то здесь имеются свои проблемы.

Одна из таких проблем – банальное отсутствие русских названий целого ряда растений, упоминаемых в Библии. Дело в том, что флора Палестины значительно отличается

по своему видовому составу от наиболее близких русскоязычному читателю флор, скажем, средней полосы европейской части России или Сибири. Благодаря этому существенная часть названий растений флоры Ближнего Востока в русском языке – это простые транслитерации/транскрипции¹ научных латинских названий. Например, наиболее вероятным вариантом ботанической идентификации еврейского наименования *gótēn* (3 Цар. 19:4) – считается кустарник из семейства Бобовых (*Fabaceae*) с латинским названием *Retama raetam* (Musselman, 2012, p. 31). Однако это средиземноморское растение не имеет исконного русского названия, а его латинское название в русскоязычной ботанической литературе нередко просто транслитерируется – Ретама. Очевидно, что подобные наименования будут понятны исключительно специалистам в области ботаники, тогда как для простого читателя Священного Писания останутся столь же неясными, как и транслитерированные еврейские наименования – *гофер* и *ситтим*. Таким образом, пытаясь максимально точно передать древнюю реалию современным языком, можно утратить понятность текста, его смысловую нагрузку.

Кроме того, современный русскоязычный читатель Библии живет в эпоху тотальной урбанизации. В отличие от большинства жителей Палестины времен создания текстов Ветхого Завета, современный читатель в массе своей оторван от земледелия, от природы. Многие современные городские жители с трудом могут назвать даже самые тривиальные виды растений, растущих повсеместно. Так, например, существует множество русских наименований растений, которые еще в XIX веке были знакомы большинству жителей Средней полосы России, тогда как сейчас они являются попросту архаизмами: ракита, чернотал, ветла, осокорь (Анненков, 1878, с. 83, 268, 309). К ним можно также отнести слово «явор», которое дается в Синодальном тексте Библии в качестве перевода двух древнееврейских наименований *ʿermôn* (Быт. 30:37) и *tiḥār* (Ис. 41:19). Таким образом, процессы урбанизации, которые столь характерны для современного российского общества, несомненно, являются причиной сужения или обеднения ботанического лексикона, что в значительной степени усложняет и работу переводчика.

Таким образом, при работе над современным русским переводом Библии неизбежно возникает проблема методологических принципов работы переводчика с древнееврейской ботанической лексикой.

Идентификация библейских фитонимов и библейские сады как инструмент ознакомления наших современников с Библией. Помимо работы над переводами,

---

1

Учитывая, что в большинстве случаев в переводах древней фитонимики не представляется возможным четко разграничить транслитерацию и транскрипцию в строгом значении этих терминов, мы в дальнейшем будем использовать эти два термина через знак /.

возможны иные современные способы привлечения внимания к Священному Писанию: семинары, внебогослужебные встречи, кино- и телефильмы, тематические выставки и экспозиции. Среди последних особый интерес могут представлять композиции из живых растений, упоминаемых в текстах Библии – библейские сады. Если в Европе и США количество библейских садов в настоящее время исчисляется сотнями, то в России автору настоящей работы известно лишь несколько подобных примеров. Известные нам весьма немногочисленные примеры отечественных библейских садов не носят столь ярко выраженного миссионерско-катехизаторского или научно-просветительского характера. Зачастую они являются частными инициативами садоводов-любителей или приходских общин и, как правило, создаются без привлечения специалистов по библеистике, истории, этноботанике. Очевидно, что создание библейских садов напрямую связано с исследованием библейской фитонимики и ботанической идентификацией растений Библии.

Таким образом, **актуальность** настоящей диссертации обусловлена, в том числе, актуальностью миссионерско-катехизаторских усилий по популяризации Священного Писания. Научно-исследовательская работа по ботанической идентификации растений, упоминаемых в Библии, позволит сделать древние Священные тексты понятнее и ближе современному читателю. Однако в настоящее время исследования в данном направлении проводятся в отсутствии единого методологического подхода, что неизбежно сказывается на результатах. На данный момент не существует единой научной (а не популярной) сводки по растениям Библии. По идентификации многих библейских фитонимов отсутствует консенсус специалистов. Многие существующие гипотезы, касающиеся идентификации библейских растений, аргументированы весьма недостаточно или высказываются вовсе вне всякой аргументации. Следовательно, разработка единого методологического подхода к идентификации растений, упоминаемых в Библии, является актуальной и своевременной задачей библейской науки.

Научная новизна работы. В настоящей диссертации впервые в отечественной научной литературе поднимается проблема идентификации библейских фитонимов и предлагается единый методологический подход к ее решению. Автором проанализирована ботаническая лексика избранных книг Ветхого Завета и ее отражение как в древних, так и в современных переводах. Прослежены основные источники, которые могли служить основой для перевода библейской фитонимики авторами единственного общепризнанного русскоязычного перевода Священного Писания (Синодальная Библия). Разработаны и обоснованы методологические принципы перевода наименований библейских растений.

Практическая значимость работы. Результаты настоящего исследования могут быть использованы в работе над переводами Священного Писания и комментариями на отдельные

книги Библии, а также в научных сводках, учебниках по библеистике, при разработке спецкурсов в духовных и светских учебных заведениях, для проведения различных внебогослужебных катехизаторских встреч и бесед на приходах. Некоторые прикладные рекомендации данной диссертации могут стать основой для разработки и проектирования библейских садов, которые служат как для миссионерско-катехизаторских, так и научно-просветительских целей.

Объектом исследования являются наименования растений (фитонимы), упоминаемые в Ветхом Завете. **Предмет исследования** – изначальное значение ветхозаветных фитонимов и их интерпретация в последующих традициях прочтения Библии, в том числе при создании переводов и библейских садов.

Следует отметить, что мы не рассматриваем такие контексты, где фитонимы упоминаются в Библии в метафорическом значении («нарцисс Саронский» как образ красоты; «кедры ливанские» как образ силы и т.д.). Эта отдельная тема, связанная напрямую не столько с ботаникой, сколько с литературными топосами, некоторые из которых могут быть даже древнее Библии. Мы надеемся в дальнейшем посвятить метафорике библейских фитонимов отдельную работу, но в настоящий момент элементарные соображения относительно объема кандидатской диссертации заставили нас сосредоточиться на более простой задаче – анализе тех и только тех контекстов, где фитонимы употребляются в своем простом (не-метафорическом) значении.

Методология. Междисциплинарный характер исследования.

В настоящей работе были применены **методы исследования**, характерные для двух различных групп научных дисциплин: гуманитарных (филология, история) и естественнонаучных (ботаника). Применение этих методов обусловлено самим объектом исследования – библейской фитонимикой, т.е. совокупностью наименований растений, упоминаемых в текстах Библии. Каждый библейский фитоним, с одной стороны, является элементом языка (древнееврейского или в случае Нового Завета и отдельных книг Ветхого – древнегреческого), имеет свою этимологию (далеко не всегда однозначно определяемую), занимает свое место в текстах. Следовательно, библейская фитонимика может быть исследуема с применением лингвистических, филологических и текстологических методов. С другой стороны, за каждым фитонимом стоит определенная ботаническая реальность: (сорт, вид, род или даже некая несистематическая группа растений), что безусловно, вводит фитонимику в область интересов естественных наук, в особенности – ботаники. Таким образом, естественнонаучные методы – важнейший инструмент исследователя библейских фитонимов. Фитонимика, как объект, находящийся на стыке интересов двух областей знаний,

рассматривается в настоящей работе с двух точек зрения, что позволяет видеть объект «стереоскопично».

Результаты исследования излагаются в перспективе их использования для церковно-практических нужд, а именно для корректировки существующих и создания новых переводов Священного Писания, для проектирования библейских музеев и садов. Таким образом, в настоящей работе реализован комплексный междисциплинарный подход к изучению библейской фитонимики, а результаты исследования позволяют решать конкретные церковно-практические задачи, относящиеся к области теологии.

Исследование проводилось в соответствии с **принципами православного подхода к тексту Библии**, к числу которых относится, в том числе, представление о богочеловеческом характере Библии, из чего следует необходимость учитывать исторический, культурный и литературный контекст, в котором создавался Священный текст. Кроме того, мы руководствовались представлением о многоплановости содержания Библии и о существовании различных смысловых уровней библейского текста.

Источники. В соответствии с междисциплинарным характером исследования мы обращаемся к источникам нескольких разных типов:

(а) источники, обусловленные теологическим аспектом исследования: текст Библии, древние переводы Писания, комментарии на отдельные книги Библии;

(б) источники, обусловленные филологическими аспектами исследования: словари, грамматики, постбиблейская еврейская литература, материал других семитских языков;

(в) источники, обусловленные ботаническими аспектами исследования: описания флоры Ближнего Востока, работы по ботанике и этноботанике, гербарный материал.

Цель работы – разработка единого методологического подхода к идентификации растений, упоминаемых в Ветхом Завете. Данный подход может быть применен как при создании современных переводов Библии, так и при проектировании библейского сада.

Для достижения поставленной цели мы обозначили следующие **задачи**:

- проследить основные направления исследований растений Библии и выявить основные методы ботанической идентификации библейских фитонимов
- оценить возможности применения различных методов ботанической идентификации растений Библии на избранных примерах
- сформулировать целостный методологический подход к ботанической идентификации растений Библии
- провести анализ ботанической лексики в общепринятой русскоязычной версии Ветхого Завета – Синодальном переводе – и выявить основные принципы перевода фитонимов

- провести анализ ботанической лексики в древних (Септуагинта, Вульгата) и классических европейских переводах Ветхого Завета (Библия Лютера, Библия короля Иакова и др.) и выявить основные принципы перевода фитонимов
- разработать и обосновать принципы перевода наименований растений Библии с учетом результатов научных исследований библейской фитонимики
- разработать и обосновать принципы создания библейского сада на основе результатов ботанической идентификации растений Библии.

Положения, выносимые на защиту

1. Для достоверной ботанической идентификации библейского фитонима необходимо применить **комплексный подход**, используя максимальное число научных методов. Однако относительный вклад каждого метода в случае различных фитонимов будет неодинаков.

2. **Основными методами ботанической идентификации библейских фитонимов** являются: лингвистический, археологический и ботанический. Данные, полученные с помощью этих методов, носят независимый характер и представляют наибольшую ценность. Консенсус этих данных можно рассматривать как показатель высокой степени достоверности гипотезы о ботанической принадлежности фитонима. Остальные методы (анализ древних переводов, анализ контекста и др.) являются дополнительными и могут служить для верификации гипотез, полученных с помощью трех основных методов.

3. **Результатом ботанической идентификации древнего фитонима** должен быть список наиболее полно и разносторонне разработанных и аргументированных гипотез о ботанической принадлежности этого фитонима с оценкой сравнительной степени их достоверности. Данный набор гипотез должен служить основным материалом для дальнейшей работы переводчика и проектировщика библейского сада.

4. **Определяющим фактором при переводе библейских фитонимов** должна служить степень достоверности ботанической идентификации этих растений. **Дополнительные факторы**, которые также должны приниматься во внимание переводчиком, следующие: отсутствие традиционного русского названия растения, традиция понимания и перевода, стилистический фактор (благозвучие и стилистика перевода, ассоциации, возникающие у читателя).

5. **Список растений для «библейского сада»** должен формироваться на основе результатов комплексного анализа ботанической принадлежности древнееврейских и древнегреческих фитонимов из оригинальных текстов Священного Писания. Дальнейшая работа с этим списком должна идти по пути отбора устойчивых для данного региона растений с учетом их декоративных качеств.

Структура и объем диссертации. Диссертация изложена на 185 страницах текста (включая Приложение) и состоит из введения, пяти глав, заключения, содержащего выводы, списка литературы, и приложения из трех сводных таблиц (Таблицы А, Б, В). Список литературы включает 161 источник, в т.ч. 124 – на иностранных языках.

Структура основной части обусловлена комплексным междисциплинарным характером исследования и отвечает поставленным выше цели и задачам. В **главе 1** представлен обзор зарубежной и отечественной научной литературы, посвященной растениям Библии. Основное внимание уделено рассмотрению методов и подходов, которые применялись различными исследователями для ботанической идентификации библейских фитонимов. В **главе 2** проанализировано, каким образом решался вопрос интерпретации и передачи фитонимов в различных переводах Священного Писания. В этом анализе нас, в первую очередь, интересовали способы или стратегии перевода ботанической лексики, а также основания для выбора того или иного варианта перевода. **Глава 3** представляет собой обзор зарубежных и отечественных библейских садов. Основной акцент в обзоре делается на принципах подбора растений для библейских садов. Для нас важно, каким образом создатели сада идентифицировали растения, упоминаемые в Библии, чтобы разместить их на экспозиции. Итак, ключевой вопрос первых трех глав: каким образом идентифицируются библейские фитонимы, т.е. как именно можно соотнести древнее библейское название растения с каким-либо конкретным биологическим видом (родом, группой). Первые три главы демонстрируют, как этот вопрос решается в специальной научной литературе (глава 1), при переводах Писания (глава 2), при создании библейских садов (глава 3). В **главе 4** обобщаются научные методы идентификации растений Библии, выявленные в предыдущих главах, и приводится их краткий обзор (раздел 4.1). Затем в разделах 4.2 и 4.3 на примерах древнееврейских фитонимов *ʾēzôḇ* «иссоп» и *boṭnîm* «фисташка» продемонстрировано, как эти методы могут быть применены в комплексе. По результатам полученных данных дается сравнительная оценка рассмотренных научных методов идентификации фитонимов (раздел 4.4). **Глава 5** представляет собой развернутые методологические итоги проведенного исследования ботанической идентификации библейских фитонимов, а также практические рекомендации по применению этих результатов для церковно-практических целей (переводов Писания и создания библейских садов).

Апробация результатов. Основные результаты диссертационной работы отражены в **11 публикациях** (из них **3 статьи** в изданиях, рекомендуемых Общецерковным перечнем рецензируемых изданий для соискателей ученой степени кандидата богословия, и **1 статья** в издании, рекомендуемом ВАК РФ), а также представлены в виде докладов на **7 конференциях** (VII Международная богословская конференция Русской Православной

Церкви «Современная библеистика и Предание Церкви», 26-28 ноября 2013 г., Москва; Межвузовская научная конференция «Книга Псалмов: история и интерпретация», 18-19 мая 2015 г., Москва; Юбилейная научная конференция кафедры библеистики ОЦАД «Актуальные проблемы современной библеистики», 22-23 декабря 2015 г., Москва; III (V) Всероссийская молодежная конференция с участием иностранных ученых «Перспективы развития и проблемы современной ботаники», 10-14 ноября 2014 г., Новосибирск; II всероссийская конференция с международным участием, посвященная памяти профессора А.П. Меликяна «Карпология и репродуктивная биология высших растений», 1-3 октября 2014 г., Москва; XIV Международная научно-практическая конференция «Проблемы ботаники Южной Сибири и Монголии», 25-29 мая 2015 г., Барнаул); Международный научный форум «Пещеры как объекты истории и культуры», 19-22 апреля 2016 г., Воронеж-Дивногорье).

Избранные положения данной работы были доложены и обсуждены на заседании Ученого совета Главного ботанического сада им. Н.В. Цицина РАН. Отдельные материалы данной диссертации используются автором при проведении тематических лекций и экскурсий в Фондовой оранжерее Главного ботанического сада РАН, в молодежной и катехизаторской работе на приходе. Материалы данного исследования послужили основой для проектирования библейских садов в парке им. И.П. Кулибина (Нижний Новгород), на территории Костомаровского Спасского монастыря (Воронежская митрополия), а также для формирования экспозиции «Библейские растения» в Фондовой оранжерее Главного ботанического сада РАН.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ИДЕНТИФИКАЦИИ РАСТЕНИЙ БИБЛИИ

Настоящая глава нашей работы представляет собой обзор публикаций, посвященных исследованиям растений, упоминаемых в текстах Библии. Обзор построен по хронологическому принципу и охватывает период с XVI века до наших дней. Как справедливо указывает один из ведущих современных исследователей библейской флоры Л. Дж. Мусселман (Musselman, 2011, p. 1), публикации, посвященные растениям Священного Писания, составляют лишь малую часть от всего объема литературы по библеистике. Однако и эта «малая часть» включает в себя несколько десятков полноценных обзорных работ и сотни публикаций по частным вопросам «библейской ботаники». К ним отчасти примыкает внушительный пласт литературы, посвященной истории культивирования, практическому применению, отражению в мифологии, литературе, искусстве важнейших в экономическом и культурном плане растений Древнего Ближнего Востока (финиковая пальма, олива, пшеница, ячмень). В настоящем обзоре основной акцент будет сделан на анализ наиболее значительных обзорных работ, сыгравших определяющую роль в развитии данного направления библейской науки. Нас, в первую очередь, будут интересовать не частные вопросы исследования библейских растений, а общие подходы или концепции авторов, которые можно проследить в охваченных нами работах.

Для удобства изложения мы разделили всю историю исследования библейской флоры на условные периоды, которые, как нам кажется, отражают логику развития представлений о растениях Священного Писания. В отдельный параграф (1.2) мы выделили обзор крайне малочисленной отечественной литературы по рассматриваемой тематике.

1.1. Зарубежные исследования.

1.1.1. Пионеры исследования растений Библии (XVI-XVII вв).

Первые работы, посвященные растениям Библии, появляются в XVI веке на исходе Ренессанса, в период Реформации и зарождения новой науки. В течение полутора тысячелетий тексты Священного Писания не воспринимались, как возможный объект научного исследования. И лишь к XVI веку Библия перестает восприниматься исключительно как Священное Писание, но начинает привлекать интерес ученых, как источник естественнонаучных сведений. В этом процессе значительную роль сыграло открытие для европейской цивилизации работ ученых эпохи античности, в особенности великого исследователя природы Аристотеля. Большинство работ по естественной истории в эпоху Возрождения выполнено в аристотелевой традиции. Не удивительно, что в работах по ботанике, а также в исследованиях библейских растений XVI века встречаются

многочисленные ссылки на великих ботаников Древней Греции и Древнего Рима: Теофраста, Плиния старшего, Диоскорида и др.

Первой полноценной научной работой, посвященной растениям Библии, можно однозначно назвать монументальный труд голландского ученого Левинуса Лемниуса (Levinus Lemnius, 1505-1568) «Herbarum atque arborum quae in Bibliis passim obviae sunt et ex quibus sacri vates similitudines desumunt», изданный на латыни в 1568 году (Lemnius, 1568). Наибольшую известность эта работа получила в английском дополненном переводе, осуществленном Т. Ньютоном в 1587 году и названном весьма пространно «An herbal for the Bible: Containing a plaine and familiar exposition of such similitudes, parables, and metaphors, both in the olde Testament and the newe, as are borrowed and taken from herbs, plants, trees, fruits and simples, by obseruation of their vertues, qualities, natures, properties, operations, and effects: and by the holie prophets, sacred writers, Christ himselfe, and his blessed Apostles vsually alledged, and into their heauenly oracles, for the better beautifieng and plainer opening of the same, profitably inserted» (Lemnius, Newton, 1587). Рассматриваемая работа по своему содержанию представляет собой в гораздо большей степени травник, т.е. собрание разносторонних сведений о растениях, упомянутых в Писании, нежели богословский труд. Основной упор в книге Лемниуса, выполненной в духе работ Теофраста, сделан на описания внешнего облика, а также разнообразных полезных свойств библейских растений. Каждая из 50 глав книги, за исключением вводной, посвящена одному или нескольким растениям, упоминаемым в Писании. Как видно, автор охватил значительную часть всех библейских растений. Влияние средневековых травников на работу Лемниуса ощущается уже во второй главе, которая посвящена одному из самых популярных растений в медицине, оккультизме и магии Средневековья – мандрагоре. Однако автор демонстрирует очевидный переход к научному мировоззрению, полемизируя с расхожими, по сути мифологическими, представлениями о свойствах мандрагоры и ставя некоторые из них под сомнение. Показательно, что Лемниус, в отличие даже от некоторых современных авторов, критически рассматривает общепринятые мнения своего времени по идентификации библейских фитонимов. Так, в главе, посвященной иссопу, ученый описывает, по всей видимости, распространенный в южной Европе иссоп лекарственный (*Hyssopus officinalis*), однако выражает сомнение в том, что именно об этом растении идет речь в Ветхом Завете. Анализируя стих 3 Царств 4:33, где говорится об «иссопе, растущем из стены», Лемниус предлагает ряд альтернативных гипотез относительно ботанической принадлежности библейского фитонима, а именно – несколько видов папоротников, встречающихся на стенах и каменистых поверхностях в Европе. И хотя эти гипотезы в настоящее время нельзя рассматривать всерьез, вполне научный подход автора, безусловно, явился серьезным шагом в исследовании растений Библии. Лемниуса, без

сомнения, можно считать пионером исследования библейской флоры, работа которого оставалась единственной в своем роде на протяжении без малого двух столетий.

Кроме того, из появившихся на свет в период XVI-XVII веков, на наш взгляд, внимания исследователя библейской флоры заслуживает также работа Лорета (Lloret, 1622) «*Silva allegoriarium totius sacrae scripturae*», посвященная преимущественно древесным растениям Библии. Данный труд демонстрирует совершенно иной подход, нежели работа Лемниуса. Внимание Лорета, в первую очередь, привлекают деревья, как аллегорические образы или символы. Автор рассматривает значение «растительных образов» для понимания смысла библейских текстов, вне зависимости, существует ли то или иное дерево в реальной живой природе (древо познания, древо Креста, древо жизни).

На протяжении XVII века было издано еще несколько книг, посвященных библейской флоре. Книги эти носили характер в значительной степени богословско-экзегетический, нежели естественнонаучный. Среди них «*Sacrorum Bibliorum arboretum morale*» (Rumetius, 1606), «*Sacrorum arborum, fruticum et herbarum*» (Anomoeus, 1609), «*Arboretum sacrum*» (Meurs, 1642), «*Historia ac contemplatio sacra plantarum arborum*» (Cocquius, 1664), «*Arboretum biblicum*» (Ursinus, 1663).

Таким образом, уже на первом этапе изучения растений Библии в литературе, посвященной данному вопросу, наметились два разных направления. Первое, которое можно назвать естественнонаучным, было основано, в первую очередь, благодаря рассмотренной выше работе Левинуса Лемниуса. Его корни можно проследить в работах античных и средневековых естествоиспытателей. Тогда как второе – экзегетическое, ярким представителем которого стал – Лорет со своей работой «*Silva allegoriarium totius sacrae scripturae*» (Lloret, 1622). Это направление напрямую связано как с экзегетической иудейской литературой, так и с раннехристианскими и средневековыми святоотеческими работами. Если представители первого направления рассматривали библейские тексты, в которых упоминаются растения, преимущественно как источник естественнонаучных данных, то вторых интересовала, в первую очередь, символика растительных образов и их значение для понимания текстов Священного Писания.

1.1.2. Рождение современной ботаники и первые исследования растений Библии *in situ* (XVIII век).

Середина XVIII века для исследователей растений имеет особое значение, как период становления современной ботаники, которое связывается, в первую очередь, с именем шведского ученого Карла Линнея, по праву прозванного «отцом систематики». В этот период создаются наиболее разработанные искусственные системы растительного мира,

закладывается фундамент для естественной систематики, активно развивается структурная ботаника, стремительно сокращается число «белых пятен» на карте растительности Земли, рождается новая концепция ботанической номенклатуры.

В этот «золотой век» ботаники появляется новая фундаментальная сводка, посвященная растениям Библии – «Hierobotanicon, sive de plantis Sacrae Scripturae, dissertations breves», изданная в двух томах в 1747-48 гг. (Celsius, 1747-1748). Ее автор – профессор теологии Уппсальского университета в Швеции Олаф Цельсий (1670-1756) был одним из научных наставников самого Линнея. «Hierobotanicon» представляет собой обширный обзор в двух томах, демонстрирующий новый уровень исследования библейской флоры в сравнении с «An herbal for the Bible» Лемниуса (Lemnius, 1587), что выражается, в частности, в многочисленных ссылках на еврейские, сирийские, арабские источники, а также на работы античных авторов. Показательно, что в отличие от Лемниуса, Цельсий отталкивается не от переводов ботанических наименований Библии, а от оригинальных древнееврейских и древнегреческих фитонимов, которых в данной работе рассмотрено порядка сотни. Ученый демонстрирует высокую степень осведомленности, как в ботанике, так, скажем, и в иудейской традиции экзегезы. Для каждого библейского фитонима приводится перечень цитат из Писания, а также различные переводы этих фитонимов (греческий, латинский, сирийский и др.) Каждому библейскому растению посвящена обстоятельная статья, где проводится весьма разносторонний анализ ботанической принадлежности этого фитонима с использованием как ботанических, так и лингвистических сведений. К примеру, древнееврейскому фитониму ʔēzōḅ (в СП – *иссон*) посвящено более 40 страниц, где рассматривается 18 различных гипотез о его ботанической принадлежности. Несомненно, «Hierobotanicon» – работа исключительно научная, автор которой проявляет себя как исследователь с широчайшим кругозором. Попытка синтеза независимых друг от друга данных (ботанических, лингвистических) при работе с библейской фитонимикой – одно из важнейших достижений Цельсия в данной области исследований.

Восприняв от своего наставника интерес к растениям Священного Писания, Карл Линней и сам сумел вдохновить своего ученика Фредерик Хасселквист (Frederik Hasselqvist 1722-1752) на продолжение работы Цельсия. Как вспоминает сам Линней в предисловии к публикации материалов Хасселквиста, стимулом для начала этой работы послужил случай, когда Линней на одной из своих лекций назвал Палестину в списке регионов, игнорируемых исследователями естественной истории. Свидетельством интереса самого Линнея к этой тематике может служить также факт, приведенный Фрисом (Fries, 1907, vol. 1, p. 273-277), что именно «отец систематики» консультировал создателей шведского перевода Библии по части наименований растений.

Ф. Хасселквист под руководством Линнея изучал флору и фауну Святой Земли, для чего он осуществил ряд экспедиций в Палестину, Малую Азию и Египет. В результате этих экспедиций он дал описания многих видов растений и животных Ближнего Востока. После того как Хасселквист безвременно скончался во время одной из своих экспедиций, его учитель К. Линней в 1757 году опубликовал итоги исследований своего ученика под названием «Iter Palestinum» (английский перевод – Hasselqvist, von Linné, 1766). Ценность этой работы заключается, главным образом, в том, что она написана по результатам полевых исследований на территории Палестины. Хасселквист был одним из первых ученых, кто не ограничился изучением литературных источников, гербарных образцов и просто самого текста Писания, а вывел работу над библейской флорой на новый уровень. Этот факт позволяет работе «Iter Palestinum» сохранять актуальность и по настоящее время. Для нас особенно ценны те данные, которые не могли бы быть получены в наше время. Таковы, например, уникальные описания лесов в Палестине XVIII века, которые позже были вырублены и не сохранились до наших дней. Практически одновременно с Хасселквистом научно-исследовательские экспедиции на Ближнем Востоке проводил Петер Форскал (Peter Forskål 1732-63), изучавший в том числе и растения этого региона. Форскал повторил трагическую судьбу своего предшественника Хасселквиста, он умер от малярии во время одной из своих экспедиций. Его данные также были опубликованы посмертно одним из коллег и спутников натуралиста Карстеном Ниебуром (Carsten Niebuhr – Forskål, 1755).

Безусловно, начало активного изучения Святой Земли учеными-натуралистами в первой половине XVIII века открыло новую страницу в истории исследования библейской флоры. Однако более справедливо было бы за точку отсчета исследования флоры Палестины *in situ* считать путешествия, осуществленные во второй половине XVI века профессором медицины университета Монпелье Л. Рауволфом (L. Rauwolf +1596). Ученый посетил Иерусалим и Багдад, собрав обширный гербарный материал, а также многочисленные сведения о полезных свойствах ближневосточных растений. Его коллекции и собранные материалы были описаны спустя почти два века голландским ботаником Яном Гроновиусом (Gronovius, 1775). Более 150 лет пример Рауволфа не имел последователей. Таким образом, за исключением основных крупных торговых городов и территорий, расположенных близ побережья Средиземного моря, до середины XVIII века территория Палестины оставалась неизученной естествоиспытателями, что, безусловно, отражалось и на уровне знаний о библейской флоре. По данным Х. и А. Молденке (H. & A. Moldenke, 1952, p. 52), даже в середине XIX века в крупнейшем из музеев мира – Британском музее естественной истории – материал из Палестины был представлен крайне скудно в сравнении даже с гораздо более удаленными уголками Мира.

Таким образом, работы ботаников линнеевской школы XVIII века открыли новый этап в изучении библейской флоры, в первую очередь, благодаря первым ботаническим экспедициям европейских ученых в Палестину.

1.1.3. «Библейская ботаника» в XIX веке: наследники классических работ и «классических» ошибок.

Исследователи библейской флоры в XIX веке продолжили развивать направление изучения растений Ближнего Востока в природных местообитаниях, так как имеющийся на тот момент материал был, очевидно, недостаточен для полноценных выводов по ботанической принадлежности растений Библии. В 1824 г. вышло в свет фундаментальное исследование американского автора Тадеуса Харриса «Natural History of the Bible» (Harris, 1824). Эта книга явилась расширенным и дополненным изданием книги того же автора, изданной в 1793 году и являющейся ныне библиографической редкостью. Как и ученые линнеевской школы, Харрис считал, что растения, в том числе и библейские, необходимо изучать не по гербарным образцам или в коллекциях ботанических садов, а в их непосредственных местообитаниях. Работа Харриса демонстрирует знакомство автора с данными полевых исследований Рауволфа, Хасселквиста, Форскала. Книга «Natural History of the Bible» претерпела множество переизданий, дополняемых и исправляемых по мере поступления новой информации.

Другая значимая работа первой половины XIX века, посвященная природе Святой Земли – «Minerology and Botany of the Bible», написанная ученым-востоковедом Е. Розенмюллером (Rosenmüller, 1840, p. 73), известным своими работами по арабской литературе и путешествиям по Ближнему Востоку. Его труд «Minerology and Botany of the Bible» несмотря на очевидную ценность, имеет ряд ошибок в области ботаники. Так, автор считает, что растение, упомянутое в 4 Царств 4:39 (СП – дикое вьющееся растение), – это ни что иное как бешеный огурец *Ecballium elaterium*. Но в таком случае слуга пророка Елисея никак не мог собрать его плодов, так как при созревании плоды *Ecballium elaterium* отрываются от плодоножек и «выстреливают» свое содержимое с семенами. В отличие от рассмотренной выше «Natural History of the Bible» Т. Харриса, книга Е. Розенмюллера имеет филологический, а не естественнонаучный характер.

Из библейских словарей и энциклопедий, многочисленные издания которых стали появляться с середины XVIII века, следует отметить «Cyclopedia of Biblical Literature», составленную Дж. Китто (Kitto, 1845). Существенным отличием данной работы от большинства подобных изданий можно считать наличие оригинального материала, а также привлечение для написания ботанической части энциклопедии известного специалиста по

этноботанике Средиземноморья Дж.Ф. Ройла (J.F. Royle). Занимаясь, в основном, сельскохозяйственными и имеющими практическое применение растениями, Ройл изучал оригинальные греческие и арамейские тексты, однако, очевидно, сам не исследовал флору Восточного Средиземноморья в полевых условиях.

Необходимо отметить довольно часто цитируемую работу середины XIX века М. Каллкотт «A Scripture herbal» (Callcott, 1842), базирующуюся в основном на данных из предшествующих публикаций. Книга М. Каллкотт – довольно объемный труд скрупулезного автора, охватившего значительный объем литературы по изучаемой теме. Во введении М. Каллкотт перечисляет те научные работы, которые послужили основой для ее сводки, отмечая при этом, что наиболее полезным источником являлся Hierobotanicon О. Цельсия (Celsius, 1747-48). Кроме того Каллкотт учитывала результаты экспедиций Ж. Турнефора (J.P. Tournefort) в Ливан, Брюса (Bruce) в Абиссинию, Ш. Соннини (Ch. Sonnini) в Египет.

Рассматриваемая книга строится по традиционному плану: каждому библейскому растению посвящена отдельная статья, сопровождаемая списком цитат, ботаническим наименованием и рисунком-гравюрой. Несмотря на удобную подачу материала, его доступность, а также внушительный объем изученных источников, работа М. Каллкотт не лишена целого ряда неточностей в идентификации и описании растений. Эти неточности можно считать характерными для работ середины XIX века.

Так, автор идентифицирует āhālōṭ (Числ. 24:6, Пс. 45:8, Притч. 7:17, Песн. 4:14), как представителя рода алоэ (*Aloe – Aloe socotrina*) (Callcott, 1842, p. 11), природный ареал которого – ограниченные территории на самом юге Африки. Современные исследователи однозначно отвергают представление об āhālōṭ, как об *Aloe*, предлагая в качестве наиболее обоснованной версии – деревья из рода *Aquilaria*, широко известные благодаря ароматической древесине (Greppin, 1988). Повторяет автор и характерное для середины XIX века ошибочное представление о том, что библейский иссоп идентичен растению с ботаническим наименованием – иссоп лекарственный (*Hyssopus officinalis*) (Callcott, 1842, p. 206). Это представление в XX веке было полностью отвергнуто исследователями, в первую очередь, благодаря тому, что «ботанический» иссоп не является элементом природной флоры Палестины. Кроме того, в качестве библейских растений М. Каллкотт приводит и целый ряд других, не характерных для флоры Палестины растений, широко распространенных в Центральной Европе: дуб черешчатый (*Quercus robur*), сосна обыкновенная (*Pinus sylvestris*), липа европейская (*Tilia europaea*).

Таким образом, объемная книга М. Каллкотт «A Scripture herbal» (Callcott, 1842), несмотря на ее высокую популярность и внушительный объем содержащейся в ней

информации, не может служить серьезным источником для научной работы, а представляет, скорее, исторический интерес.

После работ учеников К. Линнея первая книга по библейским растениям, написанная профессиональным ботаником, появляется лишь спустя целое столетие. Ее автор – Дж. Бальфур (J.H. Balfour 1808–1884), работавший в Эдинбургском ботаническом саду, был одним из ведущих ботаников своего времени. Его работа «Trees and Shrubs of the Bible» (Balfour, 1857) была посвящена исключительно древесным породам, упоминаемым в Священном Писании. Затем Бальфур расширил свою работу, добавив в нее описание остальных библейских растений. Работа эта была издана уже после кончины Дж. Бальфура в 1885 году под названием «The Plants of the Bible». Несмотря на профессионализм автора и впечатляющий объем информации, собранный в его трудах, следует отметить, что в них практически полностью отсутствуют оригинальные данные относительно флоры Палестины.

Значительный вклад в исследование библейской флоры внесли ученые, служившие в качестве клириков различных конфессий на Ближнем Востоке. Среди подобных работ особого внимания заслуживают труды Г.Б. Тристрама (H.V. Tristram 1822–1906), которые по настоящее время не потеряли своего значения. Первое издание его знаменитой «The Natural History of the Bible» появилось на свет в 1867 году, а затем многократно переиздавалось и дополнялось самим автором. Широко распространенное 7-е издание до сих пор остается влиятельным источником по естественной истории Святой Земли.

Также значительный оригинальный материал содержится в труде Дж. Смита (Smith, 1878) «Bible plants, their history, with the review of the opinions of various writers regarding their identification».

Надо заметить, что в конце XIX века в течение 10 лет издавалась монументальная обработка флоры Сирии, Палестины и Синайского полуострова (Post, 1883-96), которая и к середине XX века продолжала оставаться единственным авторитетным и полноценным источником сведений по флоре этого региона. Предшественником этой работы была пятитомная «Flora Orientalis», подготовленная известным ботаником Пьером Боассье (Pierre Edmond Boissier) и издававшаяся на протяжении 1867-88 годов. Следует отметить и небольшую брошюру «Botanique Biblique» (1861, цит. по Zohary, 1982), написанная Боассье, но изданная без указания авторства.

Таким образом, исследования библейской флоры в XIX веке базировались на классических работах прошлых веков, а также на оригинальных данных, полученных в результате многочисленных путешествий в Святую Землю. Тем не менее, многие обзорные работы по растениям Библии повторяют характерные ошибки своих предшественников.

1.1.4. XX и XXI век.

Большинство работ по библейской флоре, появившихся в XX и XXI веке, можно отнести к разряду популярных. Эти публикации, несмотря на красивое оформление с использованием цветных фотографий и высокохудожественных рисунков, зачастую не несут никакой новой научной информации, а призваны донести уже имеющиеся данные широкому кругу читателей. В этих изданиях нередко делается акцент на садоводстве, кулинарии, искусстве, так или иначе связанными с растениями Библии (Anderson, 1956; Harrison, 1966; King, 1941; Maillat & Maillat, 1999; Paterson & Paterson, 1986; Shewell-Cooper, 1977; Walker, 1979). Однако нас интересуют, в первую очередь, научно-исследовательские публикации, внесшие вклад в изучение растений, упомянутых в Священном Писании.

Наиболее широко цитируемой филологической работой по растениям Библии можно считать «Flora der Juden» (Löw, 1924-1934). Автор этой четырехтомной сводки ученый и раввин Иммануэль Лёу посвятил изучению еврейской фитонимики всю свою жизнь. Как отмечает в последнем томе «Flora der Juden» сам автор (Löw, 1924-1934, В. IV, S. X), первые сохранившиеся наброски этой работы относятся к 1874 году. Однако основные три тома работы увидели свет лишь в 1924-26 годах, а на подготовку и издание четвертого тома ушло еще 8 лет. Но даже с учетом многих лет труда над этим изданием, объем проработанных автором источников (еврейских, арамейских, сирийских, арабских, греческих и т.д.) не может не поразить читателя. Этот выдающийся труд включает все наименования растений на древнееврейском и арамейском языках, имеющиеся в Ветхом Завете, а также многочисленные наименования из иудейской постбиблейской литературы. Первые три тома построены по систематическому принципу (семейства растений следуют по алфавиту) и охватывают всю еврейскую фитонимику, доступную автору. Для каждого фитонима Лёу приводит известные ему параллели из других семитских языков, предлагает различные гипотезы по этимологии, рассматривает различные варианты ботанической идентификации этих названий. Четвертый том «Flora der Juden» служит дополнением к трем предыдущим и содержит информацию по средневековой семитской фитонимике, растениям в еврейском фольклоре, ботанической символике, садовой терминологии, особенностям перевода названий растений Библии на немецкий язык. Несмотря на бесценный оригинальный лингвистический материал по наименованиям растений Ветхого Завета, ботаническая информация, содержащаяся в работе Лёу, по мнению Мусселмана (Musselman, 2011, p. 11), не представляет особого интереса для специалистов. Тем не менее, по мнению М. Зохари (Zohary, 1982, p. 14) работа Лёу остается образцовой в области изучения растений Библии.

Совершенно новым этапом в исследовании растений Священного Писания стал фундаментальный труд американских ботаников Харольда и Альмы Молденке «Plants of the

Bible» (H. & A. Moldenke, 1952). Эта исчерпывающая работа, охватывающая все библейские растения и изобилующая многочисленными ссылками, ставит высочайшую планку для исследователей, работающих в том же направлении. Особенно ценными представляются разделы книги, обсуждающие дискуссионные вопросы библейской ботаники. Среди них проблема библейского яблока и абрикоса, вопрос об евангельской горчице, обзор возможных ботанических прообразов манны, трудности ботанической идентификации библейского иссопа.

Стоит отметить в рассматриваемой книге и весьма обширный обзор литературных источников, посвященных растениям Библии. Причем, авторы отдают предпочтение работам, которые носят характер ботанический или, в целом, естественнонаучный, оставляя в стороне многочисленные толкования и комментарии на книги Священного Писания, которые, по мнению авторов, даже касаясь вопросов библейской флоры, рассматривают их богословские, лингвистические и философские аспекты. Также за рамками обзора остались ботанические работы древних и средневековых авторов, так как они не ставили себе целью исследование именно библейских растений. Таким образом, свой обзор Х. и А. Молденке (H. & A. Moldenke, 1952) начинают с работы Лемниуса (Lemnius, 1568), как первого целенаправленного исследования флоры Священного Писания. Авторы подчеркивают, что ни в одной другой области ботаники не высказывалось столько мнений без малейшей попытки применить научные объективные методы исследования (H. & A. Moldenke, 1952, p. 2). Именно поэтому в своем экскурсе в историю исследования растений Библии Х. и А. Молденке наибольшее внимание уделяли работам, которые базируются на оригинальных естественнонаучных данных, последовательно проводя идею необходимости экспериментально-полевых ботанических исследований в Палестине для целей максимально точной идентификации растений Библии. Помимо широкого охвата литературы по библейской флоре, первая часть книги «Plants of the Bible» интересна также целым рядом методологических замечаний. Авторы указывают на ключевые ошибки, которые встречались и продолжают встречаться в работах, посвященных растениям Библии (H. & A. Moldenke, 1952, p. 4-8). Первая ошибка характерна даже для публикаций тех европейских ученых XVIII-XX веков, которые неплохо ориентировались в естественной истории своих стран. Дело в том, что они порой не осознавали того, что флора Германии или Великобритании коренным образом отлична от флоры Палестины, а потому зачастую пытались найти соответствия древним еврейским или греческим наименованиям растений среди флоры своей страны. Этот факт отразился в целом ряде европейских переводов Библии. В качестве иллюстрации такого ошибочного подхода авторы приводят множество примеров из Библии короля Иакова, где в Быт. 30:37 *lûz* (миндаль) переведен как *hazel* (лещина), а *‘ermôn* (платан)

– chestnut (каштан). Вторая методологическая ошибка – представление о том, что современная флора Палестины практически идентична флоре библейских времен. На территории Палестины более шести тысяч лет ведется активная сельскохозяйственная деятельность, вводятся в культуру многочисленные иноземные виды растений, часть из которых настолько успешно натурализовалась в регионе, что сейчас даже трудно представить себе без них природные ландшафты. Таковы, например, американские растения – робиния «белая акация» *Robinia pseudoacacia* и кактус опунция *Opuntia ficus-indica*, которые не могли появиться в Палестине ранее открытия Америки европейцами в конце XV века н.э. Авторы с сожалением отмечают, что встречаются даже иллюстрации, изображающие библейские эпизоды, где сюжет разворачивается среди американских кактусов-опунций. Кроме того, не стоит, по мнению авторов, забывать и об обратном процессе, когда некоторые нативные или культивируемые виды растений Палестины с течением времени заметно сократили свои ареалы. Таковы, например, ливанские кедры (*Cedrus libani*), численность которых в пределах природного ареала в Ливанских горах в результате хищнической вырубki сократилась до критического состояния. Или, например, финиковые пальмы (*Phoenix dactylifera*), широко культивируемые в древности на территории Палестины, в настоящее время встречаются на Святой земле гораздо реже. Х. и А. Молденке (H. & A. Moldenke, 1952) указывают еще несколько причин многочисленных ошибок и противоречий в идентификации библейских растений, которые необходимо учитывать в подобной работе. Среди них, в первую очередь, отсутствие ботаники, как науки, в период формирования библейских текстов, а как следствие – отсутствие в те времена единых общепринятых наименований растений. Кроме того, авторы говорят о необходимости учитывать сложный и длительный процесс формирования текстов Писания, а также возможное длительное существование ряда библейских сюжетов в виде устных повествований до момента их письменной фиксации. Все это, по мнению авторов, заметно усложняет работу исследователей библейской флоры и делает необходимым более глубокий анализ библейских текстов.

Нередко в качестве минуса работы Х. и А. Молденке (H. & A. Moldenke, 1952) указывают на отсутствие у авторов опыта самостоятельных полевых исследований флоры Палестины. Тем не менее, безусловно, каждый исследователь, желающий продолжить изучение растений Священного Писания, не сможет обойтись без ценной информации и теоретических замечаний, представленных авторами «Plants of the Bible».

В последние два десятилетия XX века были изданы две заметные энциклопедии библейских растений – М. Зохари «Plants of the Bible» (Zohary, 1982) и Ф. Найджела Хеппера (Nigel Hepper, 1992) «Illustrated encyclopedia of Bible plants». Обе книги замечательно

иллюстрированы оригинальными рисунками и фотографиями, содержат информацию по подавляющему большинству растений как Ветхого, так и Нового Завета.

Первая из них – «Plants of the Bible» (1982), написана известным израильским ботаником, обладающим обширным опытом исследования растений *in situ*, автором одной из наиболее авторитетных «Флор» Палестины Михаэлем Зохари (Michael Zohary). В предисловии к «Plants of the Bible» автор говорит о том, что стимулом для написания этой книги стало осознание им необходимости тщательного пересмотра многочисленных ошибочных интерпретаций библейских наименований растений, закрававшихся во многие книги по библейской флоре, а также во многие переводы Священного Писания. Автор не ставит целью сказать нечто новое в данной области знаний, а скорее – внести коррективы в имеющиеся гипотезы и отбросить явно ошибочные. Книга состоит из двух основных частей. Первая посвящена весьма разностороннему описанию географических и климатических особенностей Палестины, а также реконструкции взаимосвязей жизнедеятельности «библейского человека» с окружающей средой. Особое внимание автор уделяет роли растений в религиозной жизни, в фольклоре и в искусстве древних израильтян. Вторая часть книги – это обзор всех растений, упоминаемых в книгах Библии. Для удобства повествования автор делит все библейские растения на логические (но не систематические) группы: плодовые деревья, злаки и овощи, дикие травы и др. Для каждого растения приводятся ключевые библейские цитаты, которые обсуждаются в свете современных представлений о ботанической принадлежности рассматриваемого наименования. Кроме того, дается краткое описание данного растения, его ареала, особенностей использования жителями древней и современной Палестины. Особенностью работы М. Зохари можно считать широкое использование древних и современных арабских и арамейских наименований растений для реконструкции ботанической принадлежности представителей библейской флоры. Автор исходит из того, что целый ряд современных языков и диалектов (например, диалект евреев Курдистана, языки североафриканских народов) сохраняют древние корни, позволяющие глубже понять значение некоторых древнееврейских наименований растений. Кроме того, М. Зохари уделяет большое внимание древним переводам Писания на языки семитской группы (таргумы, Пешитта), в сравнении с которыми, по его мнению, даже весьма древние переводы на греческий и латынь являются менее ценными источниками информации.

Заслуживают внимания и некоторые методологические замечания, высказанные в предисловии энциклопедии «Plants of the Bible». Автор рассматриваемой работы формулирует основные проблемы идентификации библейских растений. Одна из таких проблем, по его мнению, заключается в том, что некоторые библейские фитонимы восходят к до-библейскому устному народному творчеству. Таким образом, эти названия уже к моменту

формирования текстов Библии входили в состав распространенных фразеологизмов и могли использоваться без понимания их конкретного ботанического значения. Таким образом, ни контекст, ни историческая традиция не могут прояснить ситуацию. Еще одна проблема, по мнению М. Зохари, обусловлена тем, что библейский повествователь мало интересуется конкретными видами растений. Священные тексты написаны отнюдь не ботаниками, а потому целый ряд ботанических древнееврейских наименований отражает обобщающие понятия (цветы, колючки, пряности). Автор иллюстрирует эту ситуацию тем, что в Ветхом Завете встречается более 20 различных наименований, обозначающих колючие сорняковые растения, тогда как в природной флоре Палестины таких растений свыше 60 видов. Найти среди этих 60 видов точное соответствие каждому из 20 библейских наименований не представляется возможным. Обобщенный характер носит, по мнению автора книги, и наименование *ʿérez*, чаще всего передаваемое как «кедр» и скрывающее за собой также и тамариск, виды сосен и можжевельников. Этой же причиной М. Зохари объясняет тот факт, что в его работе описано 128 библейских растений при том, что в самом тексте Библии встречается лишь 110 наименований. Обратная ситуация, по мнению М. Зохари, также крайне усложняет работу исследователя флоры Библии. Таковой он считает нередко встречающиеся поэтические синонимы названий одного и того же растения, среди которых *qôš* и *dardar*, *šāmîr* и *šáyîr*, *shûshan* и *ḥāḇaṣṣéleṭ*. Автор убежден, что каждая из этих пар слов представляет собой два названия одного и того же растения, использованных согласно распространенному в поэтических текстах Библии приему параллелизма. Таким образом, не имеет никакого смысла искать отдельное ботаническое соответствие абсолютно каждому древнееврейскому фитониму.

Кроме того, М. Зохари предостерегает исследователей также от поиска соответствий всем библейским растениям среди представителей природной флоры Палестины, так как многие, в особенности, пряные растения или продукты, изготовленные из них, могли завозиться из самых разных стран Азии и Северо-Восточной Африки.

Вторая не менее известная энциклопедия библейских растений конца XX века – работа британского исследователя, сотрудника Королевских ботанических садов Кью Ф. Найджела Хеппера (Nigel Hepper, 1992) «*Illustrated encyclopedia of Bible plants*». Эта книга явилась результатом многолетних полевых исследований растений Ближнего Востока, а также Восточной Африки и стран южной Европы. Более 30 лет Ф. Найджел Хеппер осуществлял свои экспедиции, собирая материал по растениям Священного Писания и дополняя его за счет работы в крупнейших гербариях и научных библиотеках мира. До рассматриваемой нами энциклопедии Ф. Найджел Хеппер подготовил две серьезные работы, которые касались самых разных аспектов создания библейских садов - «*Bible Plants at Kew*»

(1981) и «Planting a Bible Garden» (1987). Безусловно, эти две книги имеют не только практическое значение, но содержат важный теоретический материал.

Следует заметить, что «Illustrated encyclopedia of Bible plants» - не просто энциклопедия библейских растений, где перечислены и описаны те или иные виды, упомянутые в Писании. Это – цельная и очень многогранная работа, объединившая материалы по географии и флористике Палестины, истории культивирования растений, а также многочисленные данные о практическом применении растений, различные аспекты истории и искусства Ближнего Востока. Большое внимание в работе уделено экологической обстановке в Палестине, проблемам охраны окружающей среды, сохранения природных экосистем и биоразнообразия. Каждая глава этой книги – небольшое, но содержательное, научное эссе на определенную тему, легко читаемое и без труда воспринимаемое даже неподготовленным читателем.

Однако надо заметить, что обе работы – Зохари (Zohary, 1982) и Найджела Хеппера (Nigel Hepper, 1992) – носят, скорее, научно-популярный характер и ориентированы на широкий круг читателей, а не на профессиональных ботаников или специалистов по библеистике.

Таким же ценным источником информации как по библейской флоре, так и, в целом, по естественной истории Палестины может считаться серия из трех прекрасно оформленных книг, изданных в последней четверти XX века усилиями сотрудников библейского парка и исследовательского центра Neot Kedumim (Израиль). Их автор Н. Хареувени (N. Hareuveni) – основатель и директор Neot Kedumim – известный специалист в области «библейской флоры». Его интерес к данной тематике, по его же собственным словам, возник еще в детстве, благодаря его родителям – знаменитым израильским ученым-естествоиспытателям Эфраиму и Ханне Хареувени (Ephraim & Hannah Hareuveni). Чета Хареувени переехала в Палестину в 20-е гг. XX века и занялась активным изучением природы этого региона Ближнего Востока. В ходе многочисленных экспедиций ученые смогли собрать как уникальный гербарный материал, так и множество ценных сведений по размножению, культивированию и использованию в пищу растений Палестины. Большое внимание Э. и Х. Хареувени уделяли сбору самого разного фольклора, связанного с растительным миром. Их детищем стал знаменитый Музей библейской и талмудической ботаники (Museum of Biblical and Talmudic Botany), который был разрушен во время войны в Израиле в 40-е гг. XX века. По мнению Н. Хареувени, его родители были пионерами исследования библейской флоры в русле еврейской традиции.

Создание библейского парка Neot Kedumim в 1965 году стало подлинным воплощением идей знаменитых родителей Н. Хареувени. Главная идея парка – воссоздание и

сохранение природных ландшафтов Палестины, а также реконструкция быта, сельскохозяйственной и животноводческой деятельности древних израильтян с целью показать глубокую и неразрывную связь библейского повествования с природой. По словам Н. Хареувени, этот парк создавался «с лопатой в одной руке и с Библией – в другой».

Рассматриваемая серия книг является результатом многолетней работы автора над разработкой, созданием и функционированием Neot Kedumim. Первая из них - «Nature in Our Biblical Heritage» (Hareuveni, 1980) – посвящена, в первую очередь, связи традиционных еврейских праздников с природой Палестины. Вторая – «Tree and Shrub in Our Biblical Heritage» (Hareuveni, 1984) – представляет для нас больший интерес, так как посвящена деревьям и кустарникам, упоминаемым в Священном Писании. Автор отмечает, что в Писании встречается порядка 30 наименований древесных растений, из них примерно половина рассматривается на страницах книги. В отличие от многих авторов-ботаников Н. Хареувени в своей книге обсуждает не только вполне реалистичные сюжеты, но отдельные главы посвящает, например, *дереву жизни* (Быт. 2:9) и негораемому *терновому кусту* (Исх. 3:2). Эта книга, как и остальные работы N. Hareuveni, отличается особенным вниманием к еврейской традиционной экзегезе, что выражается, в первую очередь, в широком использовании еврейских постбиблейских текстов. Третья книга серии – «Desert and Shepherd in Our Biblical Heritage» (Hareuveni, 1991) - продолжает развивать идеи необходимости знакомства с природой Израиля для полноценного понимания Библии. Впервые эти идеи были высказаны Hareuveni в его ранней работе «New Light on the Book of Jeremiah» (1950), где автор доказывал ошибочность методологии представителей библейской критики, как исследователей, зачастую, живущих вдали от Палестины и не знакомых близко с ее природой. Только тот, по мнению Hareuveni, кто сам столкнулся с природой и ландшафтом тех мест, где развивались библейские события и где звучала проповедь пророков, может в полной мере понять смысл слов пророков, особенности их личностей, их неповторимый индивидуальный стиль.

Рассмотренные книги Н. Хареувени написаны доступным для широкого круга читателей языком, однако при этом представляют несомненный интерес и для специалистов. Их ценность состоит не только в практическом многолетнем опыте работы над уникальным библейским парком, но и в значительном объеме подобранного материала, касающегося традиционной еврейской экзегезы.

В XXI столетии подобный формат литературы, посвященной библейским растениям, получил свое развитие в двух хорошо изданных и богато иллюстрированных энциклопедиях, написанных Л.Дж. Мусселманом. Первая из них – «Figs, Dates, Laurel, and Myrrh Plants of the Bible and the Quran», вышедшая в 2007 году. Главная особенность этой работы, отличающая

ее от множества предшествующих, – объединение материала по библейским растениям с данными о растениях, упомянутых в Коране. Если литературы по библейской флоре, по словам Мусселмана, достаточно много, то работ по растениям Корана ему удалось найти гораздо меньше. Автор формулирует две задачи, которые он пытался решить с помощью этой книги. Первая – помочь читателям глубже постичь экологические и культурные факторы появления растительных образов в Писаниях, а вторая – попросту привлечь внимание и интерес к самим этим растениям. Работа над книгой началась более чем за 20 лет до ее выхода, когда Л.Дж. Мусселман поставил перед собой цель увидеть каждое растений Библии и Корана в природе. Причем не только увидеть, но и собрать в максимальном объеме оригинальный материал по использованию этих растений современными коренными жителями Ближнего Востока. Из всего списка растений Библии и Корана автор не смог наблюдать в природе лишь представителей рода *Aquilaria*, которые предположительно соответствуют ветхозаветному *алою* - *āhālôt* (Числ. 24:6, Пс. 45:8, Притч. 7:17, Песн. 4:14). Автор отмечает, что целый ряд растений как в Коране, так и в Библии, не реалистичны, а потому их невозможно изучать в природе. Поэтому автор оставил их за рамками своего исследования и за рамками своей книги. К таким растениям автор относит: дерево жизни (Быт. 2:9), несгораемый терновый куст (Исх. 3:2), манну (Исх. 16:31). Сюда же он включает растение *qīqāuḏp* из книги пророка Ионы (Иона 4:6), так как, по мнению автора, сам сюжет, где растение вырастает за одну ночь, не позволяет пытаться идентифицировать это растение. Мусселман, однако, делает оговорку, что вопрос о древних реалиях, повлиявших на формирование этих растительных образов, ему очень интересен, но в круг вопросов данной книги он не входит. Кроме того, автор исключил из поля зрения многие обобщающие наименования: цветы, горькие травы и т.д.

Во введении Мусселман касается в целом вопроса соотношения ботанических знаний и библеистики, отмечая, что вопрос этот остается окончательно не проработанным. В первую очередь, автор связывает это с тем, что исследователь в данной области должен хорошо ориентироваться не только в библеистике и теологии, но и быть знакомым с флорой и растительностью Ближнего Востока. Таких исследователей за всю историю изучения библейской флоры, по мнению автора, было очень мало. Даже внимательный анализ книги таких признанных специалистов в данной области, как американские ботаники Х. и А. Молденке (H. & A. Moldenke, 1952), демонстрирует недостаток понимания авторами литературных тонкостей библейских текстов.

В книге «Figs, Dates, Laurel, and Myrrh Plants of the Bible and the Quran» Л.Дж. Мусселман обсуждает более 100 видов растений, упоминаемых в Библии и в Коране. Каждому растению посвящена отдельная статья с описанием морфологии, использования

человеком, контекста цитат из Писаний, а также спорных вопросов идентификации. Больше внимания автор уделяет широко культивируемым сельскохозяйственным растениям. В сравнении с библейскими растениями процент растений из Корана незначителен: например, по данным, представленным в рассматриваемой книге, в Библии упоминается 25 видов древесных растений, тогда как в Коране – всего 5.

Интересны размышления автора по методологическим вопросам идентификации растений, упоминаемых в древних текстах. Мусселман рассматривает две основные области знаний, благодаря которым возможны реконструкции древних ботанических реалий Библии и Корана – историческую и этнологическую. Первая, согласно Л.Дж. Мусселману (Musselman, 2007), включает филологические, археологические, искусствоведческие данные. Автор отмечает, что эта область разработана гораздо полнее второй - этнологической, к которой он относит и свои оригинальные исследования.

Вторая энциклопедия этого же автора или, как она названа самим Мусселманом, словарь «A Dictionary of Bible plants» (Musselman, 2011) включает лишь растения Библии. В этот раз автор не стал включать в книгу растения Корана. Это издание также прекрасно оформлено, а текст написан простым, доступным широкому кругу читателей языком. Автор уже в предисловии предвосхищает вопрос читателя о том, чем же отличается очередная книга по библейской флоре от многочисленных предшественников. Отвечая на этот вопрос Мусселман, повторяет в целом те же принципы, которые были изложены и в его предыдущей работе: изучение всех упоминаемых растений *in situ*, упор на роль этих растений в жизни современных коренных жителей Ближнего Востока, активное привлечение археологических данных, в особенности, результатов анализа содержимого древнеегипетских гробниц. Несомненно, и охват литературных сведений, и многие годы полевых исследований «от Бейрута до Борнео и от Атласских гор до Загроса» (Musselman, 2011, р. XI), делают данный Словарь эталоном подобной работы. Особенно ценен обзор литературы, посвященной растениям Библии, в которой автор не просто знакомит читателя с ключевыми работами в данной области с Античности до наших дней, но и пытается проанализировать развитие подобных исследований и их связь с развитием естественных наук в целом.

Помимо литературы, специально посвященной растениям Библии, стоит упомянуть и основные современные библейские словари, к которым, как правило, обращаются исследователи Священного Писания. Самый значительный библейский словарь XX века *Anchor Bible Dictionary* (Freedman, 1992) включает отдельную, достаточно объемную, статью, посвященную библейской флоре («Flora», Jacob & Jacob, 1992). В общей части авторы статьи дают компактный обзор проблем изучения библейской фитонимики, отмечая, что ботаническая идентификация многих библейских растений носит дискуссионный характер.

Одну из причин сложности точной и достоверной идентификации библейских фитонимов авторы статьи видят в том, что многие растения, которые не имеют никакого отношения к библейской флоре, на протяжении веков традиционно считались библейскими. Такая народная идентификация порой закреплялась в научной номенклатуре, что лишь усугубляло ситуацию. Кроме того, в статье поднимается интересная и мало раскрытая в научной литературе тема: ботанические наименования, так или иначе связанные с различными библейскими сюжетами. В качестве иллюстрации в статье приводится целый список такого рода английских фитонимов (например, Aaron's beard «борода Аарона» – *Hypericum calycinum* Зверобой чашечковидный, Adam and Eve «Адам и Ева» – *Arum maculatum* Аронник пятнистый, Adam's needle «игла Адама» – *Yucca gloriosa* Юкка славная). Авторы подчеркивают, что эти растения, несмотря на свои «библейские» названия, не могут рассматриваться в качестве элементов библейской флоры.

Согласно подсчетам Джэйкоба и Джэйкоб, в Библии упомянуто 128 различных наименований растений, для каждого из которых в статье приводится краткая, но емкая характеристика. При работе над статьей составители ABD пользовались, в основном, литературными данными (Löw, 1924-1934; Moldenke & Moldenke, 1952; Zohary, 1982), не ставя своей целью проведение оригинального научного исследования. Не избежали авторы повторения некоторых характерных ошибок своих предшественников. Например, Джэйкоб и Джэйкоб приводят одну из самых распространенных ошибочных интерпретаций библейского фитонима ἄλoή «алой», входившего в состав благовония, с помощью которого Тело Христа было приготовлено к погребению (Ин. 19:39). По мнению авторов (Jacob & Jacob, 1992, vol. 2, p. 805), это один из видов алоэ в современном понимании (*Aloe vera*), а вовсе не «алойное дерево» (*Aquillaria* spp).

* * *

Таким образом, исследования растений Священного Писания прошли долгий путь от средневековых «травников» до научных работ, выполненных на высоком современном уровне. Можно отметить, что развитие «библейской ботаники» шло по пути синтеза данных, полученных с применением методов, относящихся к самым разным научным дисциплинам (ботаника, лингвистика, этнография, археология). Однако следует отметить, что подавляющее большинство современных обзорных работ по данной тематике носит научно-популярный характер, тогда как полноценная научная сводка по растениям Священного Писания до сих пор остается делом будущего.

1.2. Отечественная литература.

Первый раздел настоящего обзора был посвящен зарубежным работам по растениям Священного Писания, однако особый интерес для нас могли бы представлять отечественные публикации по данной тематике. Они могли бы продемонстрировать развитие взглядов российских специалистов на спорные вопросы «библейской ботаники», выявить определенные традиции понимания и интерпретации еврейских и греческих наименований растений. С помощью отечественных работ можно было бы понять логику переводчиков Священного Писания при выборе тех или иных русских названий растений для различных русских переводов Библии, в особенности – логику авторов Синодального перевода. Но, к сожалению, отечественная литература по данному вопросу крайне скудна, в сравнении с зарубежной. Поэтому мы рассмотрим все русскоязычные источники, посвященные растениям Библии, которые нам удалось изучить.

Первой и, пожалуй, единственной отечественной научной (а не популярной) сводкой, в которой сделана попытка охватить все виды растений Священного Писания, остается книга известного богослова и педагога XIX века протоиерея Димитрия Разумовского «Обозрение растений, упоминаемых в Священном Писании», вышедшая в 1871 году. Несмотря на то, что основной областью исследований профессора Разумовского была история церковной музыки, его работа, посвященная библейским растениям, представляет собой масштабную энциклопедию, в которой приводятся многочисленные сведения не только по внешнему облику и свойствам библейских растений, но и, в целом, по естественной истории Ближнего Востока.

Протоиерей Д. Разумовский был подлинным ученым-энциклопедистом. Являясь ведущим специалистом своего времени в области церковной музыки, он хорошо ориентировался в современной ему библейской науке, знал и преподавал древнееврейский язык, а также некоторое время читал курс естественной истории в Киевской духовной академии. Все это объясняет фундаментальный характер его труда по библейской флоре.

«Обозрение...» строится по достаточно стандартному для подобных работ принципу: общая часть, описывающая природу и растительность Палестины, и частные главы, посвященные различным растениям Библии, разделенным на условные группы (травы, кустарники и четыре группы древесных пород). Автор старается охватить максимальное число библейских растений, выстраивая при этом логичное и структурированное повествование, доступное даже не специалисту. Основой для рассматриваемой работы служила, по-видимому, классическая работа О. Цельсия «Hierobotanicon» (Celsius, 1747-48), а также многочисленные сведения по естественной истории Ближнего Востока, собранные из публикаций как отечественных, так и зарубежных исследователей и путешественников. Прот.

Д. Разумовский использует материалы из книг Хасселквиста (Hasselqvist, von Linné, 1766) и Форскала (Forskål, 1755), которые были рассмотрены выше, а также активно цитирует работы путешественников по Ближнему Востоку середины XIX века (Клодт-Бей, 1842; Норов 1838; Рафалович, 1850).

Жаль, в книге не всегда приводятся ссылки на конкретный источник, в особенности, когда автор ссылается на мнение «новейших исследователей» (Разумовский, 1871, с. 144, 161). Например, еврейское $\text{tə}^{\text{a}}\text{ššûg}$ (например, Ис. 60:13) – автор считает пихтой *pinus abies* (в настоящее время такая латинская комбинация не используется, имеется в виду, скорее всего, пихта белая или европейская *Abies alba*), но «новейшие исследователи» считают, что это буковое дерево или самшит. Та же ситуация относительно еврейского наименования tappû^{h} (например, Песн. 2:4). У Разумовского это – яблоня, а у «новейших исследователей» – айва – *Cydonia vulgaris* (согласно современной номенклатуре – *Cydonia oblonga*).

Было бы бесполезно знать, данными каких именно современных ему исследователей пользовался автор. Так как рассматриваемая книга создавалась в одно и то же время с Синодальным переводом Библии, можно предположить, что авторы перевода могли использовать те же материалы при переводе названий растений, что и автор «Обозрения».

Помимо чисто естественнонаучных данных, прот. Д. Разумовский нередко приводит мнения авторитетных экзегетов и богословов. Так, например, обсуждая ботаническую принадлежность «певга» (Ис. 60:13), автор цитирует «Поучение о четвероконечном Кресте» свт. Димитрия Ростовского, где святитель высказывает мысль, что певг – это финиковая пальма (Разумовский, 1871, с. 163). Обратим внимание, что аргументация свт. Димитрия к определению «певга» как финика строится исключительно на богословских основаниях. Отправной точкой в цепочке аргументов служит высказывание св. Киприана «*возшель еси, Господи, на финикъ, яко то креста Твоего древо знаменоваше торжество надъ діаволомъ*». Авторитет святого учителя стоит на первом месте у свт. Димитрия: «*Доздръ Киприанъ святой. И вѣроятно есть его слово...*» Кроме того, свт. Димитрий приводит собственные аргументы из Священного Писания. Во-первых, финик – служит знаменем победы Христа во время торжественного Входа во Иерусалим. Во-вторых, «певг» наряду с кедром и кипарисом упоминается в Ис. 60:13 как символ славы Ливана. В-третьих, святитель усматривает параллель Ис. 60:13 с Сир. 24:15, где упомянуты кедр, кипарис и финик, но нет «певга», из чего делается вывод, что «*Сирахъ ... финика вмѣсто певка сказуетъ*». Эта небольшая часть из «Поучения о четвероконечном Кресте» свт. Димитрия Ростовского демонстрирует яркий пример того, как идентификация библейского фитонима может базироваться исключительно на богословско-экзегетических основаниях, без учета естественнонаучных данных. Однако сам прот. Д. Разумовский, живший двумя столетиями спустя, демонстрирует более научный

подход, он уже не полагается слепо на авторитет святого автора, а высказывает свою гипотезу. Прот. Д. Разумовский относит «певг» к «деревьям падубовым», не поясняя, к сожалению, что в его понимании означает этот термин.

Таким образом, несмотря на ряд устаревших интерпретаций, книга прот. Д. Разумовского «Обозрение растений ...» является важной вехой в отечественных исследованиях библейской флоры. И в наши дни она может представлять интерес не только для историков науки, но и для всех, кто всерьез интересуется Священным Писанием.

Кроме работы прот. Д. Разумовского нам не известно ни одной отечественной работы XIX и XX веков, посвященной растениям Священного Писания. Дореволюционная литература, посвященная Библии, как правило, в отношении растительного мира не содержит никаких оригинальных сведений и носит не самостоятельный характер. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к таким популярным отечественным сводкам рубежа XIX и XX веков, как «Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия» архим. Никифора (1891) и «Толковая Библия» под редакцией А.П. Лопухина. В предисловии к «Библейской энциклопедии» составитель прямо признается, что многие статьи по библейской географии, зоологии и ботанике «с некоторыми краткими изменениями прямо заимствованы» из трех английских библейских словарей: D. Eaidies Biblical Cyclopoedia, Beeton's Bible Dictionary, Cassel's Bible Dictionary (Никифор, архим., 1891, с. 6). Как следствие, ботанические статьи в «Библейской энциклопедии» содержат достаточно большой фактический материал, но повторяют все ошибки, характерные для литературы по библейской флоре XIX века. Так, *алой* (ʾāhālôt) из Песн. 4:14 ошибочно идентифицируется, как южноафриканские представители рода Алоэ *Aloe* (Там же, с. 37). Древнееврейское *bərôšîm*, переданное в Синодальном переводе Пс. 103:17 как *ели*, именно как ель и рассматривается в Энциклопедии (Там же, с. 234). В статье «Иссоп» (Там же, с. 303-304) хотя и не дается четкая ботаническая идентификация, однако говорится, что из библейских цитат «можно заключить, что это пахучее растение, достигающее иногда саженной высоты, с голубыми или белыми цветами». Каким образом автор делает такие заключения, не ясно, поскольку ни один библейский контекст не дает оснований делать такие выводы о признаках этого растения (см. раздел 4.2). Рисунки-гравюры в «Библейской энциклопедии» хотя и выполнены на высоком художественном и техническом уровне, но изображения растений на них поразительно не точны. Например, на иллюстрации к уже упомянутой статье «Иссоп» изображено некое цветущее растение, которое не поддается никакой ботанической идентификации.

В «Толковой Библии» (Лопухин, 1904-1913) библейским растениям уделено совсем не много внимания. Многие достаточно трудные для интерпретации библейские фитонимы

(например, ʾēzôḇ – *иссон* Исх. 12:22, bəṛôšîm – *ели* Пс. 103:17, qôš wəḏardar – *терния и волцы* Быт. 3:18, qimmôś – *крапива* Ос. 9:6, tiḏhār – *невг* Ис. 60:13) оставлены без комментария. Составители в этих случаях будто бы полагаются на интерпретацию авторов Синодального перевода. А для транслитерированных древнееврейских фитонимов *гофер* (Быт. 6:14) и *ситтим* (Исх. 25:5) гипотезы об их ботанической принадлежности даются без всякой попытки обосновать и без всякой ссылки на автора гипотезы (Там же, т. 1, с. 48, 355). Вызывает сожаление, что некоторые авторы современных популярных изданий или Интернет-публикаций черпают информацию по библейским растениям из этих источников (Грановская, 2008; Туманова, 2001).

В советский период истории нашей страны по понятным причинам библеистика фактически не развивалась. И лишь в начале XXI столетия появляется несколько популярных русскоязычных изданий и статей по библейской флоре. Нам известны две красочно изданные книги-сводки, авторы которых попытались суммировать и представить для широкого круга читателей имеющиеся данные о библейских растениях. Первая из них – «Растительный мир Библии: краткий словарь», составленный профессором-языковедом, специалистом по русскому литературному языку Л.М. Грановской (2008). В данном словаре содержится более 40 статей, каждая из которых повествует об одном из растений Библии или характеризует некое общее ботаническое понятие, например, «ветвь», «дерево». Как видно по числу словарных статей, в книге рассмотрены далеко не все растения, упомянутые на страницах Священного Писания. Весьма положительно оценивая саму идею создания подобного популярного издания, к большому сожалению, мы не можем признать рассматриваемую попытку удачной. Например, во многих случаях автор отталкивается от русского Синодального перевода Библии, не принимая во внимание тот факт, что Синодальный перевод зачастую непоследователен в передаче оригинальных еврейских и греческих фитонимов. В результате, читатель вводится в заблуждение. Скажем, в Синодальном переводе словами «*терн*» или «*терновник*» передается несколько еврейских фитонимов (см. раздел 2.1.1), однако в рассматриваемой работе это никак не отражается. Кроме того, в данном словаре для некоторых библейских фитонимов ботаническая идентификация приводится без каких-либо аргументов и ссылок. К примеру, в словаре утверждается, что «*гофер*» (Быт. 6:14) – это разновидность акации, хотя такая интерпретация в научной литературе нам не встречалась. Будучи филологом, автор словаря приводит много интересных материалов по символике упоминаемых в Писании растений в культурах разных эпох и разных народов, нередко словарные статьи сопровождаются объяснениями фразеологизмов, возникших на основе библейских мотивов. Интересна подборка стихотворений, в которых использованы образы библейских растений.

Однако в области ботаники Л.М. Грановская допускает несколько досадных ошибок. Например, называет терновник травой, хотя это древесная порода (Грановская, 2008, с. 63). Ко всему этому среди ярких фотографий, которые являются очевидным украшением словаря, имеется целый ряд снимков с подписями, совершенно некорректными с ботанической точки зрения. Например, на фото, подписанном «кедр», изображены побеги и шишки сосны сибирской (сибирский «кедр» - *Pinus sibirica*). Это сибирское хвойное не только не растет на Ближнем Востоке, но и относится к иному роду, нежели библейский кедр ливанский (*Cedrus libani*). Вместо акации на соответствующем фото – цветки и побеги караганы (*Caragana*), которую в народе принято называть «желтой акацией», хотя она вовсе акацией не является. На фото за подписью «Мамврийский дуб» - европейский дуб черешчатый (*Quercus robur*), за подписью «орех» - орешник или лещина (*Corylus*), совершенно не родственная настоящим орехам (род *Juglans*). Еще большее удивление вызывает фото, подписанное «алмуг». На нем изображен один из видов экзотического рода Гуаякум (*Guaiacum*), все представители которого обитают исключительно в Новом Свете, а потому не могут иметь никакого отношения к библейскому фитониму.

Таким образом, книга Л.М. Грановской, на наш взгляд, хотя и заслуживает внимания, как одна из немногих отечественных попыток популяризировать «библейскую ботанику», однако не может рассматриваться в качестве положительного примера подобной литературы.

Вторая известная нам популярная обзорная книга на русском языке о растениях Священного Писания «Прекрасные растения Библии» И.Н. Сокольского (2013) представляет собой гораздо более объемный труд, чем рассмотренный выше словарь Л.М. Грановской. И.Н. Сокольский – известный специалист по лекарственным растениям, готовя материалы для своей книги, несколько лет прожил на Святой Земле, что, несомненно, отразилось на качестве материала. Каждая глава книги посвящена отдельному растению или некой группе растений, упомянутых в Писании. Материал представлен в доступной широкому кругу читателей форме с упором на профессиональную область интересов автора – лекарственные свойства растений и историческую кулинарию. Несомненным достоинством этой работы является то, что автор хорошо знаком и со Священными Текстами, и с иудейской и христианской традициями экзегезы, а также учитывает оригинальные древние наименования растений. К сожалению, вынуждены заметить, что в книге имеются как случаи использования непроверенной информации, так и отдельные фактические ошибки. Например, автор повторяет широко распространенную в Интернете совершенно безосновательную гипотезу о значении греческого слова ἄσπιτος «кустарник с ароматными листьями» (Сокольский, 2013, с. 86). Кроме того, в качестве двух возможных «кандидатов» на «роль» библейского иссопа И.Н. Сокольский приводит два растения иссоп сирийский

(*Origanum syriacum*) и майоран сирийский (*Majorana syriaca*). Автор сравнивает их внешние признаки и особенности местообитаний, благодаря чему приходит к выводу, что в качестве библейского иссопа предпочтительнее первый «кандидат» (Там же, с. 87). Однако вся эта дискуссия не имеет никакого смысла, так как речь идет об одном и том же растении и двух его номенклатурных синонимах. Ни одним исследователем эти две номенклатурные комбинации не рассматривались в качестве наименований разных видов, что легко проверить по современным международным базам ботанической номенклатуры (The International Plant Names Index – www.ipni.org, The Plant List – www.theplantlist.org).

По нашему мнению, книга И.Н. Сокольского – серьезный шаг в отечественной литературе по «библейской ботанике». Относительно небольшой тираж этого издания, а также огромный интерес читателей к данной тематике, позволяют надеяться, что «Прекрасные растения Библии» будут переизданы с учетом замечаний и пожеланий, предложенных специалистами в области ботаники, истории, филологии, библеистики.

Из отечественных научных публикаций по данной тематике следует особо отметить обзор аккадской ботанической лексики, написанный заведующим кафедрой Истории и филологии Сирии и Палестины ИВКА РГГУ Л.Е. Коганом (Kogan, 2012). Данный монументальный труд объединил как общую ботаническую лексику аккадского языка, так и собственно фитонимику. Каждому термину или фитониму посвящена отдельная обстоятельная статья, в которой рассматриваются в числе прочего многочисленные параллели в других семитских языках. Для целей нашей работы особенно важны древнееврейские параллели. В качестве примера можно привести библейский *haraḥ legomenon boṭnîm* (Быт. 43:11, в Синодальном переводе – *фисташки*), которому соответствуют аккадские *buṭnu* и *buṭumtu*. Этот пример детально рассмотрен нами ниже (см. раздел 4.3.4). Несомненно, работа Л.Е. Когана является важнейшим источником информации для работы с библейской фитонимикой.

* * *

Наш краткий экскурс в историю русскоязычных научных и популярных публикаций, посвященных растениям Библии, на наш взгляд, убедительно демонстрирует крайнюю недостаточность имеющихся работ. Очевидно, что для развития отечественной библеистики необходимы как оригинальные научно-исследовательские работы в данной области, так и обобщающие сводки или энциклопедии библейских растений. Такие сводки должны охватывать максимальное число еврейских и греческих наименований растений из книг Священного Писания, а сам материал сводки должен отражать комплекс данных разноплановых научных дисциплин: ботаники, филологии, этнографии, искусствоведения и т.д.

ГЛАВА 2. ИДЕНТИФИКАЦИЯ РАСТЕНИЙ БИБЛИИ В ПЕРЕВОДАХ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

В данном обзоре будут рассмотрены принципы идентификации растений Библии в древних переводах (Септуагинта, Вульгата), в классических европейских переводах (Библия Лютера, Библия короля Иакова) и в современных переводах. В целом обзор будет построен по хронологическому принципу, но с одним исключением: мы начнем его, вопреки хронологии, с того перевода, который имеет наибольшее значение для современного русскоязычного читателя – с русского Синодального перевода.

2.1. Наименования растений в Синодальном переводе Ветхого завета.

Так называемый Синодальный перевод Библии, создававшийся в середине XIX века по благословению Святейшего Синода, и в наше время остается для русскоязычного читателя основным текстом Священного Писания. Именно поэтому для целей нашей работы, как указывалось во введении, особенно важно выявить ключевые принципы перевода ботанической лексики в СП. Кроме того, мы попытаемся установить, какие из предшествующих переводов на европейские языки (или иные литературные источники) могли послужить создателям Синодальной Библии основой для перевода на русский язык древнееврейской ботанической лексики.

К сожалению, сама переводческая «кухня» создателей Синодальной Библии практически не сохранилась (Алексеев, 2002а; Реморов, 2003; Чистович, 1899). Можно предположить, что авторы перевода в спорных случаях, касавшихся ботанических наименований, могли прибегать к наиболее авторитетным и распространенным словарям, энциклопедиям, ботаническим справочникам середины XIX века. Так как Синодальный перевод Ветхого Завета осуществлялся преимущественно с Масоретского текста (МТ, в настоящей работе мы пользовались стандартным изданием еврейской Библии – *Biblia Hebraica Stuttgartensia*, Elliger, Rudolph, 1977), можно предположить, что основным словарем для переводчиков мог быть наиболее полный и авторитетный словарь библейского иврита – *Hebräisches und chaldäisches Handwörterbuch über das alte Testament* (Gesenius, 1834).

Для анализа нами были взяты две книги Ветхого Завета – Бытие и Исайя, в которых имеется достаточное для целей нашей работы число фитонимов. В ряде случаев один и тот же фитоним встречается в обеих книгах, что позволяет сделать наш анализ более полноценным. В качестве переводов, которые предположительно могли служить основным материалом для создания Синодального текста, мы рассматривали следующие: английский перевод - Библия короля Иакова (KJV), немецкий – Библия Лютера 1545 (L45), латинский –

Вульгата (VUL), древнегреческий – Септуагинта (LXX), славянский (СЛ) – Елизаветинская Библия. Установить, каким именно текстом Септуагинты пользовались авторы Синодального перевода, не представляется возможным. Понимая, что различные издания Септуагинты могут существенно отличаться друг от друга, отражая разные кодексы или разные позиции авторов изданий, для целей настоящей работы мы сочли допустимым использовать вышедшее уже в XX веке стандартное издание Септуагинты Ральфса (Rahlfs, 1935).

Отметим, что в ходе нашей работы мы анализировали лишь избранные наименования растений из Бытия и Исаяи, – а именно, те, которые, по нашему мнению, могут быть показательны для установления материалов, послуживших основой для русского Синодального перевода. Из поля нашего зрения были исключены те фитонимы, ботаническая идентификация которых не вызывает споров и которые имеют свои устоявшиеся русские наименования (виноград, ячмень, маслина). Можно предположить, что работа с такими наименованиями не вызывала серьезных затруднений у авторов Синодального перевода и не требовала привлечения дополнительных материалов в виде предшествующих переводов Ветхого Завета на другие языки.

Для наглядности проанализированные наименования растений и их переводы сведены в таблицу – см. Приложение, табл. А.

2.1.1. Источник наименования – славянский текст. Пример 1: «тернии и волчцы».

Для целого ряда наименований растений в Синодальном переводе Ветхого Завета можно однозначно установить в качестве источника текст славянской Библии. Подобные «славянизмы» в русском переводе встречаются, как правило, в тех текстах, которые используются в богослужениях в качестве, например, паремий или в тех оборотах, которые приобрели характер фразеологизма, крылатого выражения.

«Тернии и волчцы» в Бытии.

Характерным примером «славянизмов» среди ботанических наименований в Синодальном переводе могут служить слова *тернии и волчцы* (Быт. 3:18), которые в указанном стихе встречаются также и в славянском тексте (тѣрніа ѿ волчцы возраститъ тѣвѣ, ѿ снѣси травѣ сѣлнѣю), и соответствуют еврейским словам *qôṣ wəḏardar*. Даже для середины XIX века слова *тернии и волчцы* были архаизмами и не воспринимались, как наименования каких-то конкретных видов растений. Так, например, Н. Анненков (1878, с. 84, 99, 103, 248) приводит народное название «волчец» для различных видов сорных растений из родов *Cirsium*, *Carduus*, *Sonchus* (Бодяк, Чертополох, Осот) и т.д. А название «терние» (там

же, с. 202) уже относит не к собственно терновнику (*Prunus spinosa*), а к предполагаемым им на роль «библейских» терниев – *Aconitum album* и *Lycium afrum* (борец белый и дреза африканская). Каковы же были точные значения слов *тернии* и *волцы* во времена перевода книги Бытия на славянский язык установить не представляется возможным. Следует отметить, что перевод еврейских слов *qôš wəḏardar* некой устоявшейся фразой, обозначающей в целом сорные, колючие, дикие растения, затрудняющие земледелие, гораздо больше соответствует контексту Быт. 3:18, нежели попытка перевести *qôš wəḏardar* конкретными ботаническими наименованиями. Ведь речь идет не о том, что земля после грехопадения произрастит конкретные два вида сорняков, а о том, что она произрастит сорные растения, не полезные человеку). Кроме того, найти ботанические соответствия еврейским словам *qôš wəḏardar* можно лишь с очень большой натяжкой. Современные исследователи библейской флоры предлагают целый список «кандидатов» на роль этих растений (Nigel Hepper, 1992, р. 35-36), указывая также на то, что наименования *qôš wəḏardar* могли в древнееврейском языке иметь обобщающее значение. Заметим, что и в LXX, и в VUL оба слова переведены по сути синонимами, обозначающими сорные колючие растения без конкретизации их ботанической принадлежности. Поэтому данный выбор авторов Синодального перевода книги Бытия представляется нам понятным, корректным и обоснованным.

«Тернии и волцы» в Исае.

В Синодальном переводе Книги Исаии пара *терны* и *волцы* встречается 4 раза (Ис. 5:6; 10:17; 27:4; 32:13), однако во всех четырех стихах эта пара слов не имеет прообраза в славянском тексте этой книги.

Ис. 5:6 – МТ *šāmîr wāšāyîṭ* – СП *терны и волцы* – СЛ *ѣкоже на лѣднѣ, тѣрнїе*

Ис. 10:17 - МТ *šîṭô ûšəmîḡô* – СП *терны его и волцы его* – СЛ *ѣкѡ сѣбно вещество*

Ис. 27:4 - МТ *šāmîr šāyîṭ* – СП *волцы и терны* – СЛ *стѣвлїе на нївѣ*

Ис. 32:13 - МТ *qôš šāmîr* – СП *терны и волцы* – СЛ *тѣрнїе ѿ выліе*

Если сравнивать русский текст с еврейским, то можно видеть, что в трех из указанных стихов (Ис. 5:6; 10:17; 27:4) словами *терны* и *волцы* переведены другие еврейские слова, нежели в Быт. 3:18, а именно - *šāmîr* и *šāyîṭ*, а не *qôš wəḏardar*. Четвертый случай вхождения

пары *терны и волцы* в СП Исаяи (32:13) следует особо отметить. В еврейском тексте этого стиха мы единственный раз встречаем сочетание двух наименований - qôṣ̄ и šāmîr. Первое из них (qôṣ̄) встречается также в Быт. 3:18 (в СП – *тернии*) и в Ис. 32:12 (в СП – *терновник*), а второе (šāmîr) – ни разу в Бытии и 8 раз в Исаяе (в СП – 1 раз – *терны*, 4 раза – *терновник*, 3 раза – *волцы*).

Заметим, что слова šāmîr и šāyîṭ также как qôṣ̄ и dardar означают некие сорные колючие растения, точная ботаническая идентификация которых столь же неоднозначна (Nigel Hepper, 1992, pp. 35-39).

Если обратиться к славянскому тексту, то можно видеть, что в славянском переводе рассматриваемых нами стихов Ис. 5:6; 10:17; 27:4; 32:13, в отличие от Быт. 3:18, отсутствует пара *тѣрніа и волцы*. Например, в Ис. 5:6 это – *ѣкоже на лѣднѣхъ, тѣрніе*, а в Ис.10:17 – *ѣкѡ сѣно вѣществѡ*, что, очевидно, отражает текст LXX (Ис. 5:6 – ὡς εἰς χέρσον ἄκανθα «(вырастут) как в сухой земле колючки» и Ис.10:17 – ὡσεὶ χόρτον τὴν ὕλην «(Бог уничтожит) словно траву лес»). Наиболее близок в славянском переводе из указанных стихов Исаяи к Быт. 3:18 (*тѣрніа и волцы*) – стих Ис. 32:13 (*тѣрніе и выліе*). Как видно, создатели Синодальной Библии перенесли перевод двух еврейских слов qôṣ̄ и dardar из русского (или славянского) текста Бытия в книгу Исаяи в качестве перевода для совсем других еврейских слов šāmîr и šāyîṭ. Тем самым намеренно или ненамеренно была создана смысловая параллель между Быт. 3:18 и Ис. 5:6; 10:17; 27:4; 32:13. Очевидно, что ставшее «крылатым» выражение *терние и волцы* показалось авторам СП более уместным для передачи поэтического наименования сорных растений в пророческом тексте Исаяи.

Эта искусственная параллель становится еще более явной при рассмотрении Ис. 33:12, где тоже встречается слово qôṣ̄ (во множественном числе – qôṣ̄îm), но без «пары». Во всех рассматриваемых нами переводах, которые могли служить основой для выбора ботанических наименований СП, qôṣ̄îm в Ис. 33:12 переводится идентично слову qôṣ̄ в Быт 3:18. А в Синодальном тексте в Ис 33:12 вместо ожидаемого «терны» стоит слово *терновник*, т.е. вместо уместного здесь множественного возникает единственное число, причем меняется и само слово (терны – терновник). То есть вне «пары» стандартное выражение *терны и волцы* уже не напрашивается переводчику.

Следует отметить, что столь последовательную параллель между Быт. 3:18 и указанными стихами Ис. 5:6; 10:17; 27:4; 32:13 мы не найдем ни в одном из пяти рассматриваемых нами предшественников Синодального перевода (LXX, VUL, СЛ, KJV,

L45). Во всех пяти переводах пары слов в Бытии (3:18) и в Исае (5:6; 10:17; 27:4; 32:13) не совпадают полностью, а лишь частично. Пожалуй, L45 больше всего сближает перевод этих пар слов в Бытии и Исае: в Быт. 3:18 - Dornen und Disteln, а в Ис. 32:13 – Disteln und Dornen. В KJV степень близости соответствующих выражений друг к другу уже меньше – Быт. 3:18 - thorns also and thistles, а в Ис. 5:6; 10:17; 27:4; 32:13 – пара thorns and briers, расположенные в разных стихах в разном порядке.

Говоря о порядке слов в этих парах, следует отдельно сказать и о Ис. 27:4, где слова *тернии и волчцы* в СП меняются местами (в сравнении с Ис. 5:6; 10:17; 32:13).

Ис. 5:6 – MT šāmîr wāšáyuṯ – СП *терны и волчцы* – KJV briers and thorns – L45 Disteln und Dornen – VUL vepres et spinae

Ис. 10:17 - MT šîṯô ûšāmîrô – СП *терны его и волчцы его* – KJV thorns and briers – L45 Dornen und Hecken - VUL spina et vepres

Ис. 27:4 - MT šāmîr šáyūṯ – СП *волчцы и терны* – KJV briers and thorns – L45 Hecken und Dornen - VUL spinam et veprem

Ис. 32:13 - MT qôṣ šāmîr – СП *терны и волчцы* – KJV thorns and briers – L45 Dornen und Hecken - VUL spina et vepres

При сравнении этих четырех стихов видно, что авторы СП не стремились к последовательному переводу каждого еврейского слова, как мы видим, скажем, в KJV. Если в Ис. 5:6 слову šāmîr – соответствуют *терны*, а šáyūṯ – *волчцы*, то в Ис. 10:17 – соответствие обратное. Остаются неясными мотивы переводчиков, поменявших местами *терны* и *волчцы* в СП Ис 27:4, хотя в MT последовательность слов точно та же, что и в Ис. 5:6. Не позволяет выявить эти мотивы и сравнительный анализ предшествующих европейских переводов, на которые могли опираться авторы СП (VUL, KJV, L45). Во всех случаях мы видим разную степень последовательности переводов терминов, но ни в одном из них не встречается картина, характерная для СП.

Еще менее последовательным выглядит СП Ветхого Завета в отношении ботанической лексики при рассмотрении Ис. 7:23, 7:24, 7:25, 9:18, где также как и в Ис. 5:6; 10:17; 27:4 встречается пара слов šāmîr и šáyūṯ, однако переводятся они без заимствования из СЛ на вполне современный русский язык – *терновник и колючий кустарник*.

Ис. 7:23, 7:24, 7:25 – MT šāmîr wāšáyuṯ – СП *терновник и колючий кустарник* – СЛ

лѣдїна ѿ тѣрнїе

Ис. 9:18 - МТ šāmîr wāšáuyîṯ – СП *терновник и колючий кустарник* – СЛ *трѳ́о́скотъ*

сѳ́χій

Обратим внимание, что в СП наименование растения *терновник* также используется непоследовательно. Так именно словом *терновник* в Ис 55:13 переводится также еврейское *naʿāšûṣ*. Можно предположить, что авторы СП в данном случае ориентировались на отличающийся строгой последовательностью передачи рассматриваемых ботанических наименований в Исае перевод KJV, где *naʿāšûṣ* передано как *thorns*.

Ис. 55:13 – МТ *naʿāšûṣ* – СП *терновник* – СЛ *дрáчїє*

Таким образом, можно заключить, что в Быт. 3:18 русский перевод *šāmîr wāšáuyîṯ* как *тернии и волцы* взят из СЛ, как хорошо знакомый читателю, и перенесен на ряд стихов Исаии (5:6; 10:17; 27:4; 32:13), где в МТ стоят другие пары еврейских слов. Благодаря этому в СП Бытия и Исаии создана искусственная параллель. Кроме того, необходимо отметить непоследовательность перевода слов *šāmîr* и *šáuyîṯ* в разных стихах СП Исаии, чему не представляется возможным найти какое-либо логическое обоснование.

«Тернии и волцы» в других книгах Ветхого Завета.

Вне книг Бытие и Исаия пара слов *тернии и волцы* встречается в СП Ветхого Завета трижды – Иез. 2:6, 28:24 и Ос. 10:8. Причем в СП Осии словами *тернии и волцы* переведены точно те же *qôṣ wəḏardar*, что и в Быт. 3:18, а в Иез. 2:6 – иные два слова – *sāgābîm wəšallônîm*. В третьей из упомянутых цитат – Иез. 28:24 – словом *терн*, как и в Иез. 2:6 передано еврейское *sillôn*, а словом *волчец* – рассмотренное нами выше еврейское *qôṣ* (*терние* из Быт. 3:18).

Иез. 2:6 – МТ *sāgābîm wəšallônîm* – СП *волцями и тернами* – СЛ *разсверѳѳѳютъ ѿ ѿбыдѳѳъ* - LXX *παροιστρήσουσι καὶ ἐπισυστήσονται*

Иез. 28:24 – МТ *sillôn mamʿîr wəqôṣ maḳʿîṯ* – СП *колючим терном и причиняющим боль волцом* – СЛ *ѳ́стѳ́нъ гѳ́рѳ́сти ѿ тѳ́рнъ волѳ́зни* - LXX *σκόλοψ πικρίας καὶ ἄκανθα ὀδύνης*

Ос. 10:8 - МТ *qôṣ wəḏardar* - СП *терние и волцы* – СЛ *тѳ́рнїє ѿ волѳ́ецъ* - LXX *ἄκανθαι καὶ τρίβολοι*

Отметим, что в Ос. 2:6 СП в отношении перевода слов *qôṣ wəḏardar* следует СЛ. Тогда как в славянском тексте Иез. 2:6 нет оснований для появления в СП слов *волчцы* и *терние*. В случае Иез. 2:6 СЛ вариант передает неверное понимание двух редких еврейских слов *sārābîm wəsalônîm* авторами перевода LXX *παροιστρήσουσι καὶ ἐπισυστήσουται* «возъярятся и восстанут на тебя». Таким образом, в Иез. 2:6 авторы СП вновь создают искусственную параллель с Быт. 3:18, а также с Ис. 5:6; 10:17; 27:4; 32:13 и Ос. 2:6.

Созданная авторами СП искусственная параллель между книгой Бытия и пророческими книгами, несомненно, заслуживает рассмотрения в случае создания современного перевода Библии на русский язык. Считать ли, что эта созданная авторами СП (и неведомая другим библейским текстам) параллель является просто ошибкой СП, своего рода историческим курьезом? Или же она расставляет какие-то важные для Ветхого Завета смысловые акценты (пусть даже подчеркивает сильнее, чем в оригинале)? В последнем случае желательно сохранить ее.

2.1.2. Источник наименования – славянский текст. Пример 2: «явор».

«Явор» в Бытии.

Другим примером заимствования ботанических наименований СП из СЛ можно считать слово *яворовые* в Быт. 30:37, характеризующее происхождение сделанных Иаковом прутьев (в СЛ – *жѣзль ѡворовый*). Соответствующее слову *яворовый* в МТ *ḥermôn* передается в LXX и VUL как *πλάτανος* и *platanus*, т.е. платан, а в KJV и L45 как *chestnut tree* (в современном английском языке более распространен вариант написания – *chestnut*) и *Kastanie*, т.е. каштан. Очевидно, можно было воспользоваться примером предшественников и перевести *ḥermôn* на русский язык словами «платан» или «каштан». Однако авторы СП предпочли славянский вариант – слово «явор», быть может, показавшееся более поэтичным.

В славянском тексте Быт. 30:37 мы встречаем следующее словосочетание – *жѣзль ѡворовый*, оригиналом для которого, скорее всего, были греческие слова из Септуагинты – *ῥάβδος πλατάνου*. Но почему в данном месте греческое *πλάτανος* переведено славянским *ѡвор*, мы не можем установить достоверно. Можно лишь сделать предположение, что платаны были знакомы древним создателям славянского перевода Бытия под названием *ѡвор*.

В современной ботанической литературе словом «явор» однозначно именуется клен ложноплатановый (*Acer pseudoplatanus*), который не имеет отношения к флоре Палестины, а распространен севернее в Европе и Западной Азии (Замятина, 1958, с. 441). Вопрос о

понимании слова «явор» в середине XIX века – более сложный. Так, например, в работе прот. Д. Разумовского (1871, с. 147), посвященной растениям Библии, «явор» понимается как платан восточный (*Platanus orientalis*). А в «Ботаническом словаре» Н. Анненкова (1878, с. 3, 8, 260, 268, 309) указывается шесть разных пониманий слова «явор», включая как клен ложноплатановый (*Acer pseudoplatanus*) так и два разных вида платана (*Platanus orientalis* и *P. occidentalis*). Кроме того Анненков упоминает и более редкие значения слова «явор», характерные для отдельных диалектов русского языка (малороссийский, белорусский): аир (*Acorus calamus*), а также некоторые виды ив (*Salix*) и тополей (*Populus*).

«Явор» в Исaйе.

Слово *явор* встречается в СП Ветхого Завета дважды: наряду с рассмотренным выше Быт. 30:37, также и в Ис. 41:19.

Быт. 30:37 СП *явор* – МТ $\epsilon\text{erm}\acute{\omicron}\text{n}$ – VUL *platanus* – KJV *chestnut tree* – L45 *Kastanie*

Ис.41:19 СП *явор* – МТ *tīdhār* - VUL *ulmus* – KJV *pine* – L45 *Buche*

Однако в Ис.41:19 словом *явор* переводится иное, нежели в Быт. 30:37, еврейское ботаническое наименование: *tīdhār*. Каковы были основания для подобного перевода, судить трудно. Ни в VUL, ни в L45, ни в KJV *tīdhār* в Ис. 41:19 не переводится тем же словом, что и $\epsilon\text{erm}\acute{\omicron}\text{n}$ в Быт. 30:37. А в LXX и, соответственно в СЛ текст стиха Ис. 41:19 заметно отличается от МТ, что не позволяет в этих переводах найти наименование, соответствие слову *tīdhār*.

Ис. 41:19 (наименования растений выделены нами)

СП - *посажу в пустыне кедр, ситтим и мирту и маслину; насажу в степи кипарис, явор и бук вместе*

МТ - *ettēn bammīd̄bār ʿérez šittā^h wahādas wəʿēš šāmen ʿāsīm bāʿarābā^h bərōš tīdhār ūtəʿaššūr yaḥdāw*

LXX - *θήσω εἰς τὴν ἄνυδρον γῆν κέδρον καὶ πύξον καὶ μυρσίην καὶ κυπάρισσον καὶ λεύκη*

СЛ - *положѹ въ безводнѹю зѣмлю кѣдръ ѡ смѣрчїе, ѡ мѹрсїнѹ ѡ кѹпарїсѹ ѡ топѡлю*

Таким образом, выбор переводчиками слова *явор* в Ис. 41:19 представляется в значительной степени произвольным и непоследовательным, не основанным ни на одном из предшествующих переводов.

Следует ли современным переводчикам сохранять архаизм *явор* (тем более что его использование крайне непоследовательно) – вопрос открытый.

2.1.3. Источник наименования – славянский текст. Пример 3: «певг».

Еще одним примером заимствования создателями СП ботанической лексики из славянской Библии может служить слово *певг*.

В одном из случаев вхождения этого слова в СП, а именно в Ис. 60:13, словом *певг* передается еврейское *tidhār*, которое, как упоминалось в предыдущем разделе, в СП Ис. 41:19 переводится как *явор*. Отметим, что в МТ в указанных стихах (Ис. 41:19 и Ис. 60:13) мы встречаем два идентичных списка по три ботанических наименования *bəṛôš tidhār ûṭə ʔaššûr*. Однако в СП лишь *bəṛôš* в обоих стихах переводится одинаково – *кипарис*, тогда как перевод двух других *tidhār* и *ṭəʔaššûr* – разнится. Таким образом, слово *tidhār* в СП получает даже в пределах одной книги Исаяи два разных перевода: *явор* и *певг*.

Ис.41:19 МТ *bəṛôš tidhār ûṭəʔaššûr* – СП *кипарис, явор* и *бук*

Ис.60:13 МТ *bəṛôš tidhār ûṭəʔaššûr* – СП *кипарис, певг* и *кедр*

Рассмотрение славянского варианта стиха Ис. 60:13 (**И** *слáва лѣвáнова къ тѣбѣ прїидетъ, кѣпарісомъ ѿ пѣнгомъ ѿ кѣдромъ вкѣпѣ*) показывает, что перевод слова *tidhār* как *певг* в данном случае является прямым заимствованием из славянского. Тогда как в Ис. 41:19 список названий растений в СЛ переводе не соотносится со списком в МТ, так как СЛ здесь следует отличающемуся от МТ тексту LXX.

В СП всего корпуса книг Ветхого Завета *певг* встречается лишь дважды. Первый случай был рассмотрен выше - Ис. 60:13, а второй это – 2 Пар. 2:8 (по МТ 2:7), где упоминается *певговое дерево*. Однако в отличие от Ис. 60:13, в 2 Пар. 2:8 (по МТ 2:7) наименованием *певговое дерево* переводится не *tidhār*, а *ʔalgûmmîm*. Надо сказать, что это единственный случай передачи в СП слова *ʔalgûmmîm*, как *певговое дерево*, тогда как в остальных двух случаях вхождения *ʔalgûmmîm* (2 Пар. 9:10 и 9:11) перевод иной – *красное дерево*.

Быт. 30:37 - МТ *ʿermôn* – СП *явор* – СЛ *яворъ*

Иез. 31:8 - МТ *ʿermôn* – СП *каштан* – СЛ *ѣліє*

Ис. 41:19 - МТ *tidhār* – СП *явор* – СЛ *топóль?* (текст не совпадает с МТ)

Ис. 60:13 - МТ *tidhār* – СП *певг* – СЛ *пéнгъ*

2 Пар. 2:8 – МТ *ʔalgûmmîm* – СП *певговое дерево* – СЛ *дрєвà пéнгѡѡ*

2 Пар. 9:10, 11 – МТ *ʔalgûmmîm* - СП *красное дерево* – СЛ *ѡ дрéвъ пéнгѡѡхъ*
(только в 2 Пар 9:11)

3 Цар. 10:11, 12 – МТ *ʔalmuggîm* – СП *красное дерево* – СЛ *дрєвà нечѣсана*

Таблица 1. Непоследовательность СП при передаче библейской фитонимики.

МТ	СП			
	Явор	Певг (певговое дерево)	Красное дерево	Каштан
<i>ʿermôn</i>	Быт. 30:37	-	-	Иез. 31:8
<i>tidhār</i>	Ис. 41:19	Ис. 60:13	-	-
<i>ʔalgûmmîm</i>	-	2 Пар. 2:8	2 Пар. 9:10, 11	-
<i>ʔalmuggîm</i>	-	-	3 Цар. 10:11, 12	-

Отметим, что *ʔalgûmmîm* в 2 Пар. 2:8 (по МТ 2:7), 9:10 и 9:11 LXX переводится *ξύλα πεύκινα*. А в СЛ и в 2 Пар. 2:8 (по МТ 2:7), и в 2 Пар. 9:11 *ʔalgûmmîm* передается как *ѡ дрéвъ пéнгѡѡхъ*, тогда как стих 2 Пар. 9:10 в СЛ отличен от МТ, LXX, СП и не содержит перевода названия дерева *ʔalgûmmîm*.

Почему в Ис. 60:13 и в 2 Пар. 2:8 авторы СП используют наименование «певг», а в Ис. 41:19, 2 Пар. 9:10 и 9:11 – отказываются от него, не ясно. В современном русском языке «певг» еще более выраженный архаизм, чем «явор». Если слово «явор» употребляется и сейчас, скажем, ботаниками или садоводами, то слово «певг» ни в современной ботанике, ни в современном садоводстве не используется. Даже в литературе XIX века «певг» – это явный славянизм, значение которого до конца уже тогда было не ясно. В книге прот. Д. Разумовского (1871, с. 163) «певг» довольно размыто характеризуется, как «дерево падубовое (ясеневое)». «Ботанический словарь» Н. Анненкова (1878, с. 117, 255) указывает, что «певг» – это кипарис в славянской Библии, а также со ссылкой на «Словарь церковно-славянского и русского языка...» (1847) отмечает, что «певг» – это сибирская пихта. «Библейская

энциклопедия» (Никифор, архим., 1891, с. 556) склоняется к тому, что «певг» – один из видов сосны (ссылаясь на славянский перевод «Шестоднева» свт. Василия Великого).

Можно сделать предположение, что авторами СП в Ис. 60:13 сохраняется славянское слово *пéвгъ*, так как этот стих был хорошо известен, благодаря чтению 60 главы Исаяи на богослужении в качестве паремии. В связи с традицией экзегезы этого стиха, как пророчества о Кресте, паремия из 60 главы Исаяи в православном богослужении читается несколько раз в году в дни, связанные с памятью Креста Христова (Воздвижение Креста, Изнесение Древ Креста и т.д.) Понимание Ис. 60:13, как указание на породы деревьев, из которых был сделан Крест Христов, нашло свое развитие, например, в Поучении свт. Димитрия Ростовского «О четвероконечном Кресте». В Поучении святитель рассуждает, что «певг» – это финиковая пальма и что Крест Христа был сделан из кедра, кипариса и певга-финика. Таким образом, заменить непонятное слово «певг» более современным ботаническим наименованием не представлялось авторам СП возможным, дабы не затронуть чувства верующих. Но с какой целью СЛ перевод «певговое дерево» был сохранен в СП 2 Пар. 2:8, а в 2 Пар. 9:11 заменен на «красное дерево» – объяснить трудно.

Следует ли современным переводчикам Ветхого Завета сохранять непонятное слово *невг*? Или, невзирая на позднейшие толкования, отождествляющие загадочный *невг* с фиником, последовать за оригиналом и передавать еврейское *tīḥār* единообразно по всему корпусу книг Ветхого Завета в соответствии с современными представлениями о значении древнееврейского слова?

2.1.4. Соотношение славянского текста и Септуагинты.

За славянским переводом в большинстве случаев стоит греческий текст, что вполне предсказуемо. Некоторые примеры были рассмотрены в предыдущем разделе: Ис.60:13 и 2 Пар. 2:8. В обоих стихах слово *tīḥār* в СП переводится *невг/невговое дерево*, что является полным заимствованием из СЛ. Однако в СЛ слово *пéвгъ*, очевидно, берется из LXX, где мы встречаем в указанных стихах Ис. 60:13 и 2 Пар. 2:8 – *πεύκη* и *ξύλα πεύκινα* соответственно. Следует заметить, что в других рассматриваемых нами переводах Ветхого Завета (VUL, L45, KJV), которые могли служить основой для СП, в указанных стихах нет попыток транслитерировать греческий или еврейский варианты наименования этого растения, а дается название вполне конкретной древесной породы на языке перевода (VUL *buxus* – самшит, KJV *pine tree* – сосна, L45 *Buche* – бук).

Схожим образом авторами СП для слова *bəṛôš* в Ис. 37:24, 41:19, 55:13, 60:13 выбирается перевод *кипарис*, который отражает как СЛ, так и LXX, тогда как в VUL, L45 и KJV – перевод иной – соответственно VUL *abies*, L45 *Tanne*, L45 *fir tree*, что означает «пихта» или «ель», но точно не «кипарис». Следует отметить, что из 20 случаев вхождения слова *bəṛôš* во всем корпусе книг Танаха в 18 случаях это наименование, переводится на русский в СП, как *кипарис* или *кипарисовое дерево*. Из них в 16 случаях основой для такого перевода служит LXX через СЛ, где также *bəṛôš* передается, как *кѣпарісь*. Двумя исключениями являются Ис. 14:8 и Зах. 11:2. В Ис. 14:8 текст LXX и, соответственно, СЛ отличны от МТ. Здесь еврейское *bəṛôšîm* LXX передает как τὰ ξύλα τοῦ Λιβάνου, а СЛ - как *древà лѣвãншвã*, но авторы СП остаются последовательными и переводят в Ис. 14:8 *bəṛôšîm*, как *кипарисы*. Примером попытки авторов СП последовательно переводить *bəṛôš* на русский язык, как *кипарис*, может служить стих Зах.11:2, где в греческом переводе мы встречаем слово *πίτυς* (сосна), а в СЛ – его транслитерацию/транскрипцию – *пѣтѣсь*.

И лишь в двух случаях вхождения *bəṛôš* - Пс. 103(104):17 и Наум 2:3 - мы имеем в СП иную передачу этого наименования на русский язык. Первый случай (Пс.103(104):17) можно назвать хрестоматийным примером ошибочного прочтения переводчиками Септуагинты еврейского текста: слово *bəṛôš* (название дерева) было понято переводчиками как сочетание предлога *bə* и слова *ṛôš* «голова» и переведено соответствующим образом на греческий язык, а затем с греческого и на славянский.

Пс. 103(104):17

МТ ḥāsîdā^h bəṛôšîm bêtāh

LXX τοῦ ἐρωδιοῦ ἡ οἰκία ἡγείται αὐτῶν

СЛ *ѣрѡдіево жилище предводителствѣтъ ѿни*

Авторы СП исправляют эту явную ошибку, но *bəṛôš* переводят не как в большинстве случаев – *кипарис*, а как *ель* (*ели – жилище аусту*). Таким образом, авторы СП поступают последовательностью перевода и, по-видимому, заимствуют значение слова *bəṛôš* в данном стихе из европейских переводов: L45 *Tannen* и KJV *fir trees*.

Второй случай, когда создатели Синодальной Библии отходят от последовательного перевода еврейского слова *bəṛôš* как *кипарис*, мы встречаем в Наум 2:3 (в МТ и LXX – 2:4).

Здесь создатели Синодальной Библии предпочли оригинальный, не имеющий аналогов у предшественников, перевод *bəḡōšîm* как *лес копьев*.

Наум 2:3

MT *habbərōšîm hor^câlû*

СП *лес копьев волнуется*

LXX *οἱ ἵππεῖς θορυβηθήσονται*

VUL *agitatores consopiti sunt*

KJV *the fir trees shall be terribly shaken*

L45 *ihre Spieße beben*

СЛ *кѡнницы возмѣтѣтса на пѣтѣхъ*

В Наум 2:3 LXX переводит *bəḡōšîm* как *ἵππεῖς* – кони (конница). Очевидно, что LXX передает прочтение слова *bəḡōšîm* с первой буквой p, а не b (в еврейском языке эти буквы имеют схожее начертание) – *ḡāšîm* – кони (или всадники). VUL и СЛ следуют LXX, переводя *bəḡōšîm* как *agitatores* и *кѡнницы*. Близок к этим переводам вариант L45 *ihre Spieße beben* «их копья дрожат». По-видимому, «копья» в данном случае – олицетворение конницы, войска. А вот KJV отказывается от прочтения *bəḡōšîm* как *ḡāšîm* и стремится к последовательности, переводя *bəḡōšîm* - *fir trees* (пихта или ель). Возможно, авторы СП решили найти некое компромиссное решение, давая перевод *лес копьев*, который отчасти отражает оба варианта прочтения *bəḡōšîm* (с первым b и p), используя «растительную» метафору для описания конницы.

Наум 2:3 – пример того, как авторы СП пытались совместить в одном переводе два оригинала – еврейский и греческий. Имея в еврейском тексте наименование дерева («кипарисы»), а в греческом – войско («конники»), авторы СП предлагают в качестве перевода «среднее арифметическое»: *лес копий*. На наш взгляд, креативность авторов СП заслуживает восхищения, однако сам перевод, не мотивированный ни еврейским, ни греческими текстами, вряд ли следует считать образцом для подражания.

Примеров следования СП в части ботанической лексики Септуагинте через СЛ в Исаяи и Бытии гораздо больше, чем мы приводим здесь. Однако случаи заимствования наименований растений в текст СП из LXX, минуя СЛ, в этих книгах Ветхого Завета нами не были выявлены. Скажем, стих Ис. 44:4, который, на первый взгляд, подходит под эту категорию, мы не считаем примером корректным.

Ис. 44:4 – МТ *ʿāḡābîm* – СП *ивы* - LXX *ἰτέα* - СЛ – *вѣрба*

Действительно, перевод создателями Синодальной Библии слова *ʿāḡābîm* как *ивы* более соответствует варианту LXX *ἰτέα* нежели СЛ – *вѣрба*. Однако верба – даже в современном понимании – это один (или реже – несколько) из видов ив (Скворцов, 1968), т.е. просто более узкое понятие в сравнении со словом «ива». В середине XIX века понимание названия «верба» было фактически таким же: вид или несколько видов рода ива (Анненков, 1878, с. 205, 308-311; Разумовский, 1871, с. 168). А сказать достоверно об объеме этого понятия на момент формирования СЛ перевода Исаии не представляется возможным. В любом случае, очевидно, имеются в виду некие прибрежные виды ив. Тем более что в других местах СП *ʿāḡābîm* переводится также и как *верба* (Лев. 23:40, Пс.137:2).

Таким образом, в рассмотренных книгах мы не встретим случая, когда LXX и СЛ отражали бы разное представление о растении, и при этом СП следовал бы LXX, вопреки СЛ. Можно заключить, что в качестве источника ботанической лексики для Синодального перевода Септуагинта служит лишь опосредованно, через славянский текст.

2.1.5. Источник наименования – Библия короля Иакова (KJV). Примеры.

Сравнивая различные переводы наименований растений в Бытии и Исаии, можно отметить, что KJV и L45 часто следуют Вульгате. Поэтому там, где СП в передаче еврейской ботанической лексики присоединяется к ним, трудно определить, какой именно перевод – KJV, L45 или VUL – сыграл здесь решающую роль.

Например:

Быт. 25:34 – МТ *ʿāḡāšîm* – СП чечевица (чечевичная похлебка) – KJV *lentil* – L45 *Linsengericht* – VUL *lentis*

Быт. 30:37 – МТ *libne^h* – СП тополь – KJV *poplar* – L45 *Pappelbaum* – VUL *populus*

Однако мы сделали попытку обнаружить случаи, где три основных западноевропейских перевода, существовавших в эпоху написания СП, расходятся друг с другом, и проверить, за каким из них последуют авторы СП. Для VUL такие случаи выявлены не были, а для L45 и KJV они немногочисленны, но интересны.

Говоря об английском переводе Короля Иакова в качестве основы для формирования ботанической лексики СП, в первую очередь стоит отметить характерный для KJV прием транслитерации/транскрипции еврейских наименований, который в некоторых случаях используется и авторами СП. Так, например, в Быт. 6:14 из всех рассмотренных нами

переводов Бытия (LXX, VUL, KJV, L45 и СЛ) только лишь KJV транслитерирует еврейское ‘āṣê-ḡōḇer , как *gopher-wood*, тогда как остальные переводы пытаются так или иначе передать некие представления о том, какая именно древесина была использована для создания ковчега. Авторы СП здесь последовали примеру KJV, дав простую транслитерацию/транскрипцию *дерево гофер*.

Схожая ситуация встречается и в книге Исаии (41:19), где слово šittā^h передается в KJV транслитерацией/транскрипцией – *shittah*, а в СП – *сумтим*. Причем, опять же, в остальных рассматриваемых нами переводах транслитерация/транскрипция в данном случае не отмечается. Следует отметить, однако, что в СП Ис. 41:19 дается не точная транслитерация/транскрипция, а форма множественного числа от слова šittā^h . Это можно объяснить тем, что в данном стихе мы встречаем единственное во всем корпусе МТ вхождение этого слова в единственном числе, тогда как 29 раз в Ветхом Завете оно встречается во множественном числе (27 раз в качестве названия растения и дважды – в составе топонимов). Авторы СП сохранили в русской передаче форму множественного числа *сумтим* и в настоящем стихе, возможно, желая отразить единство этого наименования во всем Ветхом Завете, тогда как KJV дает два варианта транслитерации/транскрипции *shittah* и *shittim*. Заметим однако, что Вульгата также транслитерирует еврейское šittīm как *setthim* во всех случаях вхождения этого слова во множественном числе, тогда как в Ис. 41:19 šittā^h (единственное число) переводит как *spina* (колючка, терновник).

Такое «сближение» в Синодальном переводе текстов Пятикнижия и Исаии в чем-то напоминает искусственные параллели между Быт. 3:18 и целым рядом стихов из пророческих книг, которые возникли в русском тексте Ветхого Завета благодаря тому, что разные еврейские наименования переведены однообразно - *тернии и волцы* (см. раздел 2.1.1). Таким образом, мы вновь обнаружили намеренную или ненамеренную попытку авторов СП «выровнять» язык всего Ветхозаветного корпуса, сделать его стилистически более однообразным, нежели в еврейском оригинале.

Остальные рассматриваемые нами переводы очень редко прибегают к транслитерации/транскрипции еврейских ботанических наименований. Можно отметить лишь два случая транслитерации/транскрипции еврейских слов в текстах LXX, VUL, L45 и СЛ Бытия и Исаии.

Быт. 30:14 – МТ $\text{dūdā}^?im$ – L45 *Dudaim*

Быт. 41:2 – МТ ‘āḥû - LXX $\alpha\chi\epsilon\iota$

Характерно, что в проанализированных нами текстах (Бытие и Исая) СП прибегает к транслитерации/транскрипции лишь в тех случаях, где к ней прибегает KJV. В частности, в Быт 30:14 и 41:2 авторы СП отказываются от идеи транслитерировать еврейские названия.

Помимо случаев транслитерации/транскрипции, в книгах Бытия и Исаяи был выявлен единственный случай, когда ботаническая лексика авторами СП заимствуется из KJV, вопреки другим рассматриваемым переводам. Это перевод слова רֹבֵעַן в Ис. 44:14 как *ясень*. Из всех рассмотренных переводов только в KJV רֹבֵעַן переводится, как «ясень» – ash. Поскольку понимание ботанического наименования רֹבֵעַן как «ясень» не очевидно и не тривиально, то можно со значительной степенью вероятности говорить в данном случае о KJV, как об источнике для ботанической лексики СП. На каком основании в данном случае отдается предпочтение именно KJV – не ясно. Так в этом же стихе (Ис. 44:14) слово תִּרְזָאֵהּ СП передается как *сосна*, вопреки тому, что в KJV это – «супресс» – кипарис. Причем, перевод תִּרְזָאֵהּ, как *сосна*, не характерен ни для одного из рассмотренных переводов. Это очевидное новшество именно СП.

Таким образом, СП следует KJV, вопреки VUL и L45, в области ботанической лексики в редких случаях, чаще всего это случаи транслитерации/транскрипции.

2.1.6. Источник наименования – перевод Лютера (L45). Примеры.

В Бытии и Исаяе случаи оригинального перевода наименований растений в L45 достаточно редки. Как правило, L45 следует Вульгате. Однако в тех случаях, где L45 оригинален, авторы СП не склонны были ему следовать.

Не вполне корректным примером заимствования из L45 мог бы считаться перевод в Ис. 41:19 слова תְּאֲשִׁיטְךָ как *бук*. Дело в том, что такого понимания תְּאֲשִׁיטְךָ нет ни в одном из рассматриваемых переводов. VUL и KJV трактуют его как «самшит» (buxus и box tree), а текст LXX и СЛ в данном стихе отличен от МТ. Как «самшит» – Buchsbaum переводится תְּאֲשִׁיטְךָ и в L45. Таким образом, появление в русском тексте Исаяи слова *бук* становится крайне труднообъяснимым, если не предположить ошибочное прочтение немецкого Buchsbaum, как равное Buchen – бук (скажем, Словарь Анненкова 1878, с. 74, 143, однозначно отличает: Buchsbaum – самшит, Buche – бук). Словарь Гезениуса (Gesenius, 1834, S. 786) одним из вариантов перевода תְּאֲשִׁיטְךָ указывает именно Buchsbaum, а не Buchen. Второй раз слово תְּאֲשִׁיטְךָ встречается в Ис. 60:13 и переводится уже, как *кедр*, несмотря на все тот же немецкий перевод Buchsbaum. А в третьем случае появления תְּאֲשִׁיטְךָ в МТ Иез. 27:6 в СП вновь переводится, как *бук* (а точнее – *буковое дерево*).

2.1.7. «Новшества» Синодального перевода.

Встречаются ситуации, когда перевод наименований растений в СП не основывается ни на одном из рассматриваемых текстов (LXX, VUL, KJV, L45 и СЛ). Можно предположить, что основанием для такого решения авторов СП могли послужить исследования библеистов первой половины XIX века, результаты которых и нашли свое отражение в СП. Нельзя исключать и некие стилистические предпочтения авторов СП.

Выше мы уже встречались с рядом примеров такого рода:

– гармонизация перевода различных еврейских наименований сорных растений в Быт. 3:18 и пророческих книгах – *тернии и волчцы* (см. 2.1.1);

– перевод еврейских слов *tīḥār* в Ис. 41:19 и *ʿermôn* в Быт. 30:37 одним и тем же словом *явор* (см. 2.1.2);

– попытка найти «среднее арифметическое» между греческим и еврейским текстами в переводе стиха Наум 2:3 (см. 2.1.4);

– единообразная передача еврейских слов *šittīm* в Пятикнижии и *šittā^h* в Исае – *ситтим* (см. 2.1.5);

– перевод еврейского *təʾaššūr* в Ис. 41:19 и Иез. 27:6 как *бук (буковое дерево)* (см. 2.1.6).

Еще один пример «новшества» в СП тоже был упомянут выше – Ис. 44:14, где слово *tirzā^h* передается, как *сосна*. Авторы СП отказываются от вариантов понимания *tirzā^h* в VUL, L45, KJV (в LXX и СЛ – другой вариант текста), где *tirzā^h* переводится, соответственно, как – *ilex* (падуб), *Buche* (бук), *cypress* (кипарис). Как мы видели выше, словом «кипарис» в СП чаще передается еврейское *bəḡôš*, а слово «бук» уже использовано для перевода *təʾaššūr* в Ис. 41:19. Почему авторы СП не воспользовались вариантом перевода VUL – «падуб», сказать трудно. Быть может, наименование «падуб» было мало знакомо русскоязычному читателю, а, возможно, по мнению переводчиков, и не очень соответствовало контексту, где говорится об использовании древесины *tirzā^h*. В этом смысле «сосна» – более подходящий кандидат для перевода названия неизвестной древесной породы. Тем более, «сосна» более нигде не встречается в СП Ветхого Завета, что хорошо отражает факт единственного появления наименования *tirzā^h* в МТ.

Примерами подобных «новшеств» в СП могут служить и следующие названия растений.

Быт. 37:25, 43:11 – СП *стиракса* – МТ *nəḵōṭ*

Быт. 41:2 – СП *тростник* – МТ *ʾāḥû*

Ис. 34:13 – СП *репейник* – МТ הֶדְאֵה

Ис. 35:1 – СП *нарцисс* – МТ הַבַּשָּׂאֵלֶת

Основания для перевода пֶקְדֹתַי как *стиракса* не ясны. (Стиракс *Styrax* – род деревьев и кустарников, с древности используемых для производства благовоний). Оба вхождения слова пֶקְדֹתַי в МТ переводится в СП одинаково. Во всех рассматриваемых нами переводах Быт. 37:25 и 43:11 пֶקְדֹתַי переводится обобщающими терминами, означающими в целом «благовоние», «пряность», без уточнения ботанической принадлежности. В другом стихе Бытия (30:37) в LXX и СЛ встречается слово στυρακίην – стѣракіновѣ, в качестве перевода еврейского libneh^h. Однако СП в данном случае следует VUL, L45 и KJV, переводя libneh^h как «тополь».

Тростник в СП Быт. 41:2 также является очевидным сужением понятия в сравнении с рассматриваемыми нами другими переводами, где редкое для МТ еврейское רֶאֱהֻ переводится, как некое болотистое место, прибрежные заросли, заливные луга (KJV – meadow, VUL – loci palustribus и т.д.) Как отмечалось ранее в LXX Быт. 41:2 רֶאֱהֻ передается простой транслитерацией/транскрипцией ᾠχεῖ, что может говорить о непонимании переводчиками редкого еврейского слова. В СЛ неясное еврейское (רֶאֱהֻ) и греческое (ᾠχεῖ) слово переводится, по-видимому, по общему контексту стиха – брѣгѣ.

Неожиданным выглядит перевод еврейского הֶדְאֵה в СП Ис. 34:13 как *репейник*, что нельзя рассматривать как следование предшествующим переводам (VUL paliurus, KJV brambles, L45 Distel, текст LXX и СЛ – отличен от МТ). Кроме того, слово הֶדְאֵה встречается в МТ еще 11 раз и ни в одном из 11 случаев не переводится в СП как *репейник*. Наиболее близким к русскому переводу еврейского слова הֶדְאֵה – *репейник* – пожалуй, можно считать – немецкий вариант L45 Distel. Немецкое слово Distel является обобщающим наименованием для целой группы колючих растений, родственных собственно репейнику в узком ботаническом смысле – род *Arctium* Лопух. Однако в XIX веке наименование *репейник* использовалось гораздо шире, нежели в современной ботанике, словом *репейник*, так же как и немецким Distel, называли многочисленные габитуально схожие родственные колючие растения (Анненков, 1878, с. 84, 92, 100, 184).

Перевод הַבַּשָּׂאֵלֶת в СП Ис. 35:1 как *нарцисс* тоже делается вопреки рассматриваемым нами переводам, где הַבַּשָּׂאֵלֶת переводится как «лилия» (VUL, L45, LXX,

СЛ) или «роза» (KJV). Однако в данном случае авторы СП последовательны, так как в случае второго вхождения ḥābaṣṣālet (Песн. 2:1) также переводится как *нарцисс*.

По-видимому, основанием для подобного перевода ḥābaṣṣālet послужил Таргум к Песн. 2:1, в котором ḥābaṣṣālet передается как nqys (нарцисс). Этот перевод принимает средневековый еврейский ученый Ибн-Джанах (Абульвалид) (Эйделькин 2015, с. 180 со ссылкой на Gezenius, 1835-1853, S. 440).

* * *

Таким образом, по результатам нашего анализа мы можем сделать следующие заключения относительно перевода древнееврейской ботанической лексики в Синодальном переводе Ветхого Завета.

– СП зачастую непоследователен в переводе фитонимов (одни и те же слова МТ переводятся по-разному в разных стихах даже в пределах одной книги).

– Не представляется возможным выявить единую обоснованную методологию перевода ботанических наименований в СП.

– Наименования растений, используемые в СП Ветхого Завета, зачастую не отражают реалии оригинального повествования, а также нередко и вовсе не понятны современному читателю.

– В ряде случаев СП опирается на СЛ, что может быть обосновано попыткой сохранить связь СП с СЛ особенно в тех частях, которые используются в богослужебных чтениях (паремии).

– В тех случаях, где СП имеет в качестве источника ботанической лексики LXX, это происходит через СЛ перевод.

– VUL, KJV, L45 – в ряде случаев послужили основой для выбора ботанических наименований в СП, но причины выбора источника в каждом конкретном случае не представляется возможным реконструировать.

– Имеются случаи оригинального подхода авторов СП в переводе ботанических наименований, возможно, связанные с учетом авторами СП современных им данных библейской науки или стилистическими предпочтениями.

2.2. Наименования растений в древних переводах Ветхого Завета.

В настоящем разделе мы рассмотрим, каким образом решаются проблемы перевода древнееврейских фитонимов в двух важнейших древних переводах Ветхого Завета (Септуагинта и Вульгата). В качестве материала для анализа, как и в предыдущем разделе,

посвященном Синодальном переводе, нами избраны названия растений, упоминаемые в книгах Бытия и Исаяи.

2.2.1. Наименования растений в древнегреческом переводе (Септуагинта LXX).

Септуагинта – это собрание переводов Ветхого Завета на греческий язык, выполненных в иудейской эллинизированной среде начиная с III века до Р. Х. (некоторые книги, как например, Экклезиаст, были переведены уже в начале нашей эры). Большинство книг переводилось, по-видимому, в Александрии для нужд еврейской диаспоры. Перевод книг сделан разными лицами, и в целом весьма буквалистичен, иногда вплоть до нарушения греческой грамматики. Отдельные книги переведены свободно (Алексеев, 2002б).

LXX и ее редакции крайне важны для понимания истории ветхозаветного текста на его ранних этапах. Кроме того, LXX послужила основой для многих христианских переводов, осуществленных в древности и средневековье. Для целей нашей работы также важно, что перевод Пятикнижия осуществлялся еще в III веке до Р.Х., т.е. в период, когда сохранялось понимание многих реалий, в том числе и ботанических, запечатленных в древнееврейском тексте. IV-III века до Р.Х. – это эпоха зарождения естествознания, когда появились труды первых античных ученых-натуралистов по ботанике. Таким образом, мы имеем ряд ботанических трудов - ровесников LXX, написанных также на греческом языке, что позволяет нам в большей степени приблизиться к пониманию наименований растений Библии, чем при работе только с древнееврейским текстом.

Сложный и длительный процесс формирования греческого перевода Ветхого Завета, а также отсутствие единой редактуры текста LXX отражается в непоследовательности перевода некоторых древнееврейских фитонимов. Ряд примеров мы привели при рассмотрении источников Синодального перевода Ветхого Завета (например, древнееврейское *bəgōš* лишь в 16 из 20 случаев вхождения переводится как *κυτόρισος*, а в четырех оставшихся – четыре иных варианта перевода – см. подробнее раздел 2.1.4). Такая непоследовательность отнюдь не редкость в LXX. В качестве дополнительного примера можно привести перевод древнееврейского слова *ḥābaššēlet*, которое встречается дважды во всем корпусе книг Ветхого Завета. Если в греческом переводе Ис.35:1 оно передается как *κρίνον* «лилия», то в LXX Песн. 2:1 мы встречаем слово *ἄνθος* «цветок». Заметим, что слово *κρίνον*, помимо Ис.35:1, встречается в LXX 16 раз (без учета Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова, которой нет в еврейском каноне). 11 раз этим словом передается древнееврейский фитоним *šūšān* (3 Царств 7:8, 7:12, Песн. 2:1, 2:2, 2:16, 4:5, 5:13, 6:2, 6:3, 7:3, Ос. 14:6), а 6 раз – существительное *rēgaḥ* (Исх. 25:31, 25:33, 25:34, Числ. 8:4, 2 Пар. 4:5).

Приведенный нами пример показателен еще и тем, что нередко одни и те же древнееврейские ботанические термины передаются в LXX заметно различающимися по объему древнегреческими терминами. Иногда мы также видим, что греческое слово в LXX отчасти меняет свое «классическое» значение. Скажем, два перевода слова ḥāḇaṣṣéleṭ (κρίνον и ἄνθος) несоизмеримы друг с другом по объему. Основное «классическое» значение слова κρίνον – «лилия», т.е. вполне конкретный род растений (или, возможно, группа схожих родов). Иногда, по-видимому, κρίνον использовалось и в более широком смысле для растений с цветками определенной формы или, в целом, для красивых полевых цветов (Friberg et al., 2006). Греческий термин ἄνθος имеет явно обобщенное значение – «цветок», и не может быть отнесен к какой бы то ни было конкретной группе цветковых растений. Помимо ḥāḇaṣṣéleṭ, словом κρίνον в LXX переводится и другой вполне конкретный древнееврейский фитоним šûšān, который современные исследователи чаще всего соотносят с кувшинкой голубой или голубым египетским лотосом (*Nymphaea caerulea*) (Эйделькинд, 2015, с. 182; Keel, 1992, S. 80). Слово κρίνον используется в LXX и в качестве перевода обобщенного древнееврейского ботанического термина réaḥ, который может обозначать и почку, и бутон, и цветок.

При подборе примеров обобщающих переводов древнееврейских фитонимов требуется определенная осторожность, чтобы исключить те случаи, когда переводчик и не пытался использовать прием обобщения, а просто неверно понял значение фитонима. Именно так, по-видимому, авторами LXX было неверно понято древнееврейское ʿéšel. Фитоним ʿéšel современные исследователи считают наименованием вполне определенного растения и обычно идентифицируют как один из видов рода Тамариск (*Tamarix*). Однако древние переводчики могли утратить понимание этого фитонима, а потому во всех трех случаях его вхождения в корпусе книг Ветхого Завета (Быт. 21:33, 1 Цар. 22:6, 31:13) слово ʿéšel было прочитано, по всей видимости, по-арамейски ʿašlāʿ. Одно из значений этого арамейского слова – «мера площади» (Sokoloff, 2003, p. 173), что позволило перевести слово ʿéšel на греческий язык термином ἄρουρα, который, помимо основного значения «пашня, засеянное поле», служил мерой площади в Древнем Египте (Liddell & Scott, 1996). Причем переводчиков не смутило, что в выражении (1 Цар. 22:6) wəšāʿûl yôšēḇ baggibʿāḥ taḥaṭ-ḥāʿéšel «и Саул сидел (находился) на холме под ʿéšel» контекст не позволяет перевести ʿéšel как ἄρουρα «пашня» или «мера площади». Трудно себе представить, что древний автор 1 Царств имел в виду, что Саул находился «под пашней» ὑπὸ τῆν ἄρουραν. Показательно, что даже авторы славянского перевода Библии, которые в подавляющем большинстве случаев

буквально следуют LXX, выражение ὑπὸ τὴν ἄρουραν перевели словами под дѣрѣвою, возможно, ориентируясь на Вульгату (in nemore).

Переводы некоторых фитонимов в LXX являются своего рода интерпретациями и отражают, по-видимому, некие представления переводчиков о том или ином древнееврейском ботаническом наименовании. Например, словосочетание ᾠᾶ-ḡōḇer, встречающееся в Ветхом Завете единственный раз в Быт. 6:14 («дерево гофер», из которого был сделан Ноев ковчег), передается в LXX словами ἐκ ξύλων τετραγώνων, т.е. буквально «из деревьев (древесины) четырехугольных». Очевидно, что авторы перевода книги Бытия не могли перевести незнакомое им слово ḡōḇer, но предпочли передать свое понимание этого термина. Можно предположить два пути возникновения такого рода вольного перевода. Возможно, авторы добавили слово τετραγώνων просто исходя контекста: ковчег строится из хорошо подогнанных друг ко другу, отесанных бревен. Или в данном переводе мы встречаемся с фиксацией какого-то расхожего в определенное время и в определенной среде понимания или толкования данного стиха.

Интересной, на наш взгляд, трактовкой является перевод в Быт. 30:14 древнееврейского слова dūḏāʾīm как μήλα μανδραγόρου «яблоки (плоды) мандрагоры». Заметим, что в остальных пяти случаях вхождения фитонима dūḏāʾīm (Быт. 30:14, 30:15 – 2 вхождения, 30:16, Песн. 7:14) он переводится на греческий язык только одним словом μανδραγόρας. Трудно сделать однозначный вывод о том, почему именно древние переводчики добавили слово μήλα в Быт. 30:14. Ясно лишь, что авторам перевода важно было подчеркнуть, что в Быт. 30 Рувим собрал именно плоды, а скажем, не корневища мандрагоры. Известно, что с древних времен корневищам мандрагоры придавалось мистическое значение, сбор этих корневищ считался смертельно опасным занятием. Возможно, именно поэтому авторам LXX хотелось отметить, что Рувим собирал отнюдь не корневища. Можно предположить также, что упоминание именно плодов мандрагоры отражает некие представления о том, какова роль мандрагоры в данном повествовании (например, проблема зачатия – см. рассуждения Рамбана над этим эпизодом – Классические библейские комментарии, 2010, с. 415).

Нередко перевод древнееврейских фитонимов в LXX вполне конкретен и позволяет в ряде случаев хотя бы отчасти понять, какая именно ботаническая реалья может стоять за этими фитонимами. Так, например, подробно разобранный нами в разделе 2.1.3 перевод древнееврейских фитонимов tidhār (Ис. 60:13) и ʾalgūmmīm (2 Пар. 2:8) греческим словом πεύκη отражает представление об этих еврейских фитонимах в еврейских эллинизированных общинах III-II веков до Р.Х. Слово πεύκη неоднократно упоминается в работах античных авторов-естествоиспытателей, например, Теофраста. Описания дерева с названием πεύκη у

Теофраста позволяют современным специалистам понять, что в его работах речь идет о видах рода Сосна (*Pinus*). Благодаря близости по времени создания трудов Теофраста и перевода LXX мы можем с большой долей уверенности говорить, что авторы LXX понимали *tīdhār* (Ис. 60:13) и *ʔalgūmmīm* (2 Пар. 2:8) именно как сосны.

Случаи транслитерации/транскрипции древнееврейских ботанических терминов в LXX встречаются достаточно редко. В рассмотренных нами книгах Бытия и Исаяи удалось выявить единственный подобный случай. Так в Быт. 41:2 древнееврейское *ʔāḥû*, означающее тростник или какие-либо иные прибрежные растения, передается в LXX ἄχελ. Можно предположить, что переводчики просто не знали это древнееврейское слово, а потому, отказавшись от попытки его перевести, просто транскрибировали непонятное им слово. Столь неожиданная передача в LXX древнееврейского *ʔāḥû*, возможно, обусловлена тем, что в Vorlage авторы Септуагинты прочли еврейскую букву «вав» как схожую с ней букву «йод» и, отказавшись от перевода, просто транскрибировали непонятное им слово.

В целом ряде стихов, где встречаются наименования растений, МТ и LXX сильно отличны друг от друга. По-видимому, это связано с тем, что некоторые части текста, а, возможно, и отдельные книги Ветхого Завета переводились с рукописей, заметно отличавшихся от МТ. К сожалению, в таких случаях порой невозможно найти соответствие в LXX тому или иному еврейскому фитониму, что осложняет и определение его ботанической принадлежности. Таков, например, стих Ис. 41:19, в котором перечислено несколько названий растений.

Ис. 41:19 МТ – *ettēn bammidbār ʔérez šittāḥ wahādas wəʕēš šāmen ʔāsīm bāʕarābāḥ bəroš tīdhār ūṭəʔāššūr yaḥdāw*

Ис. 41:19 LXX – *θήσω εἰς τὴν ἄνυδρον γῆν κέδρον καὶ πύξον καὶ μυσσίην καὶ κυάρισσον καὶ λεύκην*

Как видно, в МТ в данном стихе упомянуто семь названий растений, сгруппированных по схеме 4+3, а в LXX – всего 5 названий, перечисленных подряд. Для первых трех древнееврейских фитонимов *ʔérez šittāḥ wahādas* в LXX имеются легко идентифицируемые переводы *κέδρον καὶ πύξον καὶ μυσσίην*. Маслина *ʕēš šāmen* отсутствует в греческом тексте. Можно предположить, что греческое *κυάρισσον* соответствует *bəroš*, как и в большинстве случаев его вхождения. А что касается *tīdhār ūṭəʔāššūr*, то установить, какому именно из них соответствует греческое *λεύκην* не представляется возможным. Более того, словом *λεύκην* могло быть переведено и совершенно иное древнееврейское название, которое могло иметь место в гипотетическом Vorlage этой части Исаяи в LXX.

2.2.2. Наименования растений в латинском переводе (Вульгата VUL).

Вульгата (лат. *Vulgata* – простая, общая, обыкновенная) – древний перевод Библии на латынь, осуществленный блж. Иеронимом в конце VI – начале V века. Перевод книг Ветхого Завета выполнялся с древнееврейского оригинала, при этом в качестве дополнительных материалов использовались греческие переводы Акилы и Симмаха. Вульгата является одним из важных вторичных свидетелей еврейского текста Ветхого Завета, так как источники, которыми располагал блж. Иероним, зачастую с текстологической точки зрения были лучше тех, какие доступны сегодня (Алексеев, 2002в).

В отношении ботанической принадлежности древнееврейских фитонимов Вульгата представляет собой богатую почву для исследователей. Это связано в первую очередь с тем, что сам язык этого перевода – латынь – служил в течение многих веков международным языком естественной науки, сохраняя значение многих ботанических наименований. Именно в латинской научной ботанической номенклатуре, начиная с XVIII века фиксировались многие латинские фитонимы, существовавшие еще в эпоху создания Вульгаты. Благодаря этому возможно с большой долей уверенности определить, как именно понимал тот или иной древнееврейский фитоним сам блж. Иероним. Важно отметить, что сам Иероним изучал еврейский язык, живя в Палестине и занимаясь с носителями иудейской экзегетической традиции. Можно предположить, что в некоторых случаях Вульгата может отражать представления о библейских растениях иудеев IV-V веков.

Для Вульгаты в той или иной степени характерны все те приемы или методы перевода фитонимов, которые были отмечены нами в Септуагинте.

Например, в случае с древнееврейским ‘āṣê-ḡōḇer (Быт. 6:14) латинский перевод, как и древнегреческий, дает своего рода перевод-интерпретацию или перевод по смыслу, не пытаясь назвать напрямую то растение, из древесины которого был сделан Ноев ковчег. В Вульгате ‘āṣê-ḡōḇer передается латинским словосочетанием *de lignis levigatis* «из бревен (древесины) гладких». Трудно предположить, чтобы блж. Иероним считал *levigatis* прямым переводом еврейского ḡōḇer . Возможно, Иероним вовсе не воспринимал ḡōḇer как фитоним, а предполагал, что этим словом выражается какое-то из качеств данной древесины. Отражает ли словосочетание *de lignis levigatis* иудейские толкования данного стиха времен создания Вульгаты или представления самого блж. Иеронима о том, из какой древесины мог быть построен ковчег, сказать с уверенностью невозможно. Но совершенно точно, что этот перевод не добавляет никаких аргументов для ботанической идентификации еврейского фитонима ḡōḇer .

Случаи обобщенной передачи малопонятных древнееврейских фитонимов также встречаются в Вульгате. Например, в Вульгате слово ʾēšel (Быт. 21:33) передается общим термином – *nemus* «роша, лес», что в отличие от греческого ἄρουρα «пашня, засеянное поле», больше соответствует контексту 1 Царств 22:6. Также обобщенным понятием *in locis palustribus* «в местах болотных» переводится в Вульгате фитоним ʾāḥû (Быт. 41:2), который был не ясен и авторам LXX. В данном случае латинский перевод, по-видимому, также делался просто по смыслу фразы.

Приведенный нами в предыдущем разделе пример перевода фитонима ḥāḇaṣṣēleṭ в LXX (κρίνον в Ис. 35:1 и ἄθος в Песн. 2:1) релевантен и для Вульгаты, где в указанных стихах мы встречаем переводы *lilium* «лилия» и *flos* «цветок». В данном случае блж. Иероним, следуя Септуагинте, поступает последовательностью перевода ḥāḇaṣṣēleṭ и передает его в одном случае конкретным названием растения *lilium* (или группа растений), а в другом – общим термином *flos*. Отметим, что кроме ḥāḇaṣṣēleṭ словом *flos* в Вульгате переводятся также такие древнееврейские ботанические термины, как ʾiṣ «цветок» (Пс. 103:15, Иов 14:2, Ис. 28:4, 40:6, 40:7, 40:8), pēgaḥ «почка, бутон, цветок» (Наум 1:4), nēṣer «побег, росток» (Ис. 11:1).

Случаи латинской транслитерации/транскрипции древнееврейских фитонимов в проанализированных нами книгах Бытия и Исаяи не были выявлены. Однако в Быт. 37:25 и 43:11 древнееврейское слово lōṭ, означающее некое благовоние растительного происхождения (возможно, ладан), переведено как *stacta*, что является транслитерацией/транскрипцией греческого слова στακτῆς из LXX. В других книгах, хотя и изредка, встречаются случаи транслитерации/транскрипции еврейских терминов. Так выше нами было отмечено, что Вульгата транслитерирует еврейское ʾiṭṭîm как *setthim* (например, Исх. 25:5 и др., всего 27 вхождений). Причем, в случае, когда данный фитоним представлен в единственном числе (ʾiṭṭāḥ Ис. 41:19) он не транслитерируется, а переводится как *spina* (колючка, терновник).

Но особенно важны для исследователя библейских фитонимов те случаи, когда Вульгата дает вполне конкретные переводы древнееврейских названий растений, не ориентируясь на Септуагинту. Можно предположить, что давая такой перевод, блж. Иероним имел веские основания не дублировать греческий перевод.

Например, из трех фитонимов, упомянутых в Быт. 30:37, lûz и ʿermôn переведены в Вульгате *amigdalinas* и *platanis*, что полностью соответствует греческим словам καρύϊνος и

πλάτανος. Тогда как третье название растения из данного стиха *libne^h* переведено отлично от варианта LXX στυράκινος «стираксовый» латинским словом *populeas* «тополевый».

libne^h lûz ʿermôn

στυράκινος καρύϊνος πλάτανος

populeas amigdalinas platanis

Понимание древнееврейского наименования *libne^h* как «тополь» вслед за Вульгатой было принято и в немецком переводе Лютера (*Pappelbäumen*), и в английской Библии Короля Иакова (*poplar*), и в русском Синодальном переводе. Точно так же передают древнееврейское *libne^h* многие современные англоязычные переводы (ESV NAS NIB NJB NLT NRS). Таким образом, именно благодаря Вульгате появилась и широко распространилась традиция понимания редкого фитонима *libne^h* как «тополь», несмотря на то, что современные исследователи библейской флоры продолжают считать вопрос о ботанической принадлежности *libne^h* открытым, а нередко, следуя переводу LXX, и вовсе отдают предпочтение стираксу, а не тополю.

В качестве дополнительных примеров оригинального подхода блж. Иеронима к передаче древнееврейских фитонимов можно привести перевод в Ис. 41:19 названий *bəgôš tidhār təʾaššûr* как *abies ulmus buxus*. Как было показано выше (раздел 2.1.4), слово *bəgôš* в LXX понимается практически однозначно как «кипарис» (18 вхождений из 20). Однако, блж. Иероним отказывается от этого понимания и переводит *bəgôš* как *abies* «ель или пихта» в 16 случаях из 20 (3 Царств 5:8, 5:10, 6:15, 6:34, 9:11, 4 Царств 19:23, 2 Пар. 3:5, Ис. 14:8, 37:24, 55:13, 60:13, Иез. 27:5, 31:8, Ос. 14:9, Зах. 11:2). В четырех оставшихся случаях вхождения *bəgôš* автор Вульгаты не придерживается единого принципа перевода (2 Царств 6:5, 2 Пар. 2:8, Наум 2:4, Пс. 103:17). В 2 Царств 6:5 еврейское выражение *bəqōl ʿāšê bəgôšîm* переводится на латынь как *in omnibus lignis fabrefactis* «во всяческие деревянные (инструменты) искусно изготовленные». Во 2 Пар. 2:8 *bəgôš* переводится как *arceuthos* – один из видов можжевельника. Этот факт показателен, так как в следующей главе той же книги (2 Пар. 3:5) мы встречаем более частотный перевод *abies* (ель или пихта). В Наум 2:4 *bəgôšîm* переведено как *agitatores* «погонщики, всадники» (пример разобран в разделе 2.1.4). В Пс. 103:17 еврейское *ħāsîdā^h bəgôšîm bêṭāh* в Вульгате переведено *erodii domus dux est eorum* «цапли дом предводитель их». Очевидно, что этот перевод – точная копия греческого варианта LXX τοῦ ἐρωδίου ἡ οἰκία ἡγέται αὐτῶν «цапли дом предводительствует ими». Как говорилось выше (раздел 2.1.4), в LXX слово *bəgôš* (название дерева) было понято переводчиками как сочетание предлога *bə* и слова *gōš* «голова» и переведено с помощью

глагола ἡγέομαι «возглавлять». В латинском варианте таким же образом возникает существительное *dux* «глава, предводитель, начальник».

Как видно, анализ передачи наименования *bəṛôš* в древних переводах Ветхого Завета, во-первых, вскрывает факт непоследовательности перевода названий растений в Вульгате, а во-вторых, демонстрирует принципиально отличное представление о ботанической принадлежности этого древнееврейского фитонима в Септуагинте и Вульгате. Почти единодушный перевод этого слова в LXX как *κινάριστος*, а в Вульгате как *abies*, указывает на то, что в среде эллинизированных иудеев II-I веков до Р.Х., с одной стороны, и в среде иудеев IV-V веков по Р.Х., с другой, существовало порой различное понимание ветхозаветной ботанической лексики.

Столь же оригинальными в сравнении с LXX можно считать латинские переводы древнееврейских названий *tiḏhār* и *ṭəʿaššûr* в Ис. 41:19 *ulmus* «вяз» и *buxus* «самшит», а в Ис. 60:13 *buxus* «самшит» и *pinus* «сосна». Опять же отметим в данном случае очевидную непоследовательность перевода древнееврейских фитонимов.

Таблица 2. Непоследовательность передачи древнееврейских фитонимов в Вульгате.

	Фитоним и его перевод	Фитоним и его перевод	Фитоним и его перевод
MT	<i>bəṛôš</i>	<i>tiḏhār</i>	<i>ṭəʿaššûr</i>
VUL Ис. 41:19	<i>abies</i> – ель	<i>ulmus</i> – вяз	<i>buxus</i> - самшит
VUL Ис. 60:13	<i>abies</i> – ель	<i>buxus</i> – самшит	<i>pinus</i> - сосна

Также можно отметить в Ис. 44:14 два вполне конкретных латинских перевода древнееврейских фитонимов: *tirzāh* - *ilex* «каменный дуб» или, возможно, «падуб» и *ṭəʿaššûr* – *pinus* «сосна». Оба древнееврейских слова встречаются единственный раз во всем корпусе книг Ветхого Завета. В Ис. 44:14 LXX перевод этих названий отсутствует. Заметим однако, что словом *pinus* «сосна» в Ис. 60:13 переводится также еврейское *ṭəʿaššûr*, что вновь демонстрирует непоследовательность Вульгаты в переводе растительной лексики.

Хотя невозможно с уверенностью назвать те мотивы, которыми руководствовался блж. Иероним при выборе переводов для редких и малопонятных древнееврейских названий растений, но следует отметить, что переводчик для этого избирает названия не вполне типичных или вовсе не типичных для Палестины растений. Так, например, самшит, падуб, дуб каменный, ель – не являются элементами природной флоры Палестины, хотя, разумеется, они могли быть известны древнееврейскому повествователю. Однако эти древесные породы, широко распространены в южной и/или западной Европе. Сосны и вязы хотя и встречаются в Палестине, но не столь многочисленны и не столь типичны, как в более северных регионах.

Таким образом, блж. Иероним либо намеренно выбирал более знакомые западно-европейскому читателю древесные породы, либо, живя в Палестине, ошибочно принимал местные виды растений за какие-то из западно-европейских.

2.3. Наименования растений в классических европейских переводах Ветхого Завета.

В данном разделе рассматривается, каким образом решаются проблемы перевода древнееврейских фитонимов в двух классических переводах Ветхого Завета на европейские языки (Библия Лютера и Библия Короля Иакова). В качестве материала для анализа, как и в предыдущем разделе, нами избраны названия растений, упоминаемые в книгах Бытия и Исаяи.

2.3.1. Наименования растений в классическом немецком переводе (Библия Лютера L45).

Перевод Библии на немецкий язык, осуществленный Мартином Лютером в XVI веке, открыл новую страницу переводов Священного Писания. После долгого главенства Вульгаты вслед за Лютеровской Библией в протестантской среде стали осуществляться и иные переводы на европейские разговорные языки.

Перевод Ветхого Завета был осуществлен М. Лютером с использованием изданий еврейской и греческой Библии, а также Вульгаты, по частям, начиная с Пятикнижия (1523) и до пророческих книг (1534). В 1545 г. вышло последнее прижизненное издание Библии Лютера, которое до настоящего времени считается «изданием последней руки» (Э.С.П., 2002).

В отношении перевода ботанических наименований Библия Лютера нередко следует варианту Вульгаты. Переводчик оперирует по сути тем же самым набором приемов, что и авторы Септуагинты и Вульгаты.

Так, в L45 можно обнаружить случаи транслитерации/транскрипции еврейских названий растений, как, например, в Быт. 30:14, где слово $\text{d}\dot{\text{u}}\text{d}\dot{\text{a}}^{\text{?}}\text{im}$ передается в L45 как Dudaim. Причины такого выбора переводчика не ясны. Логичнее, как кажется, было бы последовать примеру авторитетных древних переводов LXX и VUL и перевести $\text{d}\dot{\text{u}}\text{d}\dot{\text{a}}^{\text{?}}\text{im}$ как «мандрагора». Быть может, здесь вновь сыграла роль печальная известность мандрагоры, которая особенно в средние века считалась магическим растением, связанным с языческими и колдовскими обрядами.

Встречаются в L45 и случаи обобщенной передачи древнееврейских фитонимов. Так же как LXX и VUL в Быт 21:33 Лютер дает обобщенный перевод еврейского слова ʿēšēl – *Bäume* «деревья», избегая попытки конкретизировать значение этого фитонима. Точно так же переводится ʿēšēl и в 1 Царств 31:13, тогда как ранее в той же 1 Книге Царств (22:6) ʿēšēl переводится иначе, хотя и также обобщенно – *Hain* «роща, дубрава».

В Быт. 41:2 Лютеровской Библии древнееврейское ʿāḥû также понимается в обобщенном смысле без конкретизации – *an der Weide im Grase* «на пастбище в траве». Несмотря на контекст стиха (коровы во сне фараона выходят из воды) и перевод Вульгаты *in locis palustribus* «в болотных местах», Лютер отказывается от упоминания прибрежной растительности или какой-либо связи с водой. Причины такого выбора переводчика для передачи слова ʿāḥû – не ясны.

Как и в предыдущем разделе, особый интерес для нас представляют случаи конкретного и при этом оригинального (не повторяющего LXX и VUL) перевода в L45 древнееврейских наименований растений. Например, в Быт. 6:14 уже неоднократно упомянутое древнееврейское ʿāšê-gōḇer переводится Лютером как *Tannenholz* «еловая (пихтовая) древесина», что заметно отличается от переводов-трактовок LXX $\text{ἐκ ξύλων τετραγώνων}$ и VUL *de lignis levigatis*. Слово *Tannen* в L45 является стандартным для перевода еврейского bəḡōš . Из всех 20 случаев вхождения bəḡōš во всей еврейской Библии лишь дважды этот фитоним переводится иначе, чем *Tannen*. Один из случаев – подробно разобранный в разделе 2.1.4 стих Наум 2:4, где некоторые переводчики рассматривают bəḡōšîm как ṛāḡāšîm (кони или всадники), подозревая в данном случае ошибку переписчика, заменившего букву *b* на *p* (в еврейском языке эти буквы имеют схожее начертание). В L45 еврейское $\text{habbəḡōšîm hoṛʿālû}$ переведено *ihre Spieße beben* «их копы дрожат, колышутся». Вариант перевода *Spieße* можно рассматривать как компромиссный между двумя прочтениями одного слова (bəḡōšîm «вид хвойных деревьев» и ṛāḡāšîm «конница»): деревянное оружие конников – копы или пики. Второй случай отказа от последовательного перевода еврейского bəḡōš как *Tannen* можно обнаружить в Иез. 27:5, где bəḡōš передается как *Zypressenholz* «кипарисовая древесина». Заметим, что во втором случае появления bəḡōš в книге Иезекииля (31:8), это слово переведено Лютером стандартно *Tannen*. *Zypressen* – встречается в Лютеровской Библии значительно реже, чем *Tannen*, а именно – 2 раза. Второе появление *Zypressen* имеет место в Песн. 1:17, где встречается, арамейский фитоним bəḡōt , соответствующий еврейскому bəḡōš .

Можно предположить, что предпочтение перевода Tappan (знакомая каждому ель, а не далекий экзотический кипарис) связано с попыткой Лютера сделать Писание более понятным, близким, доступным широкому кругу читателей. А вот объяснить двукратное появление слова Zypressen в L45 Иез. 27:5 и Песн. 1:17 не представляется нам возможным.

Можно привести еще ряд примеров оригинальных и вполне конкретных переводов растительных наименований в Библии Лютера. К таковым можно отнести перевод еврейского слова עֵרְמוֹן в Быт. 30:37 и Иез. 31:8 как Kastanien «каштан» вопреки версиям LXX πλάτανος «платан» – Быт. 30:37, ἐλάτη «ель/пихта» – Иез. 31:8 и VUL *platanus* «платан» – Быт. 30:37 и Иез. 31:8. Выбор перевода Kastanien может быть также обусловлен желанием переводчика сделать текст более понятным читателю. Каштан посевной (*Castanea sativa*) широко распространен в зоне широколиственных лесов в Западной Европе, а также с древних времен культивируется человеком. В то же время природный ареал платана (*Platanus orientalis*) гораздо уже и охватывает лишь Восточное Средиземноморье. Широкое распространение культуры платанов в Западной Европе относится уже к XVIII веку, когда там повсеместно стал выращиваться более морозостойкий платан кленолистный (*Platanus x acerifolia*), полученный от скрещивания платана восточного и его американского сородича платана западного.

Вполне оригинальный перевод древнееврейского tîḏhār в Ис. 41:19 и Ис. 60:13 как Buchen «бук» тоже, по-видимому, был понятен современникам Лютера. Однако не ясно, почему именно это растение, а не какое-либо другое (например, «вяз» или «самшит», как мы видим в Вульгате Ис. 41:19 *ulmus* и Ис. 60:13 *buxus*) выбрал в данном случае переводчик. Словом Buchen переводится в L45 также редкий и малопонятный еврейский фитоним tirzā^{h} в Ис. 44:14, а также один раз в Ос. 4:13 слово ʔēlā^{h} , которое встречается в Ветхом Завете многократно и, как правило, передается в переводе Лютера как Eiche «дуб».

Встречающееся единственный раз во всем корпусе книг Ветхого Завета еврейское слово boṭnîm (Быт. 43:11) переведено Лютером как Datteln «финики», что также сделано вопреки Септуагинте τερέμινθος и Вульгате *terebinthi*, где boṭnîm понимается как теревинф или дикая фишашка. Возможно, финики были известны жителям центра Западной Европы, как восточный экзотический деликатес, а потому Лютер предпочел именно «финики» малопонятному слову «теревинф». В дальнейшем ни один из известных нам переводов Ветхого Завета не последовал примеру Лютера.

2.3.2. Наименования растений в классическом английском переводе (Библия Короля Иакова KJV).

Если говорить о ставших классическими переводах Библии на европейские языки, то невозможно обойти стороной английскую Библию короля Иакова (или Authorized Version Дозволенная версия) (King James' Bible KJV). Своему названию этот перевод обязан одному из инициаторов и покровителей создания этой английской версии Библии - королю Иакову I Стюарту.

Как указывает «Православная энциклопедия» (Дмитриева, Овсянников, 2002), KJV отличали от существовавших на тот момент англоязычных переводов большая ясность, использование просторечий, стремление сделать текст доступным для понимания. На качестве перевода Библии короля Иакова сказались высокий научный уровень участников работы и прогресс классических и гебраистских штудий в Англии. Знакомство с еврейскими источниками позволило переводчикам имитировать стиль и ритм языка оригинала в переводе Ветхого Завета. Библия короля Иакова вышла в свет в 1611 году и получила широкое распространение не только в Британии, но и в Америке и прочих английских колониях. Она стала эталоном не только перевода, но и литературного языка в целом, оказав огромное влияние как на английскую литературу XVII-XIX вв, так и на последующие английские переводы Священного Писания.

Рассмотрим примеры различных приемов и подходов, которыми оперировали авторы Библии Короля Иакова и которые отчасти были разобраны в разделе 2.1.5. Мы уже отмечали выше примеры транслитерации/транскрипции древнееврейских фитонимов в KJV, поэтому лишь кратко повторим сказанное. Характерный пример – передача слова *gōḇer* в Быт. 6:14 как *gorher*. Авторы таким образом, с одной стороны, сохранили восприятие этого древнееврейского слова как названия определенного растения, а с другой, – не стали фантазировать и отражать в переводе какие-либо трактовки этого фитонима. Мы также упоминали транслитерацию/транскрипцию в KJV еврейского *šittāḥ* (Ис. 41:19) и *šittīm* (например, Исх. 25:5 и др., всего 27 вхождений), характерную и для Вульгаты (кроме Ис. 41:19).

Встречаются в KJV и примеры обобщения при переводе конкретных, но малопонятных ботанических наименований. Так, подобно Вульгате Библия Короля Иакова передает *ʿēṣel* в Быт. 21:33 как *grove* «роща». Обобщенно переводится и уникальное для Ветхого Завета древнееврейское слово *boṭnīm* (Быт. 43:11) – *nuts* «орехи».

В случае конкретных переводов названий растений KJV нередко следует своим знаменитым классическим предшественникам, гораздо реже прибегая к оригинальной

передаче библейских фитонимов. Отметим некоторые из подобных случаев. Например, в Ис. 35:1 ḥāḇaṣṣālet переводится как rose «роза», несмотря на то, что в LXX, VUL, L45 в данном стихе мы встречаем однозначное понимание этого слова «лилия» (κρίνον, lilium, Lilien). Возможно, авторы KJV пошли по такому пути, чтобы переводить ḥāḇaṣṣālet одинаковым образом в обоих случаях вхождения этого слова (Ис. 35:1 и Песн. 2:1). Дело в том, что в Песн. 2:1, помимо ḥāḇaṣṣālet, есть и слово šûšān, стандартные переводы которого в LXX, VUL, L45 – κρίνον, lilium, Lilien. Поэтому в LXX, VUL, L45 в Песн. 2:1 отказываются от принципа последовательности и переводят ḥāḇaṣṣālet – ἄνθος, flos, Blume. Однако авторы KJV в данном случае остались верны этому принципу.

Также оригинально и при этом последовательно в KJV переводится древнееврейский фитоним tidhār (Ис. 41:19, 60:13) как pine «сосна». По-видимому, в данном случае авторы KJV ориентировались на перевод этого слова в Ис. 60:13 Септуагинты – πεύκη, тогда как в VUL tidhār переводится как ulmus «вяз» в Ис. 41:19 и buxus «самшит» в Ис. 60:13, а в L45 Buchen «бук» в обоих стихах.

Собственный оригинальный перевод cypress «кипарис» и ash «ясень» дают авторы KJV и для двух редких древнееврейских фитонимов tirzāh и ṣōgen, встречающихся единственный раз во всем корпусе еврейской Библии – Ис. 44:14. Мотивы такого выбора переводчиков в данном случае не ясны. Однако эти переводы отражают уникальность обоих фитонимов в Ветхом Завете, так как cypress и ash встречаются в KJV также единственный раз именно в этом стихе.

2.4. Наименования растений в современных переводах Ветхого Завета.

Помимо классических европейских переводов Ветхого Завета имеет смысл рассмотреть также те методы, которыми пользовались переводчики Священного Писания в XX веке, пытаясь передать в своих переводах библейские наименования растений. Для сравнительного анализа мы выбрали 7 англоязычных переводов, осуществленных на протяжении прошлого столетия (NAB, NAS, NIV, NJB, NRS, RSV, TNK). Не имея возможности рассмотреть все подобные переводы, коих в XX веке было создано великое множество, мы остановились на наиболее значимых, получивших широкое распространение и отражающих разные стратегии переводчиков.

NAB – Новая американская Библия (The New American Bible 1970)

NAS – Новая американская стандартная Библия (The New American Standard Bible 1995).

NIV – Новый международный перевод (The New International Version 1978).

NJB – Новая Иерусалимская Библия (The New Jerusalem Bible 1985).

NRS – Новый, пересмотренный стандартный перевод (The New Revised Standard Version 1990).

RSV – Пересмотренный стандартный перевод (The Revised Standard Version, 1952).

TNK – Танах: Священное Писание: Новый перевод в соответствии с традиционным еврейским текстом (Tanakh: The Holy Scriptures: A New Translation According to Traditional Hebrew Text 1985).

Ниже приведены краткие характеристики каждого из рассмотренных нами переводов, составленные с использованием данных из «Православной энциклопедии» (Дмитриева, Овсянников, 2002).

Пересмотренный стандартный перевод (The Revised Standard Version (RSV), 1952).

Работа над этой версией была начата в Америке еще в 1928 г., когда было решено пересмотреть и исправить Американский стандартный перевод (The American Standard Version), сделанный на основе Revised Version (1881-1885), но с учетом различий британского и американского диалектов английского языка. Полная Библия вышла в свет в 1952 г. Язык перевода приближается к простому, классическому языку Библии короля Иакова, но, в то же время, это и не устаревший язык Елизаветинской эпохи. Издание снабжено многочисленными примечаниями, которые предлагают возможные варианты перевода либо отличные от приведенных в основном тексте чтения иных древних рукописей и переводов. Вплоть до появления New Revised Standard Version данный перевод был наиболее авторитетным в академических кругах США. Консервативные протестанты рассматривали его как «либеральный» (в частности, за перевод Ис 7:14). Данный перевод претерпел несколько дополненных и переработанных изданий, среди которых издание, подготовленное в 1977 году специально по просьбе православных и вошедшее в употребление у православных в англоязычных странах.

Новая американская Библия (The New American Bible 1970). Наиболее распространенный библейский перевод в кругах американских католиков. Этот перевод, начатый в 1940 г., был сделан католическими авторами полностью с оригинальных древних текстов. В нем используются типично американские обороты речи. Каждой библейской книге предпослано краткое введение. При переводе ряда книг использованы новейшие находки древних рукописей, а также учтены результаты исследований современных текстологов.

Псалмы переводились с учетом необходимости их использования за богослужением. К переводу сделаны примечания, выявляющие догматический смысл текста.

Новый международный перевод (The New International Version, 1978). Наиболее авторитетный перевод для умеренно-консервативных протестантов англоязычного мира. Протестантскими церквями, которые считаются консервативными, во второй половине XX века было сделано несколько новых переводов (The Amplified Bible, 1965; The Modern Language Bible, 1969, The New American Standard Bible, 1971), не получивших, однако, широкого признания. Успешным оказалось издание Нового международного перевода, осуществленного по инициативе Синода христианских реформаторских церквей и Национальной ассоциации евангелистов Америки. Полная Библия вышла в 1978 г.

Новая Иерусалимская Библия (The New Jerusalem Bible 1985). Перевод, особенно популярный среди британских католиков. Этот перевод является логическим продолжением Иерусалимской Библии (The Jerusalem Bible 1966), католического издания, получившего свое название потому, что именно в Иерусалиме французскими монахами доминиканского ордена в 1956 году был подготовлен французский прототип этой английской версии. Большинство книг было переведено на английский с языка оригинала, а те немногие, что переводились с французского, были тщательно выверены по оригиналу. Это первая увидевшая свет английская католическая Библия, которая переводилась не с Вульгаты, а с оригинальных текстов. Рассматриваемая нами Новая Иерусалимская Библия была подготовлена два десятилетия спустя, в 1985 году, и была уже полностью выполнена с оригинальных текстов.

Новый пересмотренный стандартный перевод (The New Revised Standard Version 1990). Ревизия Пересмотренного стандартного перевода (The Revised Standard Version, 1952 RSV), которая в настоящий момент заменила его в академических кругах США (однако англоязычные православные Америки по-прежнему пользуются RSV). Пересмотр RSV был вызван открытием новых фрагментов рукописей Мертвого моря и ранних греческих папирусов с фрагментами Нового Завета. Среди прочих задач, стоявших перед комиссией по пересмотру, было введение так называемого «инклюзивного языка» (хотя в данной версии инклюзивный язык не распространен на Божество).

Новая американская стандартная Библия (The New American Standard Bible 1995). Протестантский перевод, во многом ориентирующийся на традицию Кинг Джеймс. Данный перевод ориентируется на Американский стандартный перевод (The American Standard

Version 1901), созданный в начале XX века в связи с накопившимися лингвистическими различиями британского и американского вариантов английского языка. Эта версия учитывает изменения, произошедшие в языке в течение прошлого века, а также принимает во внимания современные достижения библеистики.

Танах: Священное Писание: Новый перевод в соответствии с традиционным еврейским текстом (Tanakh: The Holy Scriptures: A New Translation According to Traditional Hebrew Text 1985). Перечисленные нами выше переводы Библии создавались в христианской среде и были рассчитаны на христиан различных деноминаций. Однако в XX веке было издано несколько англоязычных переводов для иудеев (например, *The Holy Scriptures according to the Masoretic Text: A New Transl. with the Aid, of Previous Versions / Ed. M. L. Margolis. Phil., 1917, 1948, 1955*). Наиболее популярный из этих переводов мы сочли необходимым включить в нашу работу.

Избранные наименования растений из книг Бытия и Исаяи, а также их переводы во всех рассматриваемых нами англоязычных версиях Библии представлены в виде сводной таблицы (см. Приложение, табл. Б). Для удобства сравнения и обсуждения в одной из колонок таблицы размещены переводы классического английского перевода – Библии короля Иакова (KJV). Трудно себе представить, чтобы авторы какого-либо из современных англоязычных переводов не были бы знакомы с KJV. А следовательно, ни многочисленные сходства, ни столь же многочисленные отличия современных переводов от Библии короля Иакова не могут быть случайными. Поэтому в настоящем разделе мы особое внимание уделяем этим сходствам и отличиям. Не трудно заметить, что во многих случаях современные англоязычные переводы в отношении передачи библейских фитонимов повторяют друг друга. Именно поэтому наш интерес привлекали, в первую очередь, случаи расхождений между этими переводами.

Говоря о приемах и методах перевода, применявшихся при создании KJV, мы отмечали случаи транслитерации/транскрипции древнееврейских фитонимов. Первый из подобных случаев - передача древнееврейского gōbēre в Быт. 6:14 как *gorher* – не характерен для большинства современных англоязычных переводов Бытия (NAS, NIV, NRS, RSV, TNK). В указанных версиях gōbēre переводится как *cupress* «кипарис», что очевидно является своего рода трактовкой, а не переводом. Отличается от остальных вариант, предложенный авторами NJB, – *resinous wood* «смолистая древесина». По-видимому, переводчики в данном случае рассматривали уникальный фитоним gōbēre как производное от созвучного ему слова kōbēre

«смола». И лишь единственная из рассматриваемых версий NAB следует варианту KJV – gopherwood.

Второй случай транслитерации/транскрипции, отмеченный нами для KJV, это передача еврейского *šittā^h* (Ис. 41:19) и *šittīm* (например, Исх. 25:5 и др., всего 27 вхождений) как *shittah* и *shittim*. Ни один из рассмотренных нами современных переводов не следует в данном случае за KJV, а переводит *šittā^h* и *šittīm* в соответствии с современными представлениями ученых – *acacia* «акация». Таким образом, прием транслитерации/транскрипции, характерный для Библии короля Иакова при переводе ботанических наименований, не был воспринят авторами большинства более поздних английских переводов. Стремящиеся к максимальной доступности и понятности текста, авторы современных переводов, по-видимому, не считают возможным оставлять в тексте пускай даже красивые и загадочные, но совершенно непонятные древние фитонимы.

В тех стихах, где в KJV встречаются обобщенные переводы (см. раздел 2.3.2 - Быт. 21:33 *ʿéšel* - grove «роща», Быт. 43:11 *boṭnīm* – nuts «орехи»), в рассмотренных нами современных англоязычных версиях мы можем видеть вполне конкретные переводы этих фитонимов в соответствии с наиболее распространенными на данный момент гипотезами об их ботанической принадлежности. Так, древнееврейское *ʿéšel* (Быт. 21:33) во всех семи версиях переводится как *tamarisk tree* или просто *tamarisk* «тамариск, гребенщик», а *boṭnīm* (Быт. 43:11) – как *pistachio nuts* или *pistachios* «фисташки». Именно так предлагают рассматривать эти древние названия растений такие современные исследователи, как Зохари (Zohary, 1982, p. 65, 115) и Мусселман (Musselman, 2011, p. 112, 132).

Нельзя сказать, что авторы английских переводов Ветхого Завета XX века вовсе отказались от метода обобщенного перевода малопонятных древних фитонимов, однако те случаи, которые мы хотели бы отметить, на наш взгляд, не могут служить корректными примерами подобного метода перевода. Дело в том, что во всех случаях, где в современных переводах мы имеем дело с обобщенной передачей древних ботанических наименований, в KJV применен точно такой же подход. Да и сами еврейские фитонимы в этих случаях, по-видимому, не имели единого конкретного значения, несмотря на то, что некоторые современные исследователи пытаются подобрать им вполне конкретное ботаническое соответствие.

Так, например, в Быт. 41:2 KJV древнееврейское *ʿāḥû* переведено обобщенным термином *meadow* «луг, низина, пойменная земля», который не встречается в рассмотренных нами современных англоязычных версиях данного стиха. Однако и в новых переводах отражается обобщенный характер термина *ʿāḥû*: в NAS – *marsh grass* «болотная трава» и в

NAB, NIV, NRS, RSV, TNK – reed grass или reeds, что является объединяющим термином для самых разных крупных прибрежных травянистых растений, наподобие русского просторечного «камышы». Несколько более узкий, но все же обобщающий термин использован в NJB – gushes, означающий также высокие прибрежные травы, но нередко в современной ботанике относящийся только к представителям семейства Ситниковые (*Juncaceae*).

Перечисленные в Быт. 37:25 и 43:11 נֶאֱקֹדִי שָׁגִי לֹדִי хотя и не являются названиями растений, но, безусловно, относятся к продуктам растительного происхождения, а потому нередко рассматриваются в литературе, посвященной библейской флоре. Например, в работе Мусселмана (Musselman, 2011) נֶאֱקֹדִי рассматривается как мастика (mastic) или смола мастикового дерева (*Pistacia lentiscus*) а לֹדִי как ладан (ladanum) или смола ладанника (*Cistus creticus*), т.е. данным продуктам подобраны вполне конкретные ботанические соответствия. KJV переводит נֶאֱקֹדִי שָׁגִי לֹדִי достаточно общими терминами как spicery balm myrrh «пряность, бальзам, мирра». При передаче слова נֶאֱקֹדִי рассматриваемые современные переводы, за исключением NIV, используют весьма общее слово gum «смола, камедь», но авторы NAS уточняют - aromatic gum «ароматическая смола», а создатели NJB переводят еще более конкретно - tragacanth gum «трагакант» или камедь некоторых ближневосточных представителей рода Астрагал (*Astragalus*). При переводе слова שָׁגִי современные авторы практически единодушно повторяют вариант KJV balm и лишь NJB дает несколько более понятный вариант того же самого термина – balsam. Что касается слова לֹדִי, то здесь часть современных переводчиков следует варианту KJV myrrh (NAS, NIV, RSV), а другая часть (NAB, NJB, NRS) предпочитает более общее слово resin «смола». Исключением в данном случае является перевод TNK ladanum «ладан», который отражает представления некоторых современных исследователей (например, Musselman, 2011, p. 80).

Таким образом, современные англоязычные переводчики изредка прибегают к обобщенным переводам древнееврейских ботанических терминов в тех случаях, когда сами древние термины с большой долей вероятности изначально имели неконкретное значение. В изучаемых современных английских версиях Ветхого Завета нам удалось обнаружить лишь единственный пример обобщенного перевода библейского ботанического наименования, которое однозначно рассматривается современными исследователями как вполне конкретный фитоним. Это перевод древнееврейского הַבַּשָּׁשֶׁלֶּת в Песн. 2:1 NAB общим словом flower «цветок», что, возможно, является «калькой» с древнегреческого варианта LXX ἄνθος. И этот же пример - единственный выявленный нами случай обобщенного перевода в современных версиях при конкретном переводе в KJV (הַבַּשָּׁשֶׁלֶּת rose «роза»). Во всех остальных

рассматриваемых нами современных версиях Песн. 2:1 ḥāḇāṣṣéleṭ передано так же, как и в KJV – rose. Возможно, в данном случае современные версии, отдают предпочтение традиционному переводу rose «роза» благодаря тому, что словосочетание «rose of Sharon» из Песн. 2:1 KJV стало крылатым, хорошо знакомым англоязычному читателю по многочисленным поэтическим произведениям. Перевод того же самого древнееврейского фитонима ḥāḇāṣṣéleṭ в другом стихе Ис. 35:1 во всех современных версиях (кроме TNK) иной, отражающий не переводческую традицию, а мнения современных исследователей о ботанической принадлежности ḥāḇāṣṣéleṭ. В NAS, NIV, NRS, RSV в Ис. 35:1 ḥāḇāṣṣéleṭ переведено как saffron «шафран» (род *Crocus*), что согласуется с мнением, например, Судермана (Suderman, 2005, p. 52). NJB передает в данном стихе ḥāḇāṣṣéleṭ как asphodel «асфодель» (род *Asphodelus*), что также поддерживается отдельными исследователями (Koehler, Baumgartner, 1994-2000; Noegel, Rendsburg, 2009, p. 77). И лишь авторы TNK предпочли последовательность перевода его достоверности, переводя ḥāḇāṣṣéleṭ в обоих случаях вхождения (Ис. 35:1, Песн. 2:1) rose, как это сделано и в KJV.

Как видно, переводчики XX века в большинстве своем стремятся отразить современные представления исследователей о том или ином древнем ботаническом наименовании. Однако в отдельных случаях, когда фраза из KJV хорошо знакома широкому кругу людей, как, например, «rose of Sharon» из Песн. 2:1 KJV, современные переводчики предпочитают сохранить крылатое выражение, вопреки научной точности и даже вопреки последовательности перевода. Этот пример схож со случаем в СП, описанным выше (раздел 2.1.1), когда авторы русского перевода сохраняют славянизм «терния и волчцы», ставший «крылатым».

Рассмотрим еще примеры того, как поступают авторы современных англоязычных переводов Ветхого Завета с редкими и не вполне понятными древнееврейскими фитонимами. Например, слово *tiḥār*, переведенное в KJV во всех двух случаях вхождения (Ис. 41:19, 60:13) как pine «сосна», в большинстве более поздних переводов передается иначе: в NAB, NJB, NRS, RSV – plane или plane tree «платан», в NAS – box tree «самшит», в NIV – fir «пихта». И только TNK повторяет вариант KJV pine лишь в одном стихе Ис. 60:13, тогда как в Ис. 41:19 авторы TNK предпочли перевод box tree «самшит». Как видно, в отличие от предыдущего примера с переводом ḥāḇāṣṣéleṭ, в данном случае большинство современных переводов стремится к последовательности передачи фитонимов, при этом не считая нужным следовать варианту KJV. Каковы были основания для выбора перевода в каждом конкретном случае, понять трудно. Однако заметим, что гипотеза о том, что древнееврейское *tiḥār* означает «сосна», продолжает оставаться одной из наиболее авторитетных и по настоящий

момент (Musselman, 2011, p. 112), ввиду чего отказ современными переводчиками от варианта KJV выглядит еще менее обоснованным.

Столь же сильно различаются переводы в разных современных англоязычных версиях двух фитонимов *tirzā^h* и *ʾōḡen*, встречающихся во всем корпусе книг еврейской Библии единственный раз (Ис. 14:44). Древнееврейское *tirzā^h*, переведенное в KJV как *cypress* «кипарис», в современных версиях передается как *holm* или *holm tree* «вечнозеленый дуб» или, возможно, «падуб» (NAB, NRS, RSV), *oak* «дуб» (NJB), *plane tree* «платан» (TNK). А также в NAS и NIV сохраняется вариант KJV – *cypress* «кипарис». Столь же многообразен перевод фитонима *ʾōḡen*, переданного в KJV как *ash* «ясень». В NIV, NJB *ʾōḡen* переводится как *pine/pine tree* «сосна», в NAS и TNK – *fir* «пихта», в NRS и RSV – *cedar* «кедр».

Столь значительное многообразие переводов древних фитонимов в современных англоязычных версиях Священного Писания отражает, на наш взгляд, во-первых, трудность реконструкции самой древней реалии, скрывающейся за древним наименованием растения, а как следствие – наличие большого числа различных гипотез о ботанической принадлежности этих растений. Во-вторых, множество разных переводов одного и того же фитонима, по нашему мнению, связано с отсутствием единой методологической основы для перевода ботанических терминов даже в пределах одной библейской книги. Благодаря этому, к сожалению, зачастую невозможно понять, какими доводами руководствовались авторы при выборе каждого конкретного перевода.

* * *

В целом, для англоязычных переводов XX века в отношении ботанической лексики можно отметить следующее:

- стремление к широкому использованию данных современных исследователей библейской флоры, нередко вопреки традиционному переводу;
- склонность к более конкретным и понятным вариантам перевода (обобщающих переводов и транслитерации/транскрипции древних фитонимов – меньше);
- использование для перевода ботанической лексики всего спектра методов, которые отмечены нами для более древних классических переводов.

2.5. Постановка вопроса: как поставить перевод библейских фитонимов на научную основу?

В предыдущих разделах данной главы мы критически рассмотрели многообразие методов и приемов перевода на русский и европейские языки древнееврейских наименований растений, упоминаемых в Ветхом Завете. В разделе 2.1 объектом нашего анализа являлся

общепризнанный русский перевод Библии, известный всем как Синодальный. **Раздел 2.2** был посвящен двум важнейшим древним переводам Библии, а именно: греческому – Септуагинте и латинскому – Вульгате. А в **разделе 2.3** были рассмотрены классические переводы Библии на европейские языки, которые оказали наибольшее влияние на Синодальный перевод: немецкий – Библия Лютера, английский – Библия короля Иакова. В **разделе 2.4** были рассмотрены избранные англоязычные переводы Библии, созданные в XX веке.

В проанализированных версиях Ветхого Завета нами был выявлен ряд **ключевых проблем** перевода наименований растений:

- непоследовательность перевода;
- игнорирование современных научных данных;
- перевод, вызывающий у читателя неверное восприятие древней реалии.

Непоследовательность перевода.

Многочисленные примеры непоследовательности перевода ботанической лексики Ветхого Завета, имеющиеся как в Синодальной Библии, так и в других рассмотренных нами переводах, убеждают нас в серьезности и всеобщем характере данной проблемы. В изучаемых нами версиях Ветхого Завета, с одной стороны, встречаются случаи, когда один и тот же древнееврейский фитоним переводится даже в пределах одной библейской книги разными словами (например, *tīḥār* СП Ис. 41:19 – *явор*, Ис. 60:13 – *певг*). А с другой стороны, есть примеры обратной ситуации, когда разные древние наименования растений переводятся одним и тем же современным словом (например, СП *явор* Быт. 30:37 – *‘ermôn*, Ис. 41:19 – *tīḥār*). Даже в англоязычных переводах XX века, где принцип последовательности, как правило, соблюдается строже, чем в переводах прошлых веков, встречаются примеры непоследовательности, на наш взгляд, не имеющие достаточных обоснований. Например, в переводе «Tanakh: The Holy Scriptures» (издание Jewish Publication Society of America, 1985) древнееврейское *tīḥār* переведено: в Ис. 41:19 – *box tree*, а в Ис. 60:13 – *pine*.

По нашему мнению, данный принцип должен быть в числе основных при переводе библейских фитонимов. Иными словами, переводить ботанические наименования методологически оправданно, исходя из предварительной посылки, что одному ботаническому наименованию соответствует одна реалия. Отступление от принципа последовательного перевода фитонимов должно иметь аргументированное научное обоснование или, особенно в случае переводов авторских, поэтических и т.д. – быть

оправданно с литературной, художественной точки зрения. В данном вопросе, нельзя упускать из виду те случаи, когда авторы перевода отступали от принципа последовательности, очевидно, из-за желания сохранить более архаичный, устоявшийся вариант перевода, особенно в текстах, имеющих богослужебное значение. Таким образом, для обоснованного и оправданного нарушения принципа последовательности необходимо, в первую очередь, учитывать **цель перевода** (научный, миссионерский, художественный, богослужебный). Это особенно важно, так как речь идет о текстах Священного Писания, к которым большинство читателей относится не только как к историческому документу или литературному произведению, но и как к Слову Божию, где каждая фраза, каждое выражение несет особую духовную смысловую нагрузку. А потому отступление от принципа последовательности может привести к изменению смысловых оттенков текста (например, бəgôš СП в 18 случаях вхождения *кипарис*, а в Пс. 103:17 – *ель* см. 2.1.4), появлению новых параллелей внутри корпуса библейских книг (например, *тернии и волцы* СП Быт. 3:18 qôš dardar и Ис. 5:6; 10:17; 27:4 šāmîr šāyîṭ см. 2.1.1), нарушению целостности текста (например, ʔalgûmmîm СП 2 Пар. 2:8 – *невговое дерево*, 2 Пар. 9:10, 11 2 Пар. 2:8 – *красное дерево*, см. 2.1.3) и т.д.

Игнорирование современных научных данных.

Проведенный нами анализ различных переводов Ветхого Завета позволил выявить тот факт, что при переводе древнееврейской ботанической лексики зачастую не учитываются результаты работы исследователей библейской флоры. Перевод фитонима осуществляется либо по традиции, либо в соответствии с определенным словарем, но не отражает современных научных представлений о ботанической принадлежности того или иного древнего наименования. Разумеется, чаще всего такая ситуация обусловлена вовсе не намеренным умыслом или ленью переводчиков, а иными, вполне объективными причинами. Среди них недоступность и недостаток специальной литературы, посвященной библейской флоре, отсутствие единого мнения исследователей на значение того или иного фитонима, трудность реконструкции ботанических реалий, упоминаемых в древних текстах. Очевидно, что не во всех случаях строгий научный перевод ботанической лексики будет уместен как в Писании, так и вообще в литературном тексте (например, для тех растений, которые не имеют русских названий). Однако, на наш взгляд, переводчик должен обладать максимально полной научной информацией при работе с древней фитонимикой. Даже в случае создания вольного поэтического перевода переводчик должен понимать, о каком именно растении идет речь или какие основные научные гипотезы имеются на данный

момент относительно значения данного фитонима. И только обладая подобными сведениями, можно переходить к подбору подходящего слова для передачи древнего фитонима в соответствии с целью и стилистикой всего перевода. Полагаем, что автор или авторы перевода Священного Писания не обязаны быть специалистами в естественных науках, но крайне желательно, чтобы работа над переводом ботанической лексики проводилась в тесном сотрудничестве с профессиональными ботаниками.

Перевод, вызывающий у читателя неверное восприятие древней реалии.

Третья из выявленных нами проблем обусловлена тем, что даже при хорошей научной базе и максимально точном переводе древнего наименования нельзя упускать из вида процесс восприятия переводного текста читателями. Важно то, как именно будет понят текст перевода, какие ассоциации возникнут при прочтении перевода древнего фитонима на язык совершенно иного этноса и совершенно иной культуры. Очевидно, что большинство переводов принимает во внимание данный фактор, однако имеются и исключения. Особенно ощутима данная проблема в случае сохранения архаизмов в переводах Ветхого Завета. Как отмечалось, встречающиеся в СП наименования растений *явор* и *певг*, взятые из славянского текста, либо могут быть поняты неверно (явор в современной ботанике - не платан, а клен ложноплатановый), либо не понятны вовсе (певг). Даже при максимально приближенном к современным научным представлениям переводе таких древнееврейских фитонимов как *šittā^h* и *bəgôš*, как «акация» и «можжевельник» у русскоязычного читателя могут возникнуть неверные ассоциации. Дело в том, для подавляющего большинства жителей средней полосы России «акация» – это декоративные деревья и кустарники из родов Робиния и Карагана, вовсе не родственные настоящим акациям и не обладающие ценной древесиной. Тогда как можжевельники ассоциируются с небольшими, порой стелющимся, хвойными деревцами, а вовсе не с крупными величественными деревьями, каковыми нередко являются можжевельники восточного Средиземноморья. Таким образом, не учитывать то, каким образом будет восприниматься перевод ботанической лексики Священного Писания, было бы крайне неверно.

Подчеркнем, что основные выявленные нами проблемы перевода древних фитонимов, встречающихся в книгах Ветхого Завета, характерны не только для русского Синодального перевода, но в различной степени и для всех переводов, охваченных нашим исследованием. А следовательно, работа над решением этих проблем важна не только для целей создания нового русского перевода Священного Писания, но и, в целом, для переводов древних библейских текстов на языки народов мира.

На наш взгляд, для решения выявленных проблем, в первую очередь, необходима разработка единого методологического подхода перевода древнееврейских фитонимов на русский язык. Подобный подход должен базироваться на результатах разносторонних научных исследований значения каждого фитонима, а также учитывать особенности мировосприятия предполагаемой читательской аудитории. В таком случае **ключевым этапом в работе переводчика и исследователя древней ботанической лексики становится идентификация растений, упоминаемых в древних текстах.**

ГЛАВА 3. ИДЕНТИФИКАЦИЯ РАСТЕНИЙ БИБЛИИ ПРИ СОЗДАНИИ БИБЛЕЙСКИХ САДОВ (ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

3.1. Что такое библейский сад. Актуальность создания.

Просветительское и миссионерское значение.

В настоящее время катехизаторская, миссионерская, религиозно-просветительская деятельность Церкви не может ограничиваться исключительно традиционными приемами: проповедью в храме, изданием духовной литературы, огласительными беседами и т.д. Современные православные катехизаторы и миссионеры нередко ищут новые подходы в своей работе, пытаясь использовать в духовно-просветительских целях, например, современные виды искусства и новые информационные технологии. Мы знаем массу удачных примеров такого рода: от целого ряда замечательных произведений кинематографа до православных Интернет-сайтов и сообществ в социальных сетях. Многие современные миссионерские мероприятия и проекты разрабатываются на стыке науки, культуры, теологии. Одним из форматов духовно-просветительской работы, по нашему мнению, могли бы стать так называемые библейские сады (БС).

Библейские сады – это ландшафтные и архитектурные композиции, созданные на основе живых растений, упоминаемых в Священном Писании.

Интерес к живой природе, увлечение садоводством, тяга к прекрасному, а также возможность провести время в уютном уголке природы под названием «Библейский сад», могут стать отличным поводом для знакомства самого широкого круга посетителей с основными сюжетами из книг Ветхого и Нового Завета. Не стоит забывать, что библейские сады, помимо миссионерского, носят и очевидный научно-просветительский характер. В них не просто выращиваются растения, упоминаемые в Библии, но и, в целом, реконструируется культурный ландшафт Древнего Ближнего Востока, демонстрируются особенности сельского хозяйства древнего мира, рассказывается об истории одомашнивания различных растений, их использовании в кулинарии, медицине, обрядах и т.д. Таким образом, библейские сады представляют собой пространство, удобное как для интеллектуального досуга, так и для серьезного разговора о Священном Писании.

3.2. Библейские сады за рубежом.

Библейские сады уже многие десятилетия существуют и успешно функционируют в самых разных научных, культурных и религиозных центрах Европы, Америки и Ближнего Востока. Так, по данным К. Штрюкрат (Strückrath, 2012, S. 13) за последние два десятилетия только в Германии появилось около сотни библейских садов. Чаще всего это небольшие уголки ботанического сада или парка, отведенные специально под растения, упомянутые в

Священном Писании, но в некоторых случаях, библейские сады – это масштабные проекты, позволяющие посетителю буквально погрузиться в библейскую эпоху.

История зарубежных БС наиболее детально изложена и проанализирована в уже процитированной нами работе К. Штрюкрат "Bibelgärten: Entstehung, Gestalt, Bedeutung, Funktion und interdisziplinäre Perspektiven" (Strückerath, 2012), представляющей собой внушительную монографию-диссертацию, итог многолетних исследований автора. К. Strückerath не просто описывает историю появления БС в странах Европы и Америки, но и пытается проследить исторические корни этого явления. По мнению автора рассматриваемой монографии, БС в современном понимании этого термина (т.е. сады, в которых целенаправленно демонстрируются растения, упомянутые в Священном Писании) возникли относительно поздно в истории садоводства, а именно в середине XIX века. Широкое же распространение БС получили еще позже – лишь в XX веке, в первую очередь, в Великобритании, США, Германии. Несмотря на то, что сейчас БС в Европе и Америке стали неотъемлемой частью многих монастырских комплексов, прихрамовых территорий, религиозных учебных заведений, важно отметить, что появление собственно БС связано отнюдь не с религиозными организациями. Согласно результатам исследования Strückerath, БС поначалу возникали в ботанических садах, носящих светский научный характер, как тематические научно-популярные экспозиции, привлекающие множество посетителей и позволяющие познакомить любителей растений с различными аспектами этноботаники: историей одомашнивания сельскохозяйственных культур, символикой растений, их ролью в древнем искусстве. Этому процессу способствовало появление в середине XIX века ряда научно-популярных книг, посвященных библейской флоре (например, Balfour, 1857; Callcott, 1842; Smith, 1878). Кроме того, широко известные журналы по садоводству, такие как «Gardeners Chronicle & Agricultural Gazette», «Gardeners Magazine of Botany» и «The Gardener's Chronicle», опубликовали серии тематических статей, посвященных растениям Библии (Berkeley, 1849, 1856; Berkeley & Murchison, 1864; Smith, 1864a, b и др.) Все это не могло не отразиться на интересах садоводов-любителей, которых в середине XIX века все больше начинает увлекать коллекционирование и выращивание библейских растений. И лишь позже, в середине XX века, идея создания БС была подхвачена религиозными общинами различных протестантских деноминаций. Тем не менее, К. Штрюкрат в своей монографии прослеживает определенную связь современных БС с монастырскими садами Средневековья и Ренессанса, которые хотя и нельзя назвать «библейскими» в точном значении этого термина, нередко включали некоторые элементы библейской флоры. Среди таких предшественников БС можно назвать: *viridarium*, сохранившийся в монастырском плане монастыря St. Galler (820 г.), *herbularius* или сад трав монастыря на острове Райхенау,

описанный Валафридом Страбоном в «De cultura hortorum» (ок. 842–849, цит. по Strabo, 2002), а также «Schul-Paradeißgärtlin» из работы Йозефа Фюрттенбаха (Furttenbach, 1663). В отличие от современных БС они не несли просветительской или миссионерской нагрузки, а скорее являлись видимым образом определенных богословских идей, погружая посетителя сада в многосложный мир религиозной символики.

Помимо очень подробного экскурса в историю БС, К. Штрюкрат описывает целый ряд (более 25) современных БС Германии и анализирует принципы их устройства. Для этих описаний исследователь предлагает оригинальную методику, которая обеспечивает полноценные и сравнимые описания, содержащие наиболее важную информацию. Предложенные описания включают среди прочих следующие обязательные пункты: площадь сада, список библейских растений в саду, иные архитектурные и смысловые доминанты, фамилии авторов проекта и т.д. Большое внимание в описаниях уделено пространственной структуре сада, а также назначению и формам использования данного сада. Благодаря такой методике возможно, по мнению автора монографии, сделать полный каталог или базу данных БС всего мира.

Попытку каталогизировать и обобщить сведения по БС мира предпринимались также польской исследовательницей З. Влодарчик (Z. Włodarczyk), которая с целью сбора необходимой информации в 1999-2001 гг. подготовила и разослала по БС мира единую анкету. Результаты данного анкетирования 13-ти наиболее значительных БС (4 – Западная Европа, 7 – США, 2 – Израиль) представлены и проанализированы в работе З. Влодарчик «Biblical Gardens in dissemination of ideas of the Holy Scripture» (Włodarczyk, 2004).

Оба автора, З. Влодарчик (Włodarczyk, 2004) и К. Штрюкрат (Strückerath, 2012), как совершенно особый тип БС выделяют основанный в 1965 году знаменитый парк и исследовательский центр «Neot Kedumim» в Израиле. Главная идея этого парка – воссоздание и сохранение природных ландшафтов Палестины, а также реконструкция быта, сельскохозяйственной и животноводческой деятельности древних израильтян с целью показать глубокую и неразрывную связь библейского повествования с природой. Весьма подробно структура парка и его формирование описаны в работах создателя и директора «Neot Kedumim» Н. Хареувени (Hareuveni, 1980, 1984, 1991, см. раздел 1.1). Главные отличия этого парка от подавляющего большинства БС – подлинный природный климат, почвы и ландшафты Святой Земли. «Neot Kedumim» – не просто коллекция библейских растений, а своего рода живые иллюстрации тех природных и культурных пейзажей, на фоне которых разворачивались события Священной истории. Все элементы парка «Neot Kedumim» формировались на основе текстов Писания, с одной стороны, и археологических данных, с другой. Так, на территории этого БС реконструированы террасы, на которых в древнем

Израиле выращивали различные сельскохозяйственные культуры, представлены воссозданные каменные жернова для помола муки, производства оливкового масла и пр. Названия отдельных тематических экспозиций «Neot Kedumim» говорят сами за себя: «Долина Песни Песней», «Дубы Авраама и Сарры», «Холм Иеремии». Парк пользуется большим интересом, как ученых, так и простых посетителей, интересующихся Священным Писанием и историей древней Палестины.

Другие сады, рассмотренные в работе З. Влодарчик (Włodarczyk, 2004), расположены в более северных широтах, а потому далеко не все представители библейской флоры способны чувствовать себя там столь же комфортно, как в Палестине. Из 13 описанных БС лишь в 6 вся коллекция библейских растений круглый год находится под открытым небом, в остальных семи часть растений зимует в оранжерее. Однако заметим, что постоянных экспозиций в закрытом грунте нет ни в одном из этих БС. Оригинальный выход из положения нашли организаторы БС в г. Элгин (Шотландия, Великобритания), где около 50% всей коллекции библейских растений представлены в виде гербарного материала. Влодарчик обращает внимание также на принципы формирования экспозиций каждого из рассматриваемых БС. Согласно результатам опроса, в трех из 13 БС экспозиции сформированы без какого-либо единого принципа, в шести – основой служит практическое значение растений для человека, шесть БС сформированы на основе сюжетов из Священного Писания. Только лишь в «Neot Kedumim» в процессе формирования тематических композиций на основе библейских повествований создатели учитывали и климатические условия, необходимые для выращивания того или иного растения. Таким образом, прибрежные, сухолюбивые, высокогорные и т.д. растения образуют в «Neot Kedumim» своего рода искусственные природные зоны или биотопы. Количество тематических экспозиций максимальное в «Neot Kedumim» – 14, наиболее распространенные темы: «Притчи», «Путь Моисея», «Виноградник Исайи», «Пруд Соломона», «Сад Песни Песней». Для некоторых БС характерны различные тематические декоративные элементы: малые архитектурные формы, скульптуры, цветники, оформленные на основе различных религиозных символов (Крест, звезда Давида). Ни один из опрошенных садов не использовал таксономический принцип формирования экспозиций, что в данном случае представляется нам вполне объяснимым.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что на протяжении полутора веков БС в Европе и Америке играют важную научно-просветительскую и миссионерскую роль, повышая интерес посетителей к Священному Писанию. Работа как по истории возникновения и развития зарубежных БС так и по обобщению опыта формирования такого рода живых экспозиций еще далека от завершения. Упомянутые нами отдельные исследования по данной тематике, хотя и являются лишь первым шагом в данном

направлении, все же содержат весьма ценную информацию, которую необходимо учитывать при разработке проекта отечественного БС.

3.3. Библейские сады в России и ближнем Зарубежье.

Подобный зарубежный опыт в последнее время вызывает все больший интерес как у отечественных миссионеров-катехизаторов, так и у популяризаторов науки, однако устройство библейского сада в средней полосе России сопряжено с целым рядом серьезных трудностей. Главная из таких трудностей заключается в том, что суровый климат средней полосы России резко отличается от существенно более теплых природных условий Ближнего Востока. Этот факт делает практически неосуществимой идею создания «библейского сада» в открытом грунте нашей страны (исключая, быть может, причерноморские территории). Очевидно, что ключевым вопросом создания библейского сада становится подбор тех растений, упоминаемых в Священном Писании, которые способны расти в открытом грунте средней России.

Несмотря на то, что в России интерес к библейским садам возник лишь в последние два десятилетия, так как ранее создание такого сада было невозможно по идеологическим причинам, история библейских садов в России уходит своими корнями гораздо глубже. При создании современных библейских садов, на наш взгляд, было бы упущением не учесть дореволюционный отечественный опыт в данной области, когда чаще всего при крупных и развитых монастырях создавались садовые композиции, тематически связанные с библейскими повествованиями и образами.

Пожалуй, единственным целенаправленным научным исследованием монастырских садов дореволюционной эпохи является диссертационная работа А.А. Медведевой «Русские монастырские сады: вопросы ландшафтной организации» (2002). Автор соглашается с мнением ученых XIX века, что в России первые сады появились именно в монастырях (Дубенский, 1887; Тонин, 1889; Регель, 1896). Однако изучение русского садово-паркового искусства шло, по мнению А.А. Медведевой (там же, с. 3), в основном, по «светской линии» с акцентом на дворцово-парковые комплексы и усадебные парки. «Тем не менее, – пишет А.А. Медведева, – искусство садоводства в монастырях не было утрачено, оно лишь «померкло» на фоне роскошных царских резиденций. И XIX век дает много тому подтверждений».

К сожалению, изучение садово-паркового искусства сопряжено с целым рядом проблем, основная из которых – недолговечность самих садов в сравнении, например, с архитектурными ансамблями. Большинство монастырских садов XIX века в советский период либо были полностью уничтожены, либо сохранились крайне фрагментарно,

достигнув своего предельного возраста. Путеводители и летописи монастырей в XIX веке не описывали подробности монастырского озеленения, скупое отмечая наличие сада в том или ином монастыре. Некоторый свет на проблему смогли пролить немногочисленные литографии, зарисовки и фотоснимки монастырей. Вскрыть же более глубокий пласт истории монастырских садов в России, к сожалению, не представляется возможным.

Конечно, русские монастырские сады XIX века нельзя считать в полном смысле слова «библейскими», т.е. созданными на основе растений из Священного Писания. Однако эти сады имели отнюдь не только практическое значение (плодовые растения, медоносы), а несли весьма важную символическую нагрузку. Сады стали неотъемлемой частью монастырских комплексов, благодаря представлениям и о монастыре, и о саде как образах рая на земле. Сады рассматривались как уголки преображенного мира, его красоты, в создании которой участвует человек.

Тем не менее, некоторые элементы русских монастырских садов имеют очевидную связь с библейскими повествованиями. Так на территории целого ряда монастырей европейской России (например, Валаамский, Соловецкий и др.) А.А. Медведева отмечает вековые экземпляры сосны сибирской (*Pinus sibirica*) или, как ее чаще называют в народе, сибирского кедра. На протяжении XX века особое внимание исследователей привлекала кедровая роща Толгского монастыря (Игнатенко, 1988). Можно предположить, что монахи-садоводы былых времен стремились вырастить в монастырском саду хотя бы одно такое дерево, неоднократно упоминаемое в Священном Писании, не зная, быть может, что настоящие ливанские кедры относятся к совершенно иному биологическому роду, нежели наша сибирская кедровая сосна. Следует упомянуть примеры создания при монастырях композиций, являющихся образами Святой Земли, имитирующими многие библейские географические точки: Иордан, Гефсиманский сад, Елеонскую гору. Достаточно отметить знаменитый комплекс Ново-Иерусалимского монастыря, заложенный в XVII веке патриархом Никоном как точное подобие мест земной жизни Спасителя.

В целом же, историю создания библейских садов в России можно признать крайне слабо изученной, требующей отдельного глубокого исследования. Результаты такого рода исследования могли бы служить серьезной основой для подготовки современных библейских садов.

Если в Европе и США количество библейских садов в настоящее время исчисляется сотнями, то в России авторам настоящей работы известно лишь несколько подобных примеров. Важно отметить, что целый ряд европейских и американских библейских садов создан в крупных научных центрах, не носящих религиозного характера. Помимо них композиции из растений Библии активно формируются при европейских и американских

богословских учебных заведениях, монастырях, храмах. Известные нам весьма немногочисленные примеры отечественных библейских садов не носят столь ярко выраженного миссионерско-катехизаторского или научно-просветительского характера. Зачастую они являются частными инициативами садоводов-любителей или приходских общин и, как правило, создаются без привлечения специалистов по библеистике, истории, этноботанике. Информации о том, как формировались эти сады и какими принципами руководствовались авторы при подборе растений, в специализированной литературе и в сети Интернет, к сожалению, явно недостаточно. Тому, кто захочет создать свой библейский сад, придется начинать буквально с нуля, совершая порой те ошибки, которые можно было бы избежать, благодаря опыту предшественников.

К примеру, единственный известный нам в столице библейский сад также является частным проектом садовода-любителя, искусствоведа по профессии В.С. Борисова. Этот сад начал свое существование в 2003 году во дворе обычного жилого дома (улица Сельскохозяйственная, дом 11, корпус 2), как результат инициативы активного горожанина, неравнодушного к экологии города и облику своего района. Со временем этот сад расширялся, в нем появлялись новые элементы, пополнялся ассортимент растений. Труд В.С. Борисова был по достоинству оценен на многих московских и всероссийских конкурсах по садоводству и ландшафтному дизайну. В настоящее время сад носит название Сад-музей «Эдем воскрешения», он посвящен памяти российского мыслителя XIX века Н.Ф. Федорова. Сам автор относит этот сад к разряду философских, разрабатывая целую концепцию особого типа садовой экспозиции «Федоровский сад», как «ландшафтной визуализации идей Философии Общего Дела» Н.Ф. Федорова (см. статью В.С. Борисова «Федоровские сады как Эдем воскрешения: ландшафтная визуализация идей Философии Общего Дела» на сайте www.nffedorov.ru). Несмотря на целый ряд «библейских» элементов в этом саду, как его основная идея, так и составляющие его элементы, лишь косвенно связаны с естественной историей Святой Земли. Для иллюстрации этого утверждения достаточно перечислить наименования ряда ключевых композиций сада: «Клумба Памир», «Клумба Константинополь», «Клумба Бесконечность», «Пуп Земли – Федоровский камень», «Эдем-Кавказ». Очевидно, что «Федоровский сад» В.С. Борисова не столько реконструирует библейские ландшафты и демонстрирует растения Библии, сколько путем садовой символики пытается раскрыть некоторые религиозно-философские, в том числе и христианские, идеи. Несомненно, этот сад заслуживает внимания специалистов и является совершенно особым явлением, однако, на наш взгляд, не может рассматриваться как «библейский сад» в прямом смысле этого понятия.

В начале лета 2014 года в церковных и светских СМИ появилась новость о разработке проекта библейского сада в московском районе Лефортово возле храма Живоначальной Троицы у Салтыкова моста (см. например, Интернет-ресурс www.metronews.ru, новость от 16 июня 2014 года). Согласно сообщениям в прессе, этот проект выглядит весьма внушительно: площадь сада будет составлять порядка 1 га, автор проекта – знаменитый архитектор, вице-президент Союза архитекторов РФ И.Н. Воскресенский. Эта новость вселяет надежды на то, что в Москве появится полноценный библейский сад, однако для обсуждения проекта необходима более полная информация. Так, скажем, автор проекта говорит, что составленный им перечень библейских растений состоит «более чем из ста пунктов, из них 60 – растения нашей средней полосы». Любой специалист-ботаник сразу усмотрит в данном утверждении нечто сомнительное, так как флора Палестины и флора средней полосы России практически совершенно не совпадают. Некоторое недоумение вызывает и план создания «бронзовых копий» незимостойких библейских растений. Полагаем, что более широкое обсуждение проекта специалистами могло бы снять многие существующие вопросы.

Следует, на наш взгляд, упомянуть в настоящем разделе и два БС на территории Украины, о создании которых было заявлено в последние годы: при Черновицком национальном университете им. Юрия Федьковича (г. Черновцы) и Прикарпатском национальном университете им. Василия Стефаника (г. Ивано-Франковск). Единственными доступными сведениями о данных проектах остаются краткие объявления в Интернет-СМИ:

http://www.vahsad.ua/plants/interesting_plants/show/8314,

<http://www.word4you.ru/interesting/10465>.

Согласно этим сведениям, в БС Черновицкого университета должно быть высажено около 70 видов библейских растений, а в БС Прикарпатского университета – более 50. Для дальнейшего обсуждения этих проектов также необходима более полная информация.

Следует признать, что не только в России, но и на всей канонической территории Русской Православной Церкви созданию библейских садов уделяется значительно меньше внимания, чем за рубежом. Те немногочисленные примеры БС в России и ближнем Зарубежье, которые нам известны, либо являются частными инициативами, либо находятся на стадии разработки. Таким образом, работа по развитию БС на территории России представляется нам крайне актуальной и своевременной.

3.4. Постановка вопроса: как поставить создание библейских садов на научную основу?

Актуальность создания библейских садов в России делает необходимой разработку тех методологических принципов, которые будут положены в основу этой работы. Примеры

наиболее известных и успешно функционирующих БС (например, «Neot Kedumim», Израиль) свидетельствуют о том, что ключевыми принципами должны быть: следование Священному Писанию, использование современных данных научных дисциплин самого широкого спектра (библистики, археологии, этноботаники), соответствие целям БС (миссионерская, научно-просветительская, рекреационная), учет климатических условий данной местности, эстетика. Одним из важнейших этапов работы над проектированием БС становится подбор ассортимента растений, которые будут составлять экспозиции сада.

Начиная подбор ассортимента растений для БС с создания общего списка растений, встречающихся во всем корпусе книг Библии, исследователь неизбежно сталкивается с рядом проблем, которые можно назвать методологическими. Наиболее серьезная, на наш взгляд, проблема связана с выбором самого текста, который берется за основу анализа. Дело в том, что современному русскоязычному читателю тексты Библии знакомы, в основном, в так называемом Синодальном переводе, созданном в середине XIX века по благословению Святейшего Синода. Этот перевод и в настоящее время остается общепризнанным в русскоязычной среде. Таким образом, наиболее простым способом формирования списка «библейских» растений могло бы быть простое выписывание названий растений из текста Синодального перевода Библии. Очевидно, что список растений, составленный на основе общепринятого в России русского текста, оказался бы лишь списком переводов древнееврейских и древнегреческих наименований растений на русский язык, причем на язык середины XIX века. Известные нам немногочисленные попытки создания библейских садов в России базируются именно на списках названий растений из Синодального перевода Библии. Таков, описанный в предыдущем разделе, частный библейский сад в Москве В.С. Борисова. И, по-видимому, именно Синодальный перевод станет основой для подбора растений БС в Лефортово (Москва), судя по числу видов библейских растений, которые, по словам автора проекта, способны расти в средней полосе России. Насколько методологически корректен подобный подход? Насколько он оправдан с точки зрения миссионерской и научно-просветительской? Учитываются ли в данном случае результаты многочисленных исследований растений Священного Писания, которые проводились на протяжении полутора столетий, прошедших со времени появления Синодального Перевода? На все эти вопросы необходимо найти аргументированные ответы, прежде чем начинать работу над проектом БС. Можно однозначно заключить, что разработка методологических основ создания отечественного БС давно назрела. Очевидно, что как и при переводе библейской фитониимики, **важнейшим подготовительным этапом проектирования библейского сада является идентификация растений Библии.**

ГЛАВА 4. ПРИМЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ НАУЧНЫХ МЕТОДОВ ДЛЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ РАСТЕНИЙ БИБЛИИ

4.1. Обзор основных научных методов идентификации растений

Библии.

Как было показано в предыдущих главах, при работе с наименованиями растений Священного Писания, как с целью создания нового русского перевода, так и при разработке проекта библейского сада, важнейшим этапом становится идентификация этих растений. И действительно, без максимально достоверного определения той ботанической реалии, которая скрывается за древним фитонимом, невозможно полноценно работать ни переводчику Библии, ни специалисту, создающему библейский сад. Для каждого древнееврейского (или древнегреческого в случае неканонических книг Ветхого Завета) фитонима необходимо провести максимально полный и разносторонний анализ таксономической принадлежности. Т.е. попытаться аргументировано и, насколько это возможно, методологически корректно определить, к какому биологическому таксону (систематической группе) относится то или иное библейское растение. Для того чтобы решать поставленную задачу, необходимо рассмотреть весь спектр методов, используемых для определения значения древних библейских фитонимов.

Изучение научной литературы, посвященной растениям Священного Писания, показало (см. глава 1), что подавляющее большинство исследователей уделяет недостаточно внимания описанию тех методов, с помощью которых проводилась работа по идентификации библейских растений. Чаще всего авторы рассмотренных публикаций, в особенности – имеющих популярный характер, не излагают последовательность шагов и логику своего исследования по определению ботанической принадлежности библейского фитонима, а высказывают некоторый финальный результат или принимаемое ими мнение другого специалиста. Нередко можно видеть, что в специальной литературе, а также соответствующих словарных статьях, каждому древнееврейскому фитониму соответствует единственное современное ботаническое наименование. Причем, это соответствие указывается без всяких аргументов.

В связи с этим считаем необходимым перечислить и критически рассмотреть **основные методы ботанической идентификации библейских фитонимов.**

Оценка контекста, параллельных мест, смысла цитат.

Безусловно, одним из наиболее важных методов определения значения древних фитонимов является анализ контекста цитат, в которых встречается данное наименование. Наверное, нет такого исследователя библейской флоры, который бы полностью игнорировал

данный метод. Большинство текстов Священного Писания, в которых упоминаются растения, содержат определенную информацию о внешнем облике, местообитании, использовании человеком этих растений, хотя нередко эта информация крайне фрагментарна и, на первый взгляд, совсем не очевидна. Большое значение для применения этого метода играет число вхождений фитонима во всем корпусе библейских текстах. Чем чаще встречается тот или иной фитоним, чем многообразнее контексты, тем больше информации может почерпнуть исследователь о том растении, которое имелось в виду древними авторами. Именно поэтому идентификация фитонимов, встречающихся лишь единственный раз во всем корпусе книг Библии, весьма затруднена. Чаще всего именно такие ботанические наименования представляют наибольшую сложность для исследователей и переводчиков Библии.

Анализ еврейской традиции, таргумов, комментариев.

Важнейшим источником информации для определения ботанической принадлежности древнееврейских фитонимов может служить пост-библейская еврейская религиозная литература, в которой нередко делаются попытки разъяснить, растолковать трудные места Священного Писания. К такого рода источникам можно отнести: таргумы, мидраши, мишну, талмуд, средневековые комментарии на книги Ветхого Завета (Маймонид, Раши, Рамбам). Порой в них достаточно подробно разбирается то или иное древнее наименование растения, обсуждаются разные мнения относительно его ботанической принадлежности. Разумеется, далеко не всегда эти мнения отражают подлинное древнее значение. Дело в том, что уже на рубеже эр древнееврейский язык Библии полностью перестал быть живым разговорным языком в еврейских общинах не только в диаспоре, но и в Палестине, а потому представление о точном значении ряда библейских фитонимов со временем было утрачено. Тем не менее, для целей нашей работы данная литература имеет исключительное значение, так как она доносит до нас живую традицию прочтения и понимания библейских текстов. Важно отметить, что еврейские религиозные общины стремились к максимальному сохранению этих традиций, что позволяет нам рассматривать пост-библейскую литературу как важнейший источник информации для определения ботанической принадлежности библейских фитонимов.

Анализ древних переводов – LXX, Vulgata.

Как было сказано выше, еврейская пост-библейская литература, в частности арамейские таргумы, хотя и написаны на существенно отличающемся от библейского иврита арамейском языке, по сути ориентированы на аудиторию читателей и слушателей, принадлежащих к той же самой ближневосточной культуре, в которой формировались сами

оригинальные библейские тексты. Однако при создании древнегреческого (Септуагинта – LXX) и латинского (Вульгата) переводов Библии их авторам необходимо было не просто перевести древнееврейскую ботаническую лексику на другой язык, но и сделать ее понятной для читателя, принадлежащего совершенно иному этносу, иной культуре, иной цивилизации. Как греческая, так и латинская ботаническая лексика формировались в совершенно иных условиях: географических, экологических, сельскохозяйственных, культурных, а потому в них могли отсутствовать наименования растений, точно и адекватно отражающие содержание всех древнееврейских фитонимов Библии. Кроме того, ближневосточные ботанические реалии, скрывающиеся за древнееврейскими фитонимами, могли быть попросту не известны авторам греческого и латинского переводов. Именно поэтому ценность Септуагинты и Вульгаты для определения ботанической принадлежности растений Библии, представляется нам не столь высокой в сравнении с еврейской литературой. Однако важность этих переводов для целей нашей работы обусловлена близостью времени создания Септуагинты и Вульгаты ко времени формирования самих библейских текстов. Помимо этого, именно в греческом и латинском мире той эпохи произошло зарождение и становление ботаники, как научной дисциплины. Благодаря последнему факту, пользуясь древнегреческой и латинской естественнонаучной литературой, мы можем в целом ряде случаев с большой степенью достоверности понять, как именно понимали тот или иной древнееврейский фитоним переводчики.

Наибольшую ценность для целей идентификации библейских фитонимов могут представлять труды крупнейших естествоиспытатели Древней Греции и Древнего Рима – Теофраст (ок. 370-285 до н.э.), Плиний Старший (ок. 22-79 н.э.) и Диоскорид (ок. 40-90 н.э.). Жившие в эпоху, близкую к формированию библейских текстов, эти авторы в своих трудах сохранили многочисленные сведения о культивировании и практическом применении тех или иных растений представителями различных этносов, населявших территорию Древнего Средиземноморья. Благодаря этому, практически ни одна серьезная современная работа по растениям Библии не обходится без ссылки на этих древних авторов.

Следует особо отметить работы древнегреческого философа и естествоиспытателя Теофраста, которого по праву принято называть «отцом ботаники», так как он впервые применил именно научный подход к изучению растений. Теофраст, помимо огромного фактического материала по практическому применению растений, поднимает целый комплекс теоретических вопросов: о строении органов растений, об их основных функциях, о размножении и болезнях растений и др. На многие столетия работы Теофраста для ботаников оставались своего рода непокоренной вершиной. Даже такие выдающиеся древнеримские ученые, как Плиний Старший (ок. 22-79 н.э.) и Диоскорид (ок. 40-90 н.э.), не

смогли выйти на столь высокий уровень обобщения материала, а в особенности – на уровень самой постановки теоретических вопросов.

Работы Теофраста ценны для исследователя библейской флоры, в первую очередь, тем, что они были написаны на греческом языке примерно в ту же эпоху, когда формировались поздние книги ветхозаветного корпуса, а также создавался греческий перевод Ветхого Завета (Септуагинта). Благодаря этому мы имеем потенциальную возможность для более точной ботанической идентификации некоторых наименований растений Септуагинты, а соответственно – и ключ к тому, как могли понимать древнееврейские тексты переводчики III-II вв. до н.э. Кроме того, исследователю становится яснее в целом тот уровень знаний о растениях, которым обладали люди, населявшие Средиземноморье в эпоху формирования Септуагинты. Например, в «Исследовании о растениях» Теофраст (Феофраст, 2005, с. 67, 115), давая характеристику деревьям с названием κέδρος, очевидно, описывает не настоящие кедры (род *Cedrus* в современном понимании), а несколько видов можжевельников (в современном понимании род *Juniperus*). Этот факт может служить дополнительным свидетельством в пользу более широкой трактовки еврейского наименования יָעֶזֶז, которое в Септуагинте переводится как κέδρος а в русском Синодальном переводе – *кедр*. Широкое понимание объема древнееврейского наименования יָעֶזֶז, включающего помимо собственно кедра несколько видов можжевельников, подтверждается контекстом и исследованиями современных ученых (Meiggs, 1982, p. 410; Musselman, 2011, p. 37).

В качестве примера высокой ценности работ Теофраста для понимания библейских текстов могут служить разделы из «Исследования о растениях» (Феофраст, 2005, с. 79-82), посвященные соснам. Теофраст со свойственной ему скрупулезностью пытается разобраться в той путанице, которая возникла в греческих наименованиях различных видов средиземноморских сосен. Предвосхищая появление единой ботанической номенклатуры, Теофраст пытается сравнить и соотнести друг с другом взгляды различных грекоязычных этносов на многообразие сосен. В частности, он устанавливает характерные признаки деревьев, называемых πίτυς, отличающих их от деревьев πεύκη. Эти сведения могут пролить свет на представления переводчиков Ветхого Завета, которые использовали оба наименования (πίτυς – Зах. 11:2; πεύκη – Ис. 60:13, 2 Пар. 2:8 (по МТ 2:7), 9:10-11). Благодаря Теофрасту, можно с большой степенью достоверности утверждать, что πίτυς и πεύκη – это именно сосны (современный род *Pinus*), и именно так понимали соответствующие им еврейские наименования переводчики Септуагинты.

* * *

Как было показано в разделах 2.3 и 2.4 многие переводы Библии на европейские языки, осуществляемые с эпохи Возрождения по настоящее время, в отношении перевода ботанической лексики нередко следуют Септуагинте и Вульгате. В тех же случаях, где эта связь не очевидна и перевод фитонима вполне оригинален, как правило, основанием для перевода служат либо наиболее авторитетные словари своего времени, либо самые последние результаты исследований библейской флоры, либо и вовсе некие стилистические предпочтения переводчиков. В любом случае рассматривать библейские переводы Нового времени на европейские языки в качестве самостоятельного источника информации о ботанической принадлежности древних фитонимов, на наш взгляд, методологически некорректно.

Анализ лингвистических данных (в т.ч. данных этимологии).

Безусловно, в работе по определению ботанической принадлежности древнееврейских фитонимов одну из ключевых ролей сыграли исследования лингвистов, специализирующихся на семитских языках. Такого рода исследования нацелены, в первую очередь, на прояснение этимологии древнего фитонима, реконструкции тех лингвистических процессов и преобразований, благодаря которым возникло это наименование. В некоторых случаях само значение древнего семитского корня, лежащего в основе библейского наименования, может дать исследователю некие диагностические признаки этого растения. Дошедшие до нас многочисленные древние надписи и тексты на других семитских языках (аккадском, арамейском) являются важнейшим источником информации для реконструкции значения библейской ботанической лексики. Наличие параллелей древнееврейских фитонимов в других древних языках семитской группы, а также большое количество торговых и сельскохозяйственных текстов на этих языках, позволили исследователям выдвинуть ряд весьма убедительных гипотез относительно растений Библии. Особенно актуален этот источник информации в случае с той ботанической лексикой, изначальное значение которой, по-видимому, не сохранилось в переводах Священного Писания и экзегетической литературе. Как показал обзор литературы по данной тематике (см. глава 1), возможности «лингвистического» метода в определении значения ботанических фитонимов далеко не исчерпаны.

Археология в широком смысле.

Невозможно представить себе работу над определением значений библейских фитонимов без учета результатов исследования материальной культуры Древнего Ближнего Востока. Сюда можно отнести как непосредственно артефакты растительного происхождения

(изделия из древесины, пищевые остатки, зерно, ткани и т.д.), так и сельскохозяйственные орудия труда, посуду, специально организованные участки для земледелия (террасы) и многое другое. Кроме того, определенную роль могут сыграть произведения изобразительного искусства: барельефы, ювелирные украшения, элементы архитектурного убранства.

Данные ботанических дисциплин.

Целый комплекс методов исследований библейской флоры может быть позаимствован из ботанической науки. Важнейшую роль в данном вопросе может сыграть изучение современной флоры Ближнего Востока. И хотя, очевидно, что современная флора Ближнего Востока, благодаря множеству занесенных за последние столетия видов растений, значительно отличается от флоры времен формирования библейских текстов, непредвзятое и профессиональное изучение ее современного состояния может дать много ответов на вопросы, поставленные в нашей работе. Говоря о современной ближневосточной флоре, невозможно упустить из вида вопрос об истории одомашнивания и культивирования растений в данном регионе. Для целого ряда культурных растений окончательно не установлены географические центры их одомашнивания и основные пути продвижения этих культур в другие регионы. Спорным остается вопрос и о времени появления тех или иных инвазивных сорных видов на территории Палестины. Помимо собственно флористического метода, существенную роль в установлении ботанической принадлежности библейских фитонимов может сыграть спорово-пыльцевой анализ, а также молекулярно-генетические методы. С помощью анализа спор и пыльцы из различных геологических слоев можно с определенной степенью достоверности проследить появление или исчезновение в данное время во флоре региона основных ландшафтообразующих групп растений. Так, с помощью этого метода была изучена динамика злаковых сообществ в пустыне Негев, отражающая динамику изменения влажности в регионе. Кроме того, зафиксированные с помощью пыльцевого анализа периоды появления в растительности этого региона представителей рода Подорожник (*Plantago*) указывают на периоды интенсивного выпаса скота (Бабенко и др., 2007; Бабенко, 2012).

Сложно представить себе современные исследования в области ботаники без молекулярно-генетических методов, которые позволяют проследить родственные взаимосвязи различных популяций, сортов и видов растений, а следовательно, установить историю миграции и одомашнивания различных видов (см. раздел 4.3.5).

* * *

Весь рассмотренный нами спектр методов, которые могут быть использованы при определении ботанической принадлежности библейских фитонимов, не может быть применен к абсолютно любому растению Библии. Кроме того, каждый из этих методов может давать в результате весьма разные версии относительно одного и того же растения, едва ли сводимые к какому-либо «общему знаменателю». Каковы границы применения каждого из методов? В каком случае какому из них следует отдавать предпочтение? Как совместить на первый взгляд несовместимые гипотезы? Все эти вопросы являются важнейшими методологическими проблемами, которые необходимо решить, прежде чем принимать окончательное решение о выборе ботанического соответствия древнему наименованию, а следовательно, и о выборе перевода.

В дальнейших разделах будет продемонстрировано, как работают эти методы на примерах конкретных библейских фитонимов ʔēzôḅ (в СП – *иссоп*) и boṭnîm (в СП – *фисташка*). А в завершении главы мы попытаемся вновь вернуться к обозначенным выше методологическим проблемам.

4.2. Примеры применения различных научных методов для идентификации растений Библии. Пример 1. Ботаническая идентификация древнееврейского фитонима ʔēzôḅ "иссоп".

В качестве иллюстрации применения различных методов ботанической идентификации древних фитонимов нами выбрано древнееврейское слово ʔēzôḅ , передаваемое в Синодальном переводе Библии как *иссоп*. ʔēzôḅ упоминается в целом ряде книг еврейской Библии, что позволяет рассматривать сразу комплекс контекстов. Кроме того, к настоящему времени накопился значительный объем данных об ʔēzôḅ , полученных с применением других методов, что делает возможным соотнесение результата анализа контекстов с результатами применения иных научных подходов.

4.2.1. История вопроса. Иссоп «библейский» и иссоп «ботанический».

Описание и официальное обнародование в 1753 году Карлом Линнеем в знаменитой работе *Species Plantarum* (Linnaeus, 1753, vol. 2, p. 569) ботанического наименования *Hyssopus* с типовым видом *Hyssopus officinalis* – иссоп лекарственный – фактически зафиксировало и узаконило расхожее представление ученых XVIII века о библейском ʔēzôḅ , как о *Hyssopus officinalis*. Этой же точки зрения относительно библейского ʔēzôḅ

придерживались и многие исследователей Библии XIX и первой половины XX века (например, Barneveld, 1935; Callcott, 1842, p. 206).

Hyssopus officinalis – невысокий ветвистый полукустарник из семейства Губоцветные (Lamiaceae), распространенный в Центральной, Восточной и Южной Европе, Северной Африке, Западной Азии и издревле используемый в лекарственных и кулинарных целях.

Заметим, что до выхода книги Линнея *Species Plantarum* вопрос о библейском иссопе оставался открытым. Скажем, один из первых исследователей библейской флоры Олаф Цельсий (Celsius, 1745-47) в своей монографии *Hierobotanicon, sive, De plantis sacrae Scripturae dissertationes breves* посвятил 42 страницы вопросу об иссопе. В качестве возможных кандидатов «на роль» иссопа Цельсий рассмотрел 18 видов растений, так и не придя какому-либо окончательному выводу.

К середине XX века представление, восходящее к «отцу ботаники» стало терять свои позиции среди исследователей библейской флоры. Сомнение ученых, в первую очередь, вызывало отсутствие природных популяций *Hyssopus officinalis* в современной Палестине.

4.2.2. Современные представления об רֵזְדֵבֶּ. Аргументы в пользу гипотезы רֵזְדֵבֶּ – душица сирийская.

Большинство современных исследователей растений Библии идентифицируют רֵזְדֵבֶּ, как душицу сирийскую (*Origanum syriacum*) (Andrews, 1961; Duke et al., 2007, p. 311; Musselman, 2007, p. 161, 2011, p. 173; Nigel Hepper, 1992, p. 140; Tucker & DeBaggio, 2000, p. 299; Zohary, 1982, p. 96), невысокое многолетнее травянистое растение из семейства Губоцветных (*Lamiaceae*), широко распространенное в современной Палестине. В качестве аргументов для подобной точки зрения используется целый комплекс независимых данных, рассмотренных ниже. Следует отметить, что каждый из рассмотренных нами ниже аргументов, взятый сам по себе, представляется нам достаточно шатким. Тем не менее, в комплексе эти разноплановые данные убеждают в том, что именно гипотеза רֵזְדֵבֶּ = *Origanum syriacum* на данный момент является максимально разработанной и обоснованной.

Историческая традиция: Мишна и средневековые еврейские ученые.

Один из аргументов в пользу того, что библейский иссоп – это *Origanum syriacum*, базируется на исторической традиции, отчасти сохранившей древнее представление об רֵזְדֵבֶּ.

Большое значение здесь играет упоминание רֵזְדֵבֶּ в Мишне в качестве пищевого ингредиента, широко используемого жителями Палестины (Mishnah Uktzin 2:2). В Палестине, как ясно из Мишны, произрастало несколько видов растений, носивших название

רֵזְדֵבֵב ו использовавшихся в пищу. Однако для ритуальных целей подходило лишь одно из них. Мишна говорит о том, что для священнодействий можно брать лишь тот רֵזְדֵבֵב, который не имеет дополнительных наименований (Mishnah Parah 11:7), т.е. не римский רֵזְדֵבֵב, не греческий רֵזְדֵבֵב, не пустынный רֵזְדֵבֵב.

Средневековые еврейские ученые Саадия Гаон (882-942), Авраам ибн Езра (1089-1164), Моисей Маймонид (1135-1204) и Овадья из Бертиноро (Obadiah ben Abraham - 1465-1515) указывали на соответствие еврейского наименования רֵזְדֵבֵב арабскому za'tar. Можно предположить, что в их времена еврейская культура еще сохраняла память о том, что именно представляет собой библейский רֵזְדֵבֵב. Так, Саадия Гаон в комментарии на Исх. 12:22 говорит о том, что רֵזְדֵבֵב на арабском называется za'tar, а на латыни hyssopus (цит. по Fleisher & Fleisher, 1988, p. 233). А в XII веке Маймонид описал использование רֵזְדֵבֵב в современной ему кулинарии, отметив, что רֵזְדֵבֵב, упомянутый в Торе – это и есть тот самый רֵזְדֵבֵב, который используют повсеместно в пищу (Mishneh Torah, Parah Adummah 3:2).

Соотнесение רֵזְדֵבֵב с арабским za'tar, а также указания Мишны и Маймонида о широком использовании רֵזְדֵבֵב в качестве пищевого ингредиента, делает возможным протянуть цепочку кулинарной традиции со времени формирования Мишны (кон. II - нач. III в.) до наших дней. Дело в том, что арабское za'tar – это обобщенное название группы родственных пряных трав, используемых на Ближнем Востоке для приготовления специи, которая носит это же название. Пряность za'tar является важнейшим компонентом традиционной ближневосточной кухни со времен Средневековья до наших дней. Важно отметить, что в различных регионах для приготовления этой пряности используются различные растения, обладающие схожим вкусом и ароматом. Основным сырьем для изготовления za'tar на территории Палестины в настоящее время является именно *Origanum syriacum*, что и позволило многим современным исследователям говорить о душице сирийской как о библейском иссопе (Zohary, 1982, p. 96).

Современные наименования пряных трав Ближнего Востока.

Вторая группа аргументов базируется на результатах исследования современных наименований ближневосточных пряных трав. Система этих названий удивительным образом оказалась близка представлениям составителей Мишны.

Один из авторов сайта Flora of Israel online А. Данин (A. Danin) осуществил ряд экспедиций по современным деревням Палестины, в ходе которых он исследовал народные арабские названия пряных трав. В результате этого исследования были получены следующие

сведения. Из целой группы растений (более 10 видов, относящихся к родам Душица – *Origanum*, Каламинта – *Calamintha*, Тимьян – *Thymus*, Чабер – *Satureja*), которые в настоящее время используются для приготовления приправы zaʿtar в разных регионах Ближнего Востока, только лишь один вид – душица сирийская (*Origanum syriacum*) – называется словом zaʿtar без каких бы то ни было дополнений. Остальные же имеют либо иные дополнительные наименования, по которым их и принято называть, либо уточняющий эпитет к слову zaʿtar.

Таким образом, А. Данин обнаружил поразительную многовековую сохранность древней системы наименований пряных трав. Через Мишну эта система дошла до нашего времени, сохраняясь с незначительными изменениями в современном арабском языке. В обоих языках – мишнаитском еврейском и современном арабском – имеется общее наименование для группы пряных трав, схожих по своим свойствам – ʿēzôḇ и zaʿtar. И при этом каждый отдельный вид трав, отличается при помощи дополнительного эпитета или наименования, за исключением одного, можно сказать, подлинного ʿēzôḇ / zaʿtar. Этот факт является дополнительным аргументом в пользу представления о библейском ʿēzôḇ, как об *Origanum syriacum*.

Использование самаритянами.

Г.М. Кроуфут и Л. Бальденшпергер в своей книге «From Cedar to Hyssop» (Crowfoot, Baldensperger, 1932, p. 71) приводят еще один аргумент в пользу соотнесения библейского наименования ʿēzôḇ с современным арабским zaʿtar, т.е. *Origanum syriacum*. Авторы описывают свою поездку на празднование Пасхи современной общиной самаритян на горе Гаризим весной 1930 года. Авторы смогли убедиться, что именно пучок zaʿtar (= *Origanum syriacum*) брал священник для того, чтобы помазать кровью жертвенных барашков входы в жилища. Этот же факт подтверждает Л. Дж. Мусселман (Musselman, 2007, p. 162). Как отмечает Р.К. Харрисон (Harrison, 1954, p. 220), этот аргумент не может служить абсолютным доказательством того, что именно *Origanum syriacum* использовали в ритуальных целях в эпоху Иерусалимского храма. Однако общины самаритян, по мнению Harrison, весьма консервативны и сохраняют некоторые традиции уже более двух тысячелетий.

Исследование ароматических свойств.

Дополнительный комплекс аргументов в пользу рассматриваемой гипотезы (ʿēzôḇ = *Origanum syriacum*) был предложен А. Фляйшером и Ж. Фляйшер (А. Fleisher, Z. Fleisher, 1988) в результате исследования ароматических соединений, содержащихся в средиземноморских пряностях.

Мы рассмотрим эти аргументы для полноты картины, но должны признаться, что, несмотря на приведенный в работе А. Фляйшера и Ж. Фляйшер (A. Fleisher, Z. Fleisher, 1988) объемный фактический материал по фитохимии, их аргументация представляется нам небезупречной. Логическая цепочка, которую выстраивают авторы, содержит в себе некоторые звенья, сами по себе не очевидные. Скажем, представление о том, что именно аромат библейского ʔēzôḇ сохраняется в культурах современных средиземноморских пряностей, является лишь предположением авторов, однако оно служит ключевым звеном для дальнейших умозаключений. Это делает аргументы А. Фляйшера и Ж. Фляйшер (A. Fleisher, Z. Fleisher, 1988) относительно ботанической принадлежности библейского ʔēzôḇ малоубедительными (даже если эти аргументы приводят к верному выводу!)

Для идентификации библейского/мишнаитского ʔēzôḇ А. Фляйшер и Ж. Фляйшер (A. Fleisher, Z. Fleisher, 1988) исследуют фитохимические свойства арабской пряности $\text{za}^{\text{ʔ}}\text{tar}$ и европейской (средиземноморской) пряности орегано. Близость ʔēzôḇ с $\text{za}^{\text{ʔ}}\text{tar}$ была рассмотрена нами выше. Орегано – это пряность, широко распространенная в европейских странах Средиземноморья, которая так же, как и $\text{za}^{\text{ʔ}}\text{tar}$, изготавливается в разных регионах из разных растений, схожих по своим вкусовым и ароматическим свойствам. Как указывал еще Л. Калпузос (Calpouzios, 1954, p. 222), орегано – это не конкретный вид растения-ингредиента, а определенный тип вкуса и аромата. Так, в Греции, где производится специя орегано высшего качества, сырьем для нее служит *Origanum vulgare* ssp. *hirtum* (душица обыкновенная мохнатая или греческая). А. Фляйшер и Ж. Фляйшер (A. Fleisher, Z. Fleisher, 1988) приводят результаты исследования состава эфирных масел в греческой пряности орегано, с одной стороны, и в самих растениях душицы греческой, с другой. Выяснилось, что подвид *Origanum vulgare* ssp. *hirtum* в Греции можно разделить на два хемотипа, т.е. две группы популяций, представители которых морфологически идентичны, но отличаются друг от друга содержанием ароматических веществ. Растения одного хемотипа содержат в своих побегах преимущественно тимол, а второго – карвакрол. Удивительно, но все исследованные образцы пряности орегано были изготовлены из карвакрол-содержащих растений. Очевидно, что выбирая растения для изготовления пряности, сборщики ориентируются не на внешний вид растения, а на специфический аромат карвакрола, который и является главным свойством настоящей пряности орегано.

Схожая ситуация наблюдается и с пряностью $\text{za}^{\text{ʔ}}\text{tar}$. Растения, которые в разных регионах Ближнего Востока служат сырьем для приготовления этой пряности, хотя и относятся к разным видам и даже родам, но содержат в своих побегах преимущественно карвакрол. Т.е. аромат карвакрола является определяющим для рецепта пряности $\text{za}^{\text{ʔ}}\text{tar}$, так же

как в случае с орегано. А. Фляйшер и Ж. Фляйшер (A. Fleisher, Z. Fleisher, 1988) провели исследование состава эфирных масел в побегах душицы сирийской (*Origanum syriacum*), которая является основным сырьем для пряности zaʿtar в Палестине. Наряду с этим были изучены и многочисленные образцы самой пряности. Выяснилось, что помимо широко распространенного тимол-содержащего хемотипа *Origanum syriacum*, на территории Палестины представлен и более редкий карвакрол-содержащий хемотип этого вида. Как показало исследование, растения именно этого хемотипа отбираются для изготовления пряности. Таким образом, карвакрол является ключевым компонентом для обеих пряностей (zaʿtar и орегано), традиции приготовления которых распространились в разных частях Средиземноморья.

Авторы предположили, что обе традиции могут быть укоренены в древней культуре использования ʿēzôḅ, а сам ʿēzôḅ в таком случае должен был обладать тем же самым ароматом карвакрола.

А. Фляйшер и Ж. Фляйшер (A. Fleisher, Z. Fleisher, 1988) обратили особое внимание на популяции *Origanum syriacum*, распространенные в окрестностях предполагаемой библейской горы Синай. Именно там, согласно ветхозаветному повествованию, Моисей должен был диктовать законы, в которых упоминался ʿēzôḅ (Лев. 14). Исследование показало, что в этом регионе распространен исключительно карвакрол-содержащий хемотип *Origanum syriacum*. Более того, коренные жители этих мест – бедуины – называют *Origanum syriacum* либо по-арабски zaʿtar, либо на греческий манер ṡigany. Это наблюдение, несомненно, весьма интересно, хотя с точки зрения методологии исследование авторами окрестностей предполагаемой библейской горы Синай на предмет поиска растения ʿēzôḅ представляется не вполне корректным (см. раздел 4.2.6). Во-первых, нынешняя географическая идентификация горы Синай известна лишь с ранневизантийского времени. Во-вторых, представление о том, что все Пятикнижие было написано Моисеем на горе Синай, мягко говоря, не является общепринятым в современной библеистике.

Бактерицидные свойства душицы.

В качестве одного из доводов в пользу того, что ʿēzôḅ – это душица сирийская нередко приводят хорошо известные бактерицидные свойства веществ-фитонцидов, содержащихся в ее листьях (Duke et al, 2007, p. 311; Musselman, 2011, p. 74; Soyly et al., 2007). Именно с этим связывают применение пучков ʿēzôḅ для ритуального окропления зараженных «проказой» (Лев. 14:1-7). Однако, по нашему мнению, этот аргумент выглядит не очень убедительно. Трудно представить, чтобы использование душицы в качестве кропила, демонстрировало бы

какой-то существенный медикаментозный эффект, особенно в случае окропления кровью. Хотя, конечно, лекарственные свойства целого ряда растений, несомненно, были хорошо известны древним жителям Палестины.

4.2.3. Анализ контекста. Предварительные методологические замечания.

Практически единогласное признание современными исследователями в качестве библейского иссопа душицы сирийской, основанное на рассмотренном выше комплексе данных самых разных научных дисциплин, тем не менее, требует, на наш взгляд, обязательной сверки с контекстом. Позволяет ли сам контекст сделать столь же однозначный вывод? Не возникают ли противоречия с контекстом в случае принятия гипотезы об ʾēzôḅ как о душице сирийской? А если возникают, то каким образом эти противоречия могут быть сняты? Каким фактам следует отдать предпочтение в спорных случаях? Для ответа на все эти вопросы необходимо, на наш взгляд, провести детальный анализ всех пассажей в Библии, где встречается слово ʾēzôḅ .

Прежде чем перейти к подобному анализу, следует высказать ряд предварительных методологических замечаний, которые будут служить теоретической основой для нашего разбора контекстов.

а) В качестве предварительного допущения мы рассматриваем слово ʾēzôḅ , как отражающее одну и ту же реалию во всех текстах еврейской Библии. Однако понимая, что эти тексты сформированы в разное время и имеют разное происхождение, допущенное нами замечание может быть пересмотрено в дальнейшем по результатам проведенного анализа.

б) При попытке ботанической идентификации того или иного растения, упоминаемого в Писании, необходимо учитывать, что объем древнего понятия, передающегося с помощью одного слова (в нашем случае – ʾēzôḅ) может не совпадать с объемом какого-либо конкретного биологического вида в современном понимании. Таким образом, поиск соответствия еврейского названия растения одному конкретному виду растения в современном понимании не во всех случаях корректен.

в) При анализе контекста необходимо учитывать жанровое многообразие текстов Библии и, как следствие, степень реалистичности каждого конкретного повествования. Очевидно, что точная идентификация растений, упоминаемых в поэтических, притчевых, легендарных текстах (например, *дерево познания добра и зла* – Быт. 2:9) не всегда теоретически возможна.

4.2.4. Фитоним ʔēzōḅ в Исходе, Левите, Числах, Псалтири.

Еврейское слово ʔēzōḅ , которое в русских переводах передается как «иссоп», встречается в тексте Ветхого Завета 10 раз — в книгах Исход, Левит, Числа, 3 Царств, Псалтирь (Исх. 12:22, Лев. 14:4, 14:6, 14:49, 14:51, 14:52; Чис. 19:6, 19:18; 3 Цар. 4:33; Пс. 50:9). В настоящей главе мы рассмотрим эти цитаты в качестве источника информации для ботанической идентификации библейского иссопа.

В книгах Исход, Левит, Числа иссоп упоминается в контексте описания различных ритуалов, где он выступает в качестве инструмента для кропления кровью жертвенных животных или водой. Для этих ритуалов берется пучок побегов этого растения и используется, как кисть или метелочка для кропления (то, что в современной Православной Церкви именуется кропилом). С этой ритуальной ролью иссопа напрямую связана и цитата из Псалтири (50:9). Упоминание иссопа в 3 Книге Царств, однако, заметно выбивается из перечисленного ряда цитат, и заслуживает отдельного обсуждения.

Широкое распространение.

Анализируя первый комплекс цитат (Исх. 12:22, Лев. 14:4, 14:6, 14:49, 14:51, Чис. 19:6, Чис. 19:18), следует, в первую очередь, отметить, отсутствие каких либо описаний внешнего вида или характерных местообитаний иссопа. Не ясно из этих цитат, идет ли здесь речь о диких растениях или о культурных. Очевидно, что для автора/редактора этих книг иссоп — нечто очень знакомое, не требующее дополнительных комментариев. Массовость совершения описанных в этих цитатах ритуалов (ритуальное очищение исцеленного после проказы, очищение его дома, жертва «рыжей телицы») косвенно подтверждает точку зрения о широком распространении иссопа на территории Древней Палестины - как дикорастущего либо культивируемого растения.

133 000 метелочек в Египте?

Некоторые исследователи библейской флоры считают возможным делать выводы об ареале иссопа из контекста Исх. 12:22, что представляется нам методологически неверным (см. 4.2.2). Например, Дж. Смит (Smith, 1878, p. 214-220) обращает особое внимание на то, что Исх. 12:22 повествует нам о событиях, происходящих не в Палестине, а в Египте, из чего автор делает вывод о широком распространении иссопа не только в Палестине, но и в Древнем Египте. Судя по тексту Исх. 12, собрать пучок иссопа для каждой еврейской семьи не должно было составить никакой трудности. Учитывая мнение современных ему исследователей, но при этом не ссылаясь на какие-либо конкретные источники, Смит принял число евреев, покинувших Египет вместе с Моисеем, за два миллиона. Предположив, что

число членов среднестатистической еврейской семьи равно 15, автор сделал вывод, что в ночь первой Пасхи необходимо было собрать более 133 000 пучков иссопа. Одним из растений, побеги которого могли быть собраны в столь большом количестве, по мнению автора статьи, мог быть культивируемый массово в Древнем Египте злак сорго (*Sorghum vulgare*). Побеги сорго широко используются и по настоящее время в бытовых целях как обыкновенные щетки и веники в разных странах мира, что послужило автору дополнительным аргументом в пользу его гипотезы.

Очевидно, подход к анализу контекста, демонстрируемый в работе Смита (Smith, 1878), не принимает в расчет степень реалистичности текста Исх. 12. Можно предположить, что упоминание использования רֶעֶזֶב в рассказе из 12-й главы Исхода о самой первой Пасхе, которую совершили евреи в египетском плену, является своего рода проекцией в прошлое той ритуальной практики, которая существовала относительно празднования Пасхи в период формирования Пятикнижия. Нет сомнения, что для редактора Пятикнижия то растение, которое используется в современных ему ритуалах совершенно идентично тому растению, которым воспользовались его легендарные предки в ночь исхода из Египта. На наш взгляд, пытаясь реконструировать, какое именно растение представляет собой библейский רֶעֶזֶב , мы можем в той или иной степени определить ботаническую принадлежность лишь того самого растения, которым пользовались в религиозных практиках в период формирования текстов Пятикнижия. Тогда как реконструкция реалии, упомянутой в полулегендарном повествовании об Исходе евреев из Египта, была бы, на наш взгляд, методологически не корректна.

Кедровое дерево и нить из червленной шерсти.

Стоит отметить, что в шести из рассматриваемых стихов (Лев. 14:4, 14:6, 14:49, 14:51, 14:52; Чис. 19:6) иссоп для обряда берется не сам по себе, а вместе с «кедровым деревом» и «нитью из червленной шерсти». Вероятно (ср. Mishnah Nega'im 14:1), пучок иссопа привязывался червленной нитью к веточке кедра, которая служила, таким образом, ручкой кропилу. Важно заметить, что в Исх. 12:22 про кедр и нить ничего не говорится, что, кстати, хорошо согласуется с фактом отсутствия природного кедра в Египте.

Стоит заметить (хотя это и не релевантно для идентификации библейского иссопа) большинство современных исследователей библейской флоры (например, Meiggs, 1982, p. 410; Musselman, 2011, p. 37) склоняются к тому, что в данных текстах под словом רֶעֶזֶב (кедр в русском Синодальном переводе) скрывается не собственно кедр ливанский (*Cedrus libani*), а различные виды можжевельников. Это мнение косвенно подтверждается отсутствием в

рассматриваемых стихах эпитета «ливанский» при слове ʿérez «кедр». Вероятнее всего, имеется в виду широко распространенный по всему Средиземноморью можжевельник колючий (*Juniperus oxycedrus*), веточки которого также могли использоваться в качестве ручки кропила.

Удобство применения в качестве кропила.

Сам способ использования иссопа в качестве кропила указывает на то, что побеги этого растения должны обладать рядом качеств: прочностью, гибкостью, способностью к удержанию влаги. В этом смысле один из главных кандидатов на «роль» иссопа Библии – душица сирийская – отлично подходит для целей кропления. Ее стебли тонкие и прочные, а листья сильно опушены, что позволяет им впитывать влагу наподобие губки. Не случайно, (как было сказано выше – раздел 4.2.2) в современных пасхальных ритуалах самаритян в качестве кропила используются именно пучки душицы сирийской (*Origanum syriacum*).

Обсуждая удобство использования иссопа для целей ритуального кропления, следует отметить, что другие вероятные кандидаты на роль библейского иссопа не удовлетворяют этим качествам. Таков, например, предполагаемый некоторыми исследователями вероятный ʿēzôḅ - каперс (*Capparis*) (Balfour, 1885, p. 44; Moldenke & Moldenke, 1952, p. 66; Royle, 1846, p. 193; Stanley, 2007, p. 91; Tristram, 1883, p. 456). Листья каперса гладкие, обладающие ярко выраженным восковым налетом, а побеги колючие, т.е. совершенно неудобные для использования в качестве кропила. Заметим, что некоторые авторы указывают на тот факт, что у каперсов есть другое название в древнееврейском языке (ʿāḇiyūḡāḥ), а также что современные жители Израиля не используют в хозяйственных целях никакие части этого растения (Musselman, 2007, p. 161).

Иссоп в Псалтири.

Цитата из Псалтири (Пс. 50:9), где упоминается ʿēzôḅ, напрямую связана с рассмотренными выше и по сути ничего не добавляет к портрету этого растения. Покаяние, очищение от греха символически изображается, как окропление иссопом. Этот поэтический образ, очевидно, хорошо понятен читателю-современнику автора, что опять же косвенно указывает на широкое распространение обрядов с использованием иссопа.

4.2.5. Фитоним ʿēzôḅ в 3 Царств 4:33 (по стандартным изданиям МТ и LXX 5:13).

Ни один автор, занимавшийся проблемой библейского иссопа, не обошел стороной цитату 3 Царств 4:33, которая выбивается из ряда вышеописанных, и говорит об иссопе вне

ритуального контекста. В указанном стихе говорится о мудрости Соломона и о его обширных познаниях, в том числе в естественных науках: *и говорил он о деревьях, от кедра, что в Ливане, до иссопа, вырастающего из стены; говорил и о животных, и о птицах, и о пресмыкающихся, и о рыбах.* Это упоминание иссопа позволяет добавить ряд новых черт к его «портрету».

Сопоставление иссопа и кедра.

Здесь вновь иссоп упоминается совместно с кедром, про который в данном случае сделана четкая ремарка, что он растет на Ливане. Судя по общему смыслу фразы, эта пара растений должна являть собой крайние точки всего спектра растений, известных Соломону. Слова «от кедра до иссопа», по-видимому, можно понимать так: «от самого крупного и величественного растения до самого мелкого и незначительного». Можно ли считать таковым сорго, высота которого достигает двух и более метров, или душицу сирийскую, побеги которой в среднем 50-80 см высотой?

Кроме того, в сопоставлении иссопа и кедра можно усмотреть не только лишь их полярность в отношении размеров, но и некую полярность в отношении таких характеристик, как распространенность, условия произрастания, способ использования. Можно представить, что «вырастание из стены» указывает на доступность и повсеместность иссопа, в отличие от кедра, растущего достаточно далеко от Иудеи в горах Ливана. Да и сами краткие ремарки о местообитаниях крайне полярны – городские стены и высокие горы Ливана – и отражают некое величие кедра и сравнительную ничтожность иссопа. Несомненно, способ применения в хозяйстве этих двух растений добавляет контраста: кедр, из благородной древесины которого строился Иерусалимский храм, призванный стоять века, и иссоп, пучки которого использовались в большом количестве и служили совсем не долго.

Иссоп – дерево?

Многие специалисты пристальное внимание в рассматриваемой цитате обращают к слову *‘ēṣîm* «деревья», относящемуся, как к кедру, так и к иссопу. Если понимать это слово буквально, то библейский иссоп должен обладать хотя бы частично одревесневающими побегами, т.е. быть хотя бы полукустарником. Однако душица – обычное травянистое растение. А, например, представители рода Каперсы (*Capparis*), которых нередко выдвигают на роль библейского иссопа, как раз – настоящие древесные растения, обладающие одревесневающими многолетними стеблями (Psaras, Sofroniou, 1999). Но более убедительным представляется мнение о том, что в данном случае слово «деревья» подразумевает растения в целом, что отражается и в ряде англоязычных переводов этого

стиха (например, New Living Translation NLT, New International Version 1984 NIV, New Jerusalem Bible NJB).

NLT – He could speak with authority about all kinds of plants

NIV – He described plant life

NJB – He could discourse on plants

«Вырастающий из стены»

Кроме того, в 3 Царств 4:33 указана еще одна характерная особенность библейского иссопа, которая, пожалуй, вызывает наибольшее число дискуссий у специалистов. Это его способность расти на стенах. Дело в том, что основной претендент на роль библейского иссопа – душица сирийская – как раз не растет на стенах, а потому некоторые исследователи выдвигают целый ряд других версий насчет видовой принадлежности иссопа Библии. Это наиболее часто встречающиеся на стенах и руинах старых зданий в современном Израиле растения: каперсы колючие (*Capparis spinosa*), белена золотистая (*Hyoscyamus aureus*), львиный зев сицилийский (*Antirrhinum siculum*) и ряд других. Из этого списка каперсы чаще других называют библейским иссопом. Так, например, Дж.Ф. Ройл (Royle, 1846, p. 193) считал, что иссоп – это *Capparis sicula*, растущий на каменистых участках и старых стенах. Автор аргументирует свою точку зрения тем, что современное арабское названия каперса очень схоже с еврейским ^ʿēzōb - ^ʿaṣaf. Другой автор Г.Б. Тристрем (Tristram, 1883, p. 456) считает библейский иссоп другим видом каперса – *Satureja thymbra* (один из видов рода Чабер). Именно каперсы колючие – один из двух видов собственно древесных пород (т.е. имеющих одревесневающие побеги), которые растут на стенах в Израиле, что делает эту версию еще более убедительной. Однако ряд уже упомянутых выше контраргументов (наличие собственного наименования в древнееврейском языке, отсутствие использования в хозяйственных целях в настоящее время в Израиле, гладкие побеги – см. 4.2.4), указывает на то, что представление об иссопе, как о каперсе, строится всего лишь на одном единственном аргументе – произрастании на стенах.

Анализируя контекст цитаты 3 Царств 4:33, специалисты предлагали и ряд других представителей флоры Палестины на роль библейского иссопа. Так, скажем, составители «Толковой Библии» под редакцией А. Лопухина (1905, т. 2, с. 383), исходя из того, что в 3 Царств говорится об одном из самых мелких представителей флоры, который к тому же растет на стенах, делают вывод, что это некий представитель мхов. На этих же основаниях в работе Л. Лемниуса и Т. Ньютона (Lemnius, Newton, 1587, p. 147-149) строится предположение, что речь в этом стихе идет о повсеместно растущем на стенах маленьком

папоротнике *Asplenium ruta-muraria* (костенец постенный). Х.С. Редгроув (Redgrove, 1935) поправляет его, предлагая другой вид того же рода – *A. trichomanes* (костенец волосовидный) – так как он чаще встречается в Палестине на старых каменных стенах, а также, благодаря еще меньшим размерам, представляет больший контраст с кедром по размерам. Полагаем, что данные гипотезы имеют, скорее, исторический интерес и не могут всерьез рассматриваться в качестве альтернатив уже изложенным нами взглядам современных исследователей растений Библии.

Замечание о «прорастании из стены» в 3 Царств, пожалуй, вызывает наибольшие сложности в интерпретации в том случае, если мы, следуя большинству современных специалистов, принимаем в качестве библейского иссопа душицу сирийскую, которую нельзя встретить на стенах городов Палестины. Снять это противоречие можно двумя путями. Первый заключается в разграничении видовой принадлежности иссопа из 3 Царств и иссопа остальных книг Библии. Однако, предположив, что иссоп в 3 Царств – нечто совершенно иное, нам придется признать, что слово רֶזְזֹב , которым обозначалось некое довольно широко известное растение, используемое в культовых целях, могло быть применимо и к совершенно иному растению. Однако даже в архаичных культурах растения, имеющие широкое практическое применение характеризуются, как правило, своим собственным индивидуальным наименованием.

Второй путь – это попытка реинтерпретации сложного стиха. Такой путь был предложен Мусселманом (Musselman, 2007, р. 162), который отметил, что еврейское слово qîr , традиционно переводимое как «стена», остается плохо изученным. Автор не исключает того, что в 3 Царств 4:33 слово qîr может означать не стену здания, сооружения или крепостную стену, а некие каменистые пустынные крутые склоны, являющиеся характерным местообитанием душицы сирийской. В качестве дополнительного аргумента к такой интерпретации Мусселман рассматривает сам контекст стиха, в котором Соломон представлен как знаток природы. Точно так же и о кедре в данном пассаже говорится, что он «на Ливане», т.е. делается уточнение именно о его местообитании, а не, скажем, о хозяйственном применении. По мнению Мусселмана, прочтение в 3 Царств 4:33 слова qîr , как «стена» выбивается из общего контекста.

Стена – каменистая поверхность?

Гипотеза Мусселмана (Musselman, 2007, р. 162) о том, что слово qîr в 3 Царств 4:33 употреблено в значении «каменистая поверхность», в качестве названия природного места произрастания רֶזְזֹב , требует более детального рассмотрения. В первую очередь, необходимо

выяснить, встречается ли в других контекстах значение слова *qîr*, предложенное Мусселманом.

Так словарь BDB (Brown et al., 1907, s.v. *qîr*) отмечает 5 основных значений слова *qîr*, зафиксированных в еврейской Библии (всего 77 вхождений, из которых 3 – имена собственные), а именно:

1. стена дома или комнаты
2. стена (ограда) двора храма, города, виноградника
3. стена в обобщенном значении
4. стенки (плоские поверхности) жертвенника
5. стены сердца – образное выражение, встречающееся один раз во всем корпусе Танаха – Иер. 4:19.

Значения под номерами 1, 2 и 4, очевидно, имеют отношение к сооружениям, которые созданы человеком, и никак не могут быть отнесены к природным явлениям. Рассматриваемый нами случай вхождения *qîr* (3 Царств 4:33) отнесен в настоящем словаре к третьему значению – просто стена, стена без уточнения, некая стена. Заслуживают внимания цитаты, приведенные авторами словаря для этого же значения (1 Царств 25:22, 34; 2 Царств 5:11; 3 Царств 14:10, 16:11, 21:21; 4 Царств 9:8; 1 Пар. 14:1; Ис. 22:5; Иез. 4:3, 13:10, 12, 14, 15; Пс. 62:4). Анализируя эти вхождения слова *qîr*, можно заметить, что контексты не позволяют рассматривать во всех указанных стихах *qîr*, как некие природные, нерукотворные поверхности.

Следовательно, во всем корпусе книг Танаха нельзя найти такого вхождения слова *qîr*, где бы речь шла о некой природной каменистой поверхности. В подавляющем большинстве случаев не-метафорического употребления контекст позволяет с уверенностью утверждать, что *qîr* – это некая именно рукотворная конструкция. Даже в тех случаях, где полной уверенности нет, контекст скорее говорит в пользу понимания *qîr*, как рукотворной стены (например, Ис. 25:4, 59:10). Более того, совсем рядом с разбираемым стихом 3 Царств 4:33 в тексте 6 главы 3 книги Царств слово *qîr* встречается 9 раз и во всех случаях относится к стенам храма.

Таким образом, гипотеза Мусселмана (Musselman, 2007) выглядит не убедительно. А потому попытка таким образом примирить представление о *ʾēzôb*, как о душице сирийской, с контекстом 3 Царств 4:33 мы не считаем возможным.

Иные возможные варианты интерпретации 3 Царств 4:33.

Принимая точку зрения большинства современных исследователей о ботанической идентификации библейского ʿēzōḇ, как душицы сирийской, но при этом отвергая интерпретацию стиха 3 Царств 4:33 Мусселмана (Musselman, 2007), необходимо предложить иной вариант понимания словосочетания уōšēʿ baqqîr, нежели «растущий на стене (из стены)». Таких вариантов гипотетически может быть несколько.

(А) Можно предложить иное прочтение существительного qîr с предлогом b, как, например, «(вырастающий) из-под стены», «(вырастающий) у стены», «(вырастающий) возле стены», «внутри территории, огороженной стеной», «внутри ограды» и др., а не «из стены».

Для удобства изложения мы разделим гипотезу (А) на две:

(А1) «(вырастающий) из-под стены», «(вырастающий) у стены», «(вырастающий) возле стены»;

(А2) «внутри территории, огороженной стеной», «внутри ограды»

(В) Можно предположить, что слово уōšēʿ в данном стихе следует понимать не как «вырастающий», а как-то иначе.

(С) Можно выдвинуть гипотезу о том, что уōšēʿ baqqîr – это некий фразеологизм, устоявшаяся фраза, имеющая, например, значение – «растет повсюду, даже на стенах».

Рассмотрим каждое из этих предположений.

Значение предлога b.

Для верификации первого из вышеприведенных предположений необходимо рассмотреть все случаи использования слова qîr с предлогом b в корпусе книг Ветхого Завета, из которых следует выбрать наиболее близкие по значению контексты к стиху 3 Царств 4:33. Всего вхождений формы b + qîr в Танахе – 21.

Нав. 22:15 – kî bêtā^h bəqîr haḥōmā^h *дом ее был в городской стене*

1 Царств 19:10 – waууақ ʿeṭ-haḥānîṭ baqqîr *и копье вонзилось в стену*

1 Царств 25:22, 34; 3 Царств 14:10, 16:11, 21:21; 4 Царств 9:8 – maštîn bəqîr *мочающийся к стене*

3 Царств 6:27 (2 раза) – wattigga^c kənaḥ-hāʿeḥād baqqîr ûḳənaḥ hakkərûḇ haššēnî nōgāʿaṭ baqqîr *и касалось крыло одного [одной] стены, а крыло другого херувима касалось другой стены*

Иез. 8:7 – wəhinne^h ḥōr-ʿeḥād baqqîr *и вот в стене скважина*

Иез. 8:8 (2 раза) – ḥātor-nāʿ baqqîr wāʿeḥtōr baqqîr *прокопай стену; и я прокопал стену*

Иез. 12:5 – ḥātor-ləḳā baqqîr wəhōšēʿtā bō *проломай себе отверстие в стене, и вынеси через него*

Иез. 12:7 – ḥāṭartī-lī baqqîr bəyād *проломал себе рукою отверстие в стене*

Иез. 12:12 – baqqîr yaḥtəru ləhōšîḥ bō *Стену проломают, чтобы отправить [его] через нее*

Иез. 13:15 – wəḵillēṭî ʔeṭ-ḥāmāṭî baqqîr *И истоцу ярость Мою на стене*

Иез. 41:6 – wəḥaṣṣələḥōṭ šēlāḥ ʔel-šēlāḥ šālōš ūšəlōšîm pəʿāmîm ūbāʔōṭ baqqîr ʔāšer-labbāyîṭ laṣṣələḥōṭ sābîḇ sābîḇ lihyōṭ ʔāḥûzîm wəlōʔ-yihyû ʔāḥûzîm bəqîr habbāyîṭ

Боковых комнат было тридцать три, комната подле комнаты; они вдаются в стену, которая у храма для комнат кругом, так что они в связи с нею, но стены самого храма не касаются.

Перечисленные нами случаи вхождения формы b + qîr можно разделить на несколько групп, соответствующих разному значению исследуемой формы.

1. Объект или действие **внутри стены**

Нав. 22:15 – жилище находится внутри стены

1 Царств 19:10 – копье вонзается в стену, входит острием внутрь стены

2. Объект или действие **сквозь (насквозь, через) стену**

Иез. 8:7 – отверстие в стене (через стену, сквозь стену)

Иез. 8:8, 12:5, 12:7, 12:12 – действие (проделывание отверстия, прокоп) совершается в стене, сквозь стену

3. Объект **касается стены**

3 Царств 6:27 (2 раза) – крылья херувимов касаются стены

4. Объект или действие **возле стены**, рядом со стеной

1 Царств 25:22, 34; 3 Царств 14:10, 16:11, 21:21; 4 Царств 9:8 - «мочащийся к стене» - некое устойчивое выражение. Очевидно, что перевод «в стене» здесь не уместен. Вернее переводить – «к стене», «у стены», «на стену», «в сторону стены».

5. **Не вполне ясный контекст**

Иез. 13:15 – здесь выражение образное

Иез. 41:6 – пространственная структура описываемого не вполне ясна

Проведенный анализ значений формы b + qîr показывает, что данная форма не во всех случаях означает «в стене» или «на стене». Из ряда контекстов видно, что возможно прочтение b + qîr как «сквозь стену», «возле стены», т.е. не обязательно непосредственно на (или в) самой стене. Это позволяет нам считать возможной предложенную выше интерпретацию (A1) «(вырастающий) из-под стены», «(вырастающий) у стены», «(вырастающий) возле стены». Хотя такое значение предлога b и не является основным, однако встречается неоднократно и с другими существительными в различных текстах

еврейской Библии. В качестве примеров приведем цитаты, где данное значение предлога *b* наиболее очевидно.

1 Царств 29:1 – wəyisrāʿēl ḥōnīm baʿāyin *а Израильтяне расположились станом у источника*

Иез. 10:15 – wayūērōmmû hakkərûbîm hîʿ haḥayyāʿh ʿăšer rāʿîṭî bīnhar-kəbār
Херувимы поднялись. Это были те же животные, которых видел я при реке Ховаре.

В то же время предложенная выше интерпретация (A2) *yōšēʿ baqqîṭ*, как «растущий внутри городских стен, ограды» не нашла своего подтверждения при рассмотрении реально засвидетельствованных контекстов.

Значение глагола *yāšāʿ*.

Для проверки гипотезы (B), утверждающей, что *yōšēʿ* в данном стихе следует переводить не как «вырастающий», а скажем, «выходящий (за стены города, огорода)», т.е. выходящий за пределы культигенного ареала, расселяющийся повсюду, следует, в первую очередь, рассмотреть значения самого слова *yōšēʿ*. Необходимо выяснить, насколько характерно для этого причастия, и в целом для глагола *yāšāʿ*, значение – «вырастать», «расти» по отношению к растениям.

Согласно словарю BDB, помимо основного значения глагола *yāšāʿ* – «выходить (из)», этот глагол в корпусе книг Ветхого Завета употребляется также и в значениях:

- отправляться в путь из;
  - отходить, переходить (в другое владение, в собственность);
  - убегать, спасаться бегством;
- и целый ряд других.

Что касается стиха 3 Царств 4:33, который мы рассматриваем, то в словаре BDB он помещен в качестве иллюстрации одного из значений *yāšāʿ*, в котором подчеркивается идея происхождения из какого-либо источника (*especial emphasis on idea of origin, source*).

К этому значению приводится довольно обширный список примеров, среди которых можно отметить следующие.

Нечто происходит (исходит, выходит):

- от Яхве – Быт. 24:50, Ис. 28:29
- от пророков (распространилось нечестие) – Иер. 23:15
- из определенной географической точки (огонь из Есебона) – Числ. 21:28
- слово из чьих-либо уст – Нав. 6:9

Ни в одном из приведенных примеров глагол *yāšāʿ* не означает «расти, вырастать» по отношению к растению. Вообще, для всего корпуса книг еврейской Библии не характерно

использование глагола $yāšāʔ$ со значением «расти, вырастать» по отношению к растению. Для этого, как правило, используются другие глаголы.

– $sāpīʔāḥ$ – Ис. 37:30

– $yīśgeḥ$ – Иов. 8:11

– $šāmaḥ$ – Зах. 6:12

Для того, чтобы понять, возможен ли предложенный в качестве гипотезы В перевод «выходящий (за стены города, огорода)», следует рассмотреть случаи, когда глагол $yāšāʔ$ используется с предлогом b и что может означать в целом конструкция $X yāšāʔ bU$. Таких значений нами выявлено несколько.

1. «выйти, имея при себе что-либо» - X вышел, имея при себе U
Быт. 15:14 $yēšʔû birḳūš gādôl$ *они выйдут с большим имуществом*

2. «выйти откуда-либо» - X вышел из U (U является источником X)
Втор. 8:7 $ʕāyānōṭ ūtəḥōmōṭ yōšʔim babbīqʕāḥ ūbāhār$ *источники и озера выходят из долин и гор*

3. «выйти для того, чтобы вступить куда-либо» - X вышел и вступил в U (вышел по направлению к U)
1 Пар. 14:15 $ʔāz tēšēʔ bammilḥāmāḥ$ *тогда вступи в битву*
2 Пар. 19:4 $wayuāšob wayuēšēʔ bāʕām$ *И опять стал он обходить народ (выходить из Иерусалима в другие населенные места, где живет народ)*

4. «выйти через что-либо, сквозь что-либо» - X вышел через (сквозь, посредством) U (U - преграда, которая делит пространство на «находящееся внутри U» и «находящееся снаружи U»); X первоначально находится «внутри», но в результате «выхода» оказывается «снаружи»)
Неем 2:13 $wāʔēšʔāḥ bəšāʕar-haggayʔ$ *И проехал я ночью через ворота Долины*

Иер. 17:19 $kōḥ-ʔāmar yhwḥ(ʔādōnāy) ʔelay hālōk wəʕāmadtā bəšāʕar bənēʕ-(ʕām) [hāʕām] ʔāšer yābōʔû bō malḳē yəḥūdāḥ waʔāšer yēšʔû bō ūbəḳōl šāʕarē yəḡūšālāim$
Так сказал мне Господь: поиди и стань в воротах сынов народа, которыми входят цари Иудейские и которыми они выходят, и во всех воротах Иерусалимских,

Иез. 12:5 $ləʕênēhem ḥātor-ləḳā baqqîr wəḥôšēʔtā bō$
Перед глазами их проломай себе отверстие в стене, и вынеси через него.

Иез. 12:12 $wəhannāšīʔ ʔāšer-bəṭōkām ʔel-kāṭēp yīśšāʔ bāʕālātāḥ wəyēšēʔ baqqîr yaḥtəru ləḥôšīʔ bō pānāyw yəḳasseḥ yāʕan ʔāšer lōʔ-yirʔeḥ laʕāyin ḥûʔ ʔeṭ-hāʔāreš$
начальствующий, который среди них, впотьмах поднимет [ношу] на плечо и выйдет. Стену проломают, чтобы отправить [его] через нее; он закроет лице свое, так что не увидит глазами земли сей.

Мих. 2:13 $wayuʕāšōrû šāʕar wayuēšʔû bō$ *войдут сквозь ворота и выйдут ими*

Первое и третье из четырех выделенных нами значений словосочетания $u\bar{o}\check{s}\bar{e}^3 baqq\hat{i}r$ (X вышел, имея при себе У; X вышел и вступил в У), очевидно, совершенно не подходят к рассматриваемой цитате 3 Царств 4:33.

Второе значение как раз и есть то самое, которому мы пытаемся подобрать альтернативу (выходящий из стены, имеющий своим источником стену, вырастающий из нее).

Что с четвертым значением? Быть может, стоит предположить, что выражение «иссоп, выходящий сквозь стену, через стену» могло означать для автора нашего текста, что иссоп способен не только расти внутри стены, на огороженной территории, но и выходить за пределы городских стен, дичать. Это подразумевало бы, что «нормальным, первоначальным» местом обитания иссопа следует считать городское пространство, а появление иссопа за пределами городских стен – феноменом исключительным. Такое представление древнего еврея об иссопе представляется маловероятным. А кроме того, на наш взгляд, такая гипотеза требует археологического подтверждения в виде сведений о культивировании каких-либо растений в пределах городских стен в древней Палестине.

Принятие данной гипотезы означало бы наличие у глагола $u\bar{a}\check{s}\bar{a}^3$ не буквального, а метафорического значения. В случае, когда мы говорим о растении, что оно «выходит за ограду, убегает из огорода», глаголы «выходить» и «убегать» имеют переносное значение. В данном случае не конкретный объект «растение» осуществляет действие, а некий класс объектов – «растения данного вида». Каждое конкретное растение в данной ситуации не двигается. Такое метафорическое значение для древнееврейского глагола $u\bar{a}\check{s}\bar{a}^3$ не зафиксировано. А предположение о том, что в 3 Царств 4:33 мы сталкиваемся с уникальным значением этого частотного глагола, представляется нам маловероятным.

$u\bar{o}\check{s}\bar{e}^3 baqq\hat{i}r$ как фразеологизм.

В качестве третьей гипотезы об альтернативном понимании словосочетания $u\bar{o}\check{s}\bar{e}^3 baqq\hat{i}r$ в 3 Царств 4:33 мы предлагали рассмотреть $u\bar{o}\check{s}\bar{e}^3 baqq\hat{i}r$ как некий фразеологизм, устоявшуюся фразу, имеющую, например, такое значение – «растет повсюду, даже на стенах».

Схожую структуру (причастие + предлог $b\bar{e}$ + существительное $q\hat{i}r$) имеет устойчивое выражение $ma\check{s}\hat{i}n b\bar{e}q\hat{i}r$ – «мочащийся к стене», встречающееся 6 раз во всем корпусе еврейской Библии (1 Царств 25:22, 34; 3 Царств 14:10, 16:11, 21:21; 4 Царств 9:8). Можно отметить, что из 6 вхождений этого оборота – 4 встречаются в книгах Царей, как и рассматриваемое нами словосочетание $u\bar{o}\check{s}\bar{e}^3 baqq\hat{i}r$. Разумеется, подобная аргументация

выглядит весьма зыбкой: морфологически схожая структура словосочетания не может служить критерием для отнесения его к числу фразеологизмов.

Однако фразеологизм *maštîn baqîr* может, как нам кажется, служить ключом для понимания дополнительных смысловых оттенков выражения *uḏṣē baqqîr*. В выражении *maštîn baqîr* слово *qîr* «стена», а также пространство рядом со стеной, очевидно, принимает на себя некоторый отрицательный или пренебрежительный оттенок, как место грязное, никчемное, вызывающее неприятные ощущения. Быть может, во фразе *hāʿēzôḅ ʾāšer uḏṣē baqqîr* также присутствует подобный оттенок, т.е. *ʿēzôḅ* не только отличается от кедра малыми размерами, но и тем местом, где он растет. Величественные высокие прекрасные горы Ливана противопоставлены грязному, никчемному и отвратительному пространству возле городских стен. Таким образом, ремарка *uḏṣē baqqîr* в сознании древнееврейского автора могло иметь схожие коннотации, что и русское выражение «под забором», усиливающее негативный смысл таких выражений, как, скажем, «валиться под забором», «расти под забором».

Предлагаемая интерпретация uḏṣē baqqîr в 3 Царств 4:33.

Итак, из рассмотренных нами потенциальных значений выражения *uḏṣē baqqîr* наиболее убедительно выглядит значение «(вырастающий) из-под стены», «(вырастающий) у стены», «(вырастающий) возле стены». Такое значение рассмотренной фразы вполне соотносится с общей идеей стиха, которую можно выразить следующим образом. Соломон настолько мудр, что говорит обо всех без исключения растениях: от кедра в Ливане (величественное, далекое, редкое и дорогое) до иссопа (мелкое, повсеместное и неценное). Подобное понимание этого выражения позволяет примирить современное научное представление о библейском *ʿēzôḅ* как о душице сирийской (*Origanum syriacum*), с одной стороны, и контекст стиха 3 Царств 4:33, с другой.

4.2.6. Методологические замечания по анализу контекста при идентификации растений Библии.

Приступая к анализу текстов Ветхого Завета, в которых упоминается *ʿēzôḅ*, мы сделали ряд предварительных замечаний относительно самой методологии подобного подхода к реконструкции древних библейских реалий (см. раздел 4.2.3). Считаем необходимым обсудить их в свете рассмотренных выше контекстов.

Одно слово – одна реалья?

Рассматривая ׀ezôb, упоминаемый в пяти разных книгах Ветхого Завета 10 раз, правомерно поставить вопрос о том, насколько уверенно мы можем говорить о том, что за каждым упоминанием иссопа в этих пяти книгах, сформировавшихся в разное время, стоит одно и то же растение. Насколько методологически корректно объединять ту информацию, которую мы извлекаем из каждой отдельной цитаты, в единый образ некоего конкретного растения?

Так, скажем, принимая описанную в разделе 4.2.4 точку зрения Смита о том, что иссоп в Исх. 12:22 – это сорго, закономерно поставить вопрос о том, является ли ׀ezôb в Исходе и ׀ezôb в других книгах одним и тем же растением. Очевидно, что для редактора Пятикнижия ׀ezôb во всех трех книгах (Исход, Левит, Числа) – это одно и то же растение. Можно лишь говорить, что в представлении редактора в ночь еврейской пасхи в Египте использовались пучки точно такого же растения, какое используется его современниками. Именно поэтому в решении этого вопроса важна сама его постановка. Какое именно растение мы ищем? Какую реалью пытаемся реконструировать? То растение, которое реально было распространено в Древнем Египте и могло использоваться в культовых целях евреями в ночь исхода (если принимать повествование об исходе как рассказ о реальном событии – см. 4.2.3 и 4.2.4), или культовое растение времен Иерусалимского храма, которое связывалось традицией с пасхальной ночью в Египте?

Еще более остро встает вопрос о единой реалии при анализе 3 Царств 4:33, где упоминается ׀ezôb, «вырастающий из стены». Как говорилось выше, ряд специалистов обосновывает позицию, что иссоп, упомянутый в 3 Царств 4:33 – совсем иное растение, нежели в других книгах.

Таким образом, работая с контекстом, удобнее и корректнее изначально исходить из предположения о том, что одно слово соответствует одной реалии, а в процессе разбора подвергать это положение критическому анализу, разделяя все имеющиеся вхождения на логические группы. В случае иссопа, на наш взгляд, из общего комплекса цитат явственно выделяется 3 Цар. 4:33, где иссоп упоминается вне ритуального контекста, а также Исх. 12:22, где речь идет о существенно географически, и хронологически удаленном событии, а само повествование носит полуполегендарный характер.

Соотношение современной и древней реалии.

В случае работы с наименованиями растений особенно явным становится потенциальное отличие древней реалии, скрытой за неким словом древнееврейского языка, и

той современной реалией, которой соответствует перевод древнего слова на современный язык. Современный человек, даже не являющийся специалистом в области ботаники, мыслит во многом категориями современной систематики растений – вид, сорт, семейство. Встретив слово «иссоп» и не зная его значения, читатель пользуется справочниками или энциклопедиями и находит конкретный биологический вид или род растений, который соответствует этому наименованию. Однако современные представления о таксонах сформировались, большей частью, в новое время, тогда как представления о структуре растительного мира древних жителей Палестины могли сильно отличаться от современных. Таким образом, рассматривая некое конкретное древнееврейское наименование растения, мы должны иметь в виду, что поиск конкретного биологического таксона, соответствующего этому наименованию, может быть заведомо некорректен. Т.е. «объем» древней реалии может не соответствовать в полной мере «объему» соотносимой с ней современной реалии, что необходимо учитывать при работе с древним текстом.

Так, можно предположить, что ʾēzôḇ – это не один конкретный вид растения, а обобщенное наименование растений, используемых в ритуальных целях в качестве кропила. Подобное предположение могло бы снять целый ряд трудностей, возникающих при анализе контекстов, в том числе и контекст – 3 Царств 4:33. Если ʾēzôḇ – это не конкретный биологический вид в современном понимании, то душица сирийская могла быть лишь представителем целой группы видов в современном понимании, которые назывались словом ʾēzôḇ . А, значит, словом ʾēzôḇ могли именоваться и некие растения, способные расти на городских стенах.

Следовательно, оперируя понятием «вид растения» в отношении древних текстов, нужно учитывать, что речь идет о «виде» в представлении древнего автора, а отнюдь не в современном ботаническом смысле.

Степень реалистичности анализируемого текста.

Анализируя тот или иной контекст, важно учитывать и сам жанр текста, степень реалистичности тех событий, которые в нем описываются. Очевидно, что поэтические, аллегорические, образные тексты требуют несколько иного подхода. Они нередко рисуют не буквальную картину события, а ее образ, сложившийся в той культуре, к которой относится текст.

Таким образом, чтобы корректно использовать контекст стиха Исх. 12:22 для идентификации библейского иссопа, мы должны сперва понять: в какой степени мы можем видеть в Исх. 12:22 буквально точное описание свершившихся в Египте событий, а в какой - богословско-поэтический образ? И, следовательно, если число еврейских семей 133 000 не

воспринимать буквально, то вся аргументация Смита (см. раздел 4.2.4) о том, что ʕēzôḅ – это сорго, оказывается небезупречной. Более того, можно предположить, что упоминание «иссопа» в Исх. 12:22 – это лишь некая проекция реалий развитого культа Иерусалимского храма времен формирования Пятикнижия в прошлое. Т.е. повсеместное использование иссопа в культовых целях того времени могло найти отражение в описании события, приобретшего, благодаря своей древности, легендарный образ.

Схожая методологическая ошибка прослеживается и в работе А. Фляйшера и Ж. Фляйшер (A. Fleisher, Z. Fleisher, 1988) (см. раздел 4.2.2), где описывается исследование окрестностей предполагаемой библейской горы Синай на предмет поиска ботанического соответствия древнееврейскому слову ʕēzôḅ . Основанием для такого исследования послужило библейское повествование о том, что именно возле горы Синай Моисей озвучил законы, в которых упоминается ʕēzôḅ (Лев. 12). Однако авторы не учитывают ни степень реалистичности повествования, ни сложную структуру Пятикнижия, претерпевшего ряд редакторских обработок, ни отсутствие достоверных данных о местонахождении библейского Синая.

Место метода анализа контекстов в работе исследователя древнего текста.

Подводя итог настоящему разделу, следует определить то место, которое должен занимать метод разбора контекста в работе переводчика или исследователя древнего текста, а также очертить те условия и ограничения, которые нужно учитывать при анализе библейских цитат с целью реконструкции древних реалий.

На наш взгляд, максимально подробный анализ всех цитат, содержащих исследуемое наименование, является необходимой частью работы исследователя. Имеющиеся гипотезы о ботанической принадлежности того или иного древнего наименования необходимо проверять контекстом.

Для удобства работы с контекстами рационально разделить весь комплекс рассматриваемых цитат на логические группы, руководствуясь жанром текстов, степенью реалистичности повествования, принадлежностью к хронологическим слоям и гипотетическим источникам, а также учитывая ту «роль», которую играет исследуемое растение в каждом из контекстов. Следующим этапом работы будет собственно разбор цитат в каждой из выделенных групп с целью извлечения максимальной информации о том растении, которое скрывается за изучаемым наименованием. После анализа контекстов, проведенного максимально независимо в каждой группе цитат, следует критически сравнить полученные данные об изучаемом растении как между собой, так и с гипотезами, разработанными на основании других методов исследования.

4.2.7. Древние и современные переводы фитонима ʔēzôḅ.

Во всех 10 случаях вхождения в греческом переводе Ветхого Завета (Септуагинта) древнееврейское слово ʔēzôḅ передается одинаково – ὕσσωπος. Более поздние европейские переводы Священного Писания следуют в данном случае Септуагинте, по сути используя транслитерацию/транскрипцию греческого слова ὕσσωπος (hysopus - в Вульгате, Ysop – в немецком переводе Лютера, hyssop - в Библии короля Иакова). Сам же греческий перевод древнееврейского фитонима ʔēzôḅ вызывает целый ряд вопросов у исследователей.

Во-первых, это собственно лингвистическая проблема. Дело в том, что греческое слово ὕσσωπος невозможно рассматривать в качестве прямой транслитерации/транскрипции древнееврейского ʔēzôḅ. В подавляющем большинстве случаев в Септуагинте древнееврейские имена собственные передаются в соответствии с едиными правилами, когда каждой еврейской букве соответствует строго определенная греческая буква. Это соответствие, по-видимому, отражает произношение различных еврейских слов в период создания Септуагинты, а потому является не в полном смысле слова транслитерацией, а в большей степени – транскрипцией. Если рассматривать ὕσσωπος как транслитерацию/транскрипцию еврейского ʔēzôḅ, то невозможно объяснить в свете стандартных правил еврейско-греческой транслитерации/транскрипции имен собственных в Септуагинте, почему еврейское z передается через σσ, а ḅ – через π (Löw, 1924-1934, B. 2, S. 87). Тем не менее, большинство исследователей рассматривают ὕσσωπος как семитизм (Chantarine, 1968-1980, p. 1162; Frisk, 1960-1972, p. 975; Lewy, 1895, S. 38; Liddell & Scott, 1996, s.v. ὕσσωπος; Muraoka, 2009, p. 707).

Можно предположить, что ὕσσωπος пришло в греческий из древнееврейского или из какого-либо иного семитского языка и прочно вошло в обиход грекоязычных иудеев еще до создания перевода Семидесяти. Однако нам не известны убедительные гипотезы, объясняющие происхождение греческого ὕσσωπος. Эти проблемы – тема для отдельного лингвистического исследования, а для целей нашей работы важен следующий промежуточный вывод. Нет сомнения, что создатели Септуагинты хорошо понимали, что в библейских текстах ʔēzôḅ – это определенное растение, побегами которого пользуются в качестве кропила в ритуальных целях. Однако на место этого еврейского слова в своем переводе они поместили уже существовавшее в греческой языковой среде слово ὕσσωπος. Можно с большой долей уверенности предположить, что как у переводчиков, так и у читателей, которым был адресован перевод LXX, имелось определенное представление о ботанической реалии, именуемой греческим словом ὕσσωπος. Таким образом, возможным

ключом к пониманию ботанической принадлежности библейского фитонима ὕσσωπος могли бы служить более ранние греческие тексты, в которых упоминается это растение. Выяснив, как понимали и интерпретировали еврейское слово ʾēzôḇ создатели LXX, мы смогли бы приблизиться к изначальному значению библейского фитонима.

Наиболее раннее появление слова ὕσσωπος в древнегреческих текстах относится к концу V в. до Р.Х. (Bauer & Danker, 2001, s.v. ὕσσωπος; Liddell & Scott, 1996, s.v. ὕσσωπος), что, несомненно, раньше появления на свет первых греческих переводов библейских книг, которые датируются не ранее III в. до Р.Х. Речь идет о погребальном законодательстве с греческого острова Кея (Keos) (Ditt. Syll. 1218. G). В этом тексте регламентируются обряды погребения умерших, особенности оплакивания, размеры расходов на похороны и т.д. В числе прочих обрядов жителям Кея, согласно данным законам, предписывается на следующий день после похорон вымыть дом, где лежало тело умершего, сначала морской водой, а затем – иссопом (τῆι δὲ ὑστεραί[ει ἀπ]οραίνεν τὴν οἰκίην ἐλεύθερον θαλά[σσηι] πρῶτον, ελεῖτα δὲ ὑσώποι ο[ικ]ητή[ρ]ι[α ἄπ]αντα)². После этого омовения дом считался ритуально чистым.

К сожалению, в данном тексте не содержится ни малейших намеков на какие-либо ботанические характеристики «иссопа». Более того, из приведенной цитаты никак не следует, что речь идет о растении. В данном случае, контекст не исключает понимания слова ὕσσωπος не как фитонима, а как наименования какого-то моющего средства или инструмента (например, веника или метелки). Отсутствие в данном законе каких-либо разъяснений, что из себя представляет ὕσσωπος, косвенно указывает на то, что это слово было понятно и очевидно для обывателей. Если предположить, что речь идет все-таки о каком-либо конкретном растении, то можно заключить, что оно было широко распространено или, по крайней мере, доступно любой семье в любое время года.

Нельзя обойти стороной в наших рассуждениях тот факт, что контекст упоминания ὕσσωπος в погребальном законодательстве греческого острова Кея поразительно схож с очистительными древнееврейскими ритуалами из Пятикнижия, в которых используется ʾēzôḇ (Лев. 14:49-53; Числ. 19:14-19).

В главе 14 книги Левит речь идет о некоей «язве» или «проказе», поражающей дом, который из-за этого следует считать нечистым. В обряде очищения дома от этой нечистоты,

---

2

В данном тексте зафиксирован иной вариант написания фитонима ὕσσωπος - с одной сигмой. Возможно, оба варианта были в ходу в одно и то же время.

как и в греческом законе, используется иссоп, который в данном случае необходимо окунуть в кровь жертвенной птицы и «живую воду», а затем покропить дом семь раз.

Левит 14:49-53 И чтобы очистить дом, возьмет он две птицы, кедрового дерева, червленую нить и иссопа, и заколет одну птицу над глиняным сосудом, над живою водою; и возьмет кедровое дерево и иссоп, и червленую нить и живую птицу, и омочит их в крови птицы заколотой и в живой воде, и покропит дом семь раз; (καὶ περιρραϊεῖ ἐν αὐτοῖς ἐπὶ τὴν οἰκίαν) и очистит дом кровью птицы и живою водою, и живою птицею и кедровым деревом, и иссопом и червеною нитью; и пустит живую птицу вне города в поле и очистит дом, и будет чист.

В главе 19 книги Чисел мы встречаем закон о нечистоте жилища, в котором умер человек. Для обряда очищения этого жилища также необходим иссоп и вода, которая в данном случае смешивается с пеплом от сожженной жертвы. Затем кто-либо «чистый» (в ритуальном смысле) должен взять иссоп, омочить его в воде с пеплом и окропить жилище и все, что находится в нем. Такой обряд должен обеспечить ритуальную чистоту жилищу и всему его содержимому, а также самим жильцам.

Числа 19:14-19.

Вот закон: если человек умрет в шатре, то всякий, кто придет в шатер, и все, что в шатре, нечисто будет семь дней; всякий открытый сосуд, который не обвязан и не покрыт, нечист. Всякий, кто прикоснется на поле к убитому мечом, или к умершему, или к кости человеческой, или ко гробу, нечист будет семь дней. Для нечистого пусть возьмут пепла той сожженной жертвы за грех и нальют на него живой воды в сосуд; и пусть кто-нибудь чистый возьмет иссоп, и омочит его в воде, и окропит шатер (καὶ περιρραϊεῖ ἐπὶ τὸν οἶκον) и все сосуды и людей, которые находятся в нем, и прикоснувшегося к кости [человеческой], или к убитому, или к умершему, или ко гробу; и пусть окропит чистый нечистого в третий и седьмой день, и очистит его в седьмой день; и вымоет он одежды свои, и омоет [тело свое] водою, и к вечеру будет чист.

Не нужно никаких специальных навыков или знаний, чтобы найти сходство между обрядом очищения дома в законе острова Кея и еврейскими очистительными ритуалами, описанными в Пятикнижии. Показательно, что в обоих случаях при описании обряда очищения иссопом используются однокоренные глаголы: περιρραϊῶ – в Пятикнижии и ἀπορραϊῶ – в законе острова Кея. Оба глагола близки по значению и означают «брызгать, окроплять», что также свидетельствует в пользу понимания слова ἕσσωπος в значении «метелка для ритуального окропления». Разумеется, можно предположить, что представление о ритуальной нечистоте помещения, где находился покойник, могло возникать независимо в различных культурах или уходит корнями в глубокую древность, просто благодаря самым простым бытовым наблюдениям (заражение различными инфекциями, неприятный запах, бытовая нечистота). Но почему в столь разных культурах - еврейской и

греческой – ритуальная нечистота устраняется с помощью одного и того же средства – иссопа? Может ли быть это очевидное сходство простым совпадением? Могла ли существовать какая-либо связь между двумя законодательными сводами?

В настоящий момент нет никаких веских оснований, чтобы ответить на последний вопрос утвердительно. Кея (Кеос), ближайший к Афинам остров из архипелага Киклады, в древнегреческий период был заселен ионийцами. В эпоху создания рассматриваемого нами законодательства (конец V в. до Р.Х.) Кея была в значительной степени зависима от Афин. Этот факт, а также сравнительное изучение законодательных греческих текстов, позволили М. Лефковиц и М. Фант (Lefkowitz, Fant, 2005, p. 77) высказать гипотезу о том, что законы острова Кея могут быть копией более ранних Афинских законов эпохи Солона. Взаимное влияние греческой и еврейской культур относится к более позднему периоду истории – эллинистической эпохе (с конца IV века до Р.Х.) Опираясь на имеющиеся исторические факты, трудно представить, что за столетие (или даже раннее) до ближневосточных походов Александра Македонского законодатели Афин или Кеи могли быть знакомы с Законами Моисея, написанными на древнееврейском языке. Как в равной же степени трудно предполагать и обратную связь: знакомство редакторов еврейского текста Пятикнижия с греческим законодательством. Гораздо правдоподобнее выглядит гипотеза, что поразительное сходство двух обрядов обусловлено неким общим более древним «бэкграундом».

Создатели Септуагинты вполне могли быть знакомы с греческими очистительными обрядами, в которых использовался ἴσσωπος. Сходство этих обрядов с описанными в Пятикнижии могло сыграть ключевую роль при выборе греческого перевода еврейского фитонима. Возможно, именно сам инструмент (метелка) и способ его применения при отправлении греческого обряда очень напоминал переводчикам Пятикнижия пучок רֶזְזֹבֶה. Однако принимая эту гипотезу, мы лишаемся возможности добавить нечто новое к ботаническому портрету библейского иссопа, ведь в таком случае ἴσσωπος из греческих законов может быть совсем иным растением, нежели רֶזְזֹבֶה. Однако авторы LXX могли отразить в своем переводе и близкое сходство самих растений, применяемых в еврейских и греческих обрядах. Скажем, если евреи, как считает большинство современных исследователей (см. раздел 4.2.2), называли словом רֶזְזֹבֶה широко распространенную в Палестине душицу сирийскую (*Origanum syriacum*) и использовали ее в своих обрядах, то греки острова Кея для соответствующего ритуала могли брать какой-либо схожий, но произрастающий в Греции вид душицы (например, *Origanum majorana*).

По-видимому, наиболее ранним памятником древнегреческой литературы, где зафиксировано слово ὕσσωπος, следует считать поэму «Ἠδυπάθεια» («Жизнь наслаждения»), которую специалисты датируют 330 годом до Р.Х. (Wilkins & Hill, 2011, p. 11). Ее автор – Архестрат (Ἀρχέστρατος) – поэт из Сицилийского города Гела (или, возможно, из Сиракуз), творивший в середине IV века до Р.Х. Все известные науке фрагменты его комической поэмы, посвященной гастрономии и кулинарии, сохранились лишь в виде цитат в произведении Афинейя «Пир мудрецов» (Δειπνοσοφισταί) (ок. 200 г. по Р.Х.) (Olson & Sens, 2000). В своей поэме Архестрат пародирует стиль более ранних эпических поэм греческих классиков. Судя по имеющимся фрагментам, основное содержание «Жизни наслаждения» составляют кулинарные советы и рецепты различных блюд Средиземноморья. По словам Афинейя, Архестрат «объехал целый мир», чтобы собрать эти рецепты. В одном из них как раз и упоминается слово ὕσσωπος.

Archestratos. Fragment 22.

ἐν δ' Αἴνῳ· καὶ τῷ Πόντῳ τὴν ὕν ἀγόραζε,
 ἦν καλέουσί τινες θνητῶν ψαμμῖτιν ὀρυκτὴν.
 ταύτης τὴν κεφαλὴν ἔψειν μηδὲν προσενεγκῶν
 ἠδυσμ', ἀλλ' ἐς ὕδωρ μόνον ἐνθεῖς καὶ θαμὰ κινῶν
 ὕσσωπον παρὰ θεῶν τρίψας, κἂν ἄλλο τι χρῆζης,
 δορυμὸν διεῖς ὄξος· κἄτ' ἔμβαπτ' εὖ καὶ ἐπείγους
 οὕτως, ὡς πνίγεσθαι ὑπὸ σπουδῆς καταπίνων.

«В Аине и в Понте купи на рынке морскую рыбу ὕς³, которую некоторые из смертных называют «выкапываемым песчаным угрем» (песчанкой). Ее голову свари, не добавляя никакой приправы, а просто бросив в воду и часто помешивая. Добавь тертый **иссоп** (и, если надо, что-то еще), смочив острым уксусом. Потом, как следует, погрузи и разомни так, чтобы тушилось, хорошо впитывая».

В поэме Архестрата ὕσσωπος выступает в совершенно ином контексте, нежели в законах острова Кеи. Использование «иссопа» в качестве одного из ингредиентов описанного Архестратом блюда не оставляет сомнений в том, что под словом ὕσσωπος скрывается некое растение или пряность растительного происхождения. К сожалению, Архестрат не приводит даже краткого описания «иссопа», что лишает нас возможности выдвинуть хотя бы

3

Слово ὕς в данном случае, по мнению современных исследователей, означает некую морскую рыбу или иное съедобное морское животное. Например, Э. Далби в своей работе «Food in the Ancient World from A to Z» (Dalby, 2003, p. 182) предполагает, что ὕς это рыба из семейства Спинороговых *Balistidae*. Согласно Liddell & Scott (1996, s.v. ψαμμῖτις), ψαμμῖτις означает «sand-eel», т.е. рыба из семейства Песчанковых *Ammodytidae*. При опасности или во время отлива эти рыбы быстро зарываются в песок. Некоторые виды впадают в зимнюю спячку, зарываясь в песок.

предварительную гипотезу о его ботанической принадлежности. Указание на местность, где на рынках можно приобрести загадочную рыбу ὕς, может служить лишь косвенным аргументом в пользу той или иной из уже существующих гипотез. Ведь Архестрат не говорит о том, что «иссоп» также следует покупать на рынках в упомянутых странах. Однако если предположить, что описывается какой-то традиционный для этих стран рецепт, то следовало бы ожидать, что «иссоп» был распространен именно в «Айне» и «Понте». Под «Понтом», очевидно, подразумеваются Черноморские греческие колонии, а «Айн» - это город в Восточной Фракии близ Эгейского моря (ныне – это город Энез в Северо-Западной Турции на границе с Грецией). Если искать ὕσσωπος среди флоры этих регионов, то можно уверенно сказать, что речь идет не о душице сирийской (*Origanum syriacum*), которая распространена юго-восточнее. Вероятнее предположить, что в данном случае имеются в виду европейские виды этого же рода: майоран (*Origanum majorana*) и душица обыкновенная (*Origanum vulgare*).

Упоминание иссопа у Архестрата в качестве приправы или пряности перекликается с более поздним свидетельством Мишны (конец II – начало III века по Р.Х.) о том, что существует несколько видов растений с названием רֵזְזֹבֵב, которые используются в пищу (см. раздел 4.2.2). Однако, согласно Мишне, для ритуальных целей подходит лишь одно из них. Именно это указание Мишны является одним из важнейших звеньев в цепочке аргументов в пользу гипотезы רֵזְזֹבֵב = *Origanum syriacum*. А текст Архестрата, таким образом, отчасти подтверждает и укрепляет эту аргументацию. Можно предположить, что ὕσσωπος у Архестрата соответствует одному из видов רֵזְזֹבֵב, использовавшихся в пищу и упомянутых в Мишне.

Остальные известные нам древнегреческие тексты, где встречается слово ὕσσωπος созданы позднее III века до Р.Х. Следовательно, они не релевантны для целей нашей работы, так как мы не можем однозначно исключить влияние Септуагинты на эти тексты.

Таким образом, изучение древнегреческих текстов V-IV веков до Р.Х. позволяет утверждать, что слово ὕσσωπος существовало в греческом лексиконе до начала перевода Ветхозаветных книг на греческий язык. Учитывая точку зрения современных лингвистов, считающих ὕσσωπος семитизмом, можно заключить, что это слово было заимствовано из какого-либо семитского языка и вошло в обиход не позже V века до Р.Х. Его значение можно понять из контекста: ὕσσωπος – это некое растение, которое использовалось в очистительных ритуалах (возможно, как метелка или кропило), а также применялось в Переднеазиатской кухне как пряность или приправа. К сожалению, имеющиеся тексты не позволяют точно идентифицировать ботаническую принадлежность ὕσσωπος. Удивительное сходство

использования ὄσωντος в греческой культуре с использованием רֵזֹבֶב в еврейской, быть может, послужило веским основанием для выбора создателями Септуагинты именно этого варианта перевода. Можно заключить, что имеющиеся данные не отвергают, а, напротив, косвенно подтверждают основную гипотезу о ботанической принадлежности רֵזֹבֶב = *Origanum syriacum*, которая строится в значительной степени на ритуальных и кулинарных традициях.

4.2.8. Этимология фитонима רֵזֹבֶב.

Пожалуй, единственной за последние сто лет научной работой, где детально рассматриваются различные точки зрения об этимологии древнееврейского фитонима רֵזֹבֶב, следует считать монографию И. Лёу «Die Flora der Juden» (Löw, 1924-1934). Во всех известных нам последующих публикациях по данной тематике никаких новых фактов на этот счет не приводится.

Первой среди гипотез о возможном значении слова רֵזֹבֶב Лёу (там же, В. 2, S. 84) приводит точку зрения Гезениуса, изложенную в его «Тезаурусе» (Gesenius, 1835), согласно которой רֵזֹבֶב связано с арабским словом 'azab pilosus «покрытый волосками», «волосистый». Иная точка зрения принадлежит Дитриху (Dietrich, цит. по Löw, 1924-1934, В. 2, S. 85), который связывает древнееврейское רֵזֹבֶב с арабским словом, означающим «маленький», «карликовый», «карликовый куст». Рассматривая различные гипотезы о происхождении фитонима רֵזֹבֶב, Лёу не делает однозначного вывода об их достоверности.

Как видно, две основные гипотезы, приведенные Лёу, не противоречат представлению о библейском иссопе как о душице сирийской. Эпитеты «покрытый волосками», «волосистый», «маленький», «карликовый», «карликовый куст» вполне могут выступать в качестве характеристик *Origanum syriacum*. При этом, те же самые эпитеты могут характеризовать и многие другие растения Палестины. В целом, нет никаких оснований считать, что у всех без исключения древнееврейских фитонимов существует внятная этимология.

Важно отметить, что в рассуждениях Лёу эти гипотезы играют лишь вспомогательную роль при попытке определить ботаническую принадлежность фитонима רֵזֹבֶב. Тогда как ключевая аргументация Лёу в пользу точки зрения רֵזֹבֶב = *Origanum* строится также, как и у большинства современных исследователей (см. раздел 4.2.2), на еврейской ритуальной и кулинарной традиции, зафиксированной в постбиблейской литературе.

4.3. Примеры применения различных научных методов для идентификации растений Библии. Пример 2. Ботаническая идентификация древнееврейского фитонима *boṭnîm* «фисташка».

4.3.1. Фитоним *boṭnîm* в книге Бытия. Анализ контекста.

Древнееврейское слово *boṭnîm*, которое передается в Синодальном русском переводе как *фисташки*, встречается во всем корпусе книг Ветхого Завета всего один раз. Этот факт крайне затрудняет идентификацию ботанической принадлежности этого фитонима, так как не позволяет в полной мере воспользоваться контекстом.

Единственное вхождение этого слова мы встречаем в книге Бытия (43:11) в повествовании о том, как Иаков-Израиль отправляет своих сыновей в Египет и велит им отнести в дар Иосифу *плоды земли* Израильской.

Бытие 43:11

wayyôḇmer ʾălêhem yisrāʾel ʾābîhem ʾim-kēn ʾēpôʾ zôṭ ʿāšû qəḥû mizzimraṭ hāʾāreṣ biqlêkem wəhōrîdû lāʾîš minḥā^h məʿaṭ ṣōrî ûməʿaṭ dəḃaš nəḳōṭ wālōṭ boṭnîm ûšəqēdîm

Израиль, отец их, сказал им: если так, то вот что сделайте: возьмите с собою плодов земли сей и отнесите в дар тому человеку несколько бальзама и несколько меду, стираксы и ладану, фисташков и миндальных орехов;

Среди *плодов земли* перечислены как благовония (*məʿaṭ ṣōrî, nəḳōṭ, lōṭ*), так и пищевые продукты (*dəḃaš, šəqēdîm*), к которым обычно и относят слово *boṭnîm*. Очевидно, что сам контекст цитаты не позволяет сделать даже приблизительный вывод о том, каким именно из *плодов земли* являются *boṭnîm*.

Важно отметить также, что выражением *плоды земли* в Синодальном переводе книги Бытия передается уникальное для всего корпуса книг Ветхого Завета древнееврейское словосочетание *zimraṭ hāʾāreṣ*. Перевод слова *zimraṭ* (абсолютная форма *zimirâ*) как *плоды* не является очевидным. Авторы в выборе этого перевода, по-видимому, ориентируются (через славянский перевод) на Септуагинту, где мы встречаем в данном стихе τῶν καρπῶν τῆς γῆς. «плодов земли». Можно предположить, что за греческим переводом скрывается попытка попросту поставить какое-то осмысленное словосочетание на место непонятого уникального выражения *zimraṭ hāʾāreṣ*.

В Вульгате *zimraṭ hāʾāreṣ* передается как *optimis terrae fructibus* «лучшими плодами

земли». По этому же пути идут создатели Библии короля Иакова и Библии Лютера, в которых мы видим соответственно – *the best fruits in the land* и *des Landes besten Früchten*, такое же понимание рассматриваемого выражения встречается в таргуме Неофити. Такое понимание слова *zimraṭ* возможно, возникло (Sarna, 1989, p. 299) при рассмотрении его в качестве производного от корня ZMR, значение которого связано с понятиями «песня, музыка, мелодия», т.е. в данном случае – «нечто, воспеваемое в песнях». Такая связь эксплицитно прослеживается в таргуме Онкелоса (מִדְּמִשְׁבָּה בְּאַרְעָא «из того, что прославляется в стране»). С этим же корнем ZMR связывает слово *zimraṭ* Ибн-Эзра. Раши формулирует значение этих слов следующим образом: «то, что встречаются песней, когда оно приходит в мир».

Однако большинство современных комментаторов (Alter, 1996, p. 253; Sarna, 1989, p. 299; Wenham, 1994) склонны рассматривать *zimraṭ*, как производное от семитского корня DMR, связанного с понятиями «мощь, сила». Этот корень мы встречаем в Исх. 15:2, Ис. 12:2, Пс. 118:14 и др., а также он широко представлен в других древних семитских языках, например, угаритском и аккадском. В таком случае слово *zimraṭ* в Быт. 43:11 схоже по своему значению с *kôaḥ* в Быт. 4:12 (*когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя*). Интересно, что и при такой этимологии значение слова *zimraṭ* оказывается таким же, как у блж. Иеронима, Лютера и в Библии короля Иакова.

Альтер (Alter, 1996) также указывает, что *zimraṭ* может быть связано со словом *zemoḡaḥ* «ветка, росток».

Все три рассмотренные варианта этимологии *zimraṭ* говорят в пользу того, что список товаров, отправляемых Иаковом в Египет в Быт. 43:11, по представлению автора повествования, представляет собой нечто очень ценное для жителей Палестины, нечто, чем славится земля, что составляет радость, силу, гордость этого региона.

Можно предположить, что этот список *плодов земли* отражает некие представления древнего бытописателя о том, какие продукты могли экспортироваться из Палестины в Египет во времена патриархов. Возможно, этот список фиксирует некую реальную картину торгово-экономических отношений Египта и Палестины времен формирования древнего текста. В таком случае, в этом списке должны быть лишь те продукты, которыми в определенную историческую эпоху была богата Палестина и которые были не характерны в то время для Египта. Однако такое предположение может служить лишь вспомогательным аргументом при определении ботанической принадлежности *boṭnîm*.

Некоторые комментаторы (Alter, 1996, p. 253; Turner, 2009, p. 190) указывают на явную связь рассматриваемого нами списка *плодов земли* из Быт. 43:11 со списком пряностей, которые везли Измаильтяне на верблюдах из Галаада в Египет, в повествовании о продаже Иосифа в

рабство (Быт. 37:25).

И сели они есть хлеб, и, взглянув, увидели, вот, идет из Галаада караван Измаильтян, и верблюды их несут стираксу, бальзам и ладан: идут они отвезти это в Египет.

Все три пряности (נֶאֱכֹרֹת וְשֶׁרִי וְוָלֹת), упомянутые в этом стихе встречаются и в списке *плодов земли* в Быт. 43:11. Однако комментаторы (Alter, 1996, p. 253; Turner, 2009, p. 190) рассматривают эту связь двух стихов из завязки и развязки истории про Иосифа исключительно в отношении единства всей сюжетной линии, не делая текстологических или естественнонаучных выводов. Тем не менее, для определения ботанической принадлежности *בוֹתְנִים* эта связь двух стихов, на наш взгляд, имеет определенное значение. Если древний автор или редактор книги Бытия намеренно унифицировал оба списка для усиления связи двух эпизодов, то чем вызваны различия в этих списках? Какой из двух списков в таком случае является исходным?

Товары (נֶאֱכֹרֹת וְשֶׁרִי וְוָלֹת), упомянутые в обоих списках, нельзя однозначно идентифицировать (см. напр. Musselman, 2011, p. 80, 89, 91). Для каждого из них существует несколько гипотез относительно их ботанической принадлежности (различные виды ладанника *Cistus* spp., астрагала *Astragalus* spp., мастиковое дерево *Pistacia lentiscus* и др.), что не позволяет уверенно говорить об их палестинском происхождении. Значение двух слов из списка *плодов земли* (Быт. 43:11) *dəḇaš* и *šəqēdīm* «мед» и «миндаль» не подвергается сомнению исследователями. Однако относительно меда принято рассматривать гипотезу о том, что в данном случае речь идет не о пчелином меде, а о фруктовой патоке, так как, по-видимому, древние израильтяне не знали пчеловодства, тогда как в древнем Египте оно было развито. Что касается *šəqēdīm* «миндаль», то это слово встречается в еврейской Библии многократно, но гораздо чаще в отношении цветов или побегов миндаля, а не его плодов. В данном же случае речь идет явно о миндальных орехах. Современные данные говорят о том, что миндаль был одомашнен на Ближнем Востоке одним из первых среди плодовых деревьев (в эпоху ранней бронзы) и, по-видимому, экспортировался в Египет, о чем свидетельствуют находки плодов миндаля в древнеегипетских гробницах (Zohary, Hopf, 2000; Ladizinsky, 1999). Эти сведения вполне согласуются с библейским повествованием и говорят о том, что в Быт. 43:11 вполне могут быть перечислены именно *плоды земли* Древнего Израиля.

Таким образом, анализ контекста сам по себе не позволяет дать определение ботанической принадлежности *בוֹתְנִים*, однако может послужить в качестве дополнительных аргументов в пользу того или иного предположения. При выборе из нескольких гипотез

контекст будет свидетельствовать в пользу той из них, которая будет предлагать в качестве значения *boṭnîm* некий продукт растительного происхождения, экспортировавшийся из Палестины в Египет.

4.3.2. Еврейская традиция идентификации фитонима *boṭnîm*.

В классических средневековых еврейских комментариях на книгу Бытия также делается попытка идентифицировать ботаническую реалию, скрывающуюся за древним фитонимом *boṭnîm*.

Ибн-Эзра, отмечая, что слово *boṭnîm* употребляется в Писании лишь единственный раз, пишет следующее: «некоторые утверждают, что это орехи». Раши прямо говорит, что не знает, что означает слово *boṭnîm*. Однако, по словам этого автора, «в алфавитном толковнике рабби Махира» он нашел слово «фисташки (пустациос)». Возможно, именно Раши своим упоминанием фисташек положил начало традиции такой интерпретации *boṭnîm*. Однако сам Раши заключает: «мне кажется, что это персики (афарсеким)» (цит. по Классические библейские комментарии, 2010, с. 597).

Как видно, средневековые иудейские ученые не имели единого мнения относительно ботанической принадлежности *boṭnîm*. Очевидно, что для них это древнееврейское слово не ассоциировалось ни с какой близкой им реалией. Указанные комментаторы, скорее, гадают и пересказывают мнения других людей, нежели утверждают какой-то собственный вариант значения этого фитонима. Таким образом, в отличие от проблемы ботанической идентификации слова *ʿēzôḇ* (см. раздел 4.2.2), работы средневековых еврейских комментаторов не приносят ясности в вопрос о *boṭnîm*.

4.3.3. Древние и современные переводы фитонима *boṭnîm*.

Древние переводы – Септуагинта и Вульгата – согласуются друг с другом в передаче древнееврейского фитонима *boṭnîm* как теревинф *τερέμινθος terebinthus*. Греческому тексту, очевидно, следует и славянский перевод, в котором мы встречаем **ТѢРѢВІНОУЪ**.

Теревинф или терebinт (греч. *τερέμινθος* лат. *terebinthus*, англ. *terebinth*) – общее традиционное, используемое с древних времен, название группы близкородственных средиземноморских древесных пород, отнесенных учеными нового времени к ботаническому роду Фисташка *Pistacia*. В западном Средиземноморье широко распространен собственно теревинф или терпентинное дерево (*Pistacia terebinthus*), а в восточном (в т.ч. в Палестине) – это фисташка атлантическая (*Pistacia atlantica*) и фисташка палестинская (*Pistacia*

palaestina). Эти виды (фисташки атлантическая и палестинская, т.е. теревинфы) встречаются в Палестине в диком виде и являются важнейшими элементами природной флоры этого региона. В противоположность им собственно фисташка или фисташка настоящая (*Pistacia vera*, англ. pistachio) в Палестине встречается лишь в культурных насаждениях. Основная цель культивирования фисташки настоящей – вкусные и питательные плоды, тогда как плоды теревинфов значительно уступают, как по вкусовым качествам, так и по удобству их использования (скорлупа плохо раскрывается). Тем не менее, до сих пор местные жители изредка используют в пищу плоды диких теревинфов. Предположение о том, что греческое слово *τερέμινθος* могло относиться и к фисташке настоящей, а не только к собственно теревинфам или диким ближневосточным представителям рода *Pistacia*, не находит своего подтверждения в древнегреческой ботанической литературе. Так, например, Теофраст в «Исследовании о растениях» Теофраст (Феофраст, 2005, с. 33, 67, 140) неоднократно упоминает *τερέμινθος* и описывает ряд свойств этого растения, но при этом ни разу не говорит об употреблении в пищу его плодов. Во избежание путаницы мы в дальнейшем будем называть «фисташкой» только лишь собственно фисташку настоящую, а диких ближневосточных представителей этого же рода – «теревинфами».

Стоит заметить, что в двух ключевых европейских переводах XVI-XVII веков – Библии Лютера и Библии Короля Иакова – *boṭnîm* также не переводится, как «фисташка». В Лютеровской Библии древнееврейский фитоним переводится как Datteln «финики». Это понимание слова *boṭnîm*, по-видимому, уникально, и нам достоверно не известно, на чем именно основывались в данном случае авторы немецкого перевода. Библия Короля Иакова переводит *boṭnîm* обобщенным термином *nuts* «орехи», возможно, базируясь на комментарии Ибн-Эзры. Европейские переводы XX века как раз, напротив, практически единогласно переводят *boṭnîm* как «фисташки» («*pistachio*» «*pistachio nuts*»).

Таким образом, анализ древних и современных переводов свидетельствует в пользу достаточно позднего возникновения понимания *boṭnîm* как плодов фисташки настоящей. Древнейшие переводы (Септуагинта, Вульгата) поддерживают точку зрения о *boṭnîm*, как о теревинфе.

4.3.4. Параллели из других семитских языков. Этимология фитонима *boṭnîm*.

В качестве ключа к пониманию библейского фитонима *boṭnîm* зачастую рассматриваются параллели из других семитских языков. Аккадской параллелью к древнееврейскому *boṭnîm* являются фитонимы ***buṭnu***, ***buṭumtu***, детально рассмотренные в монографии М. Штоля (Stol, 1979, цит. по Kogan, 2012) и в словаре аккадской ботанической

лексики Л.Е. Когана (Kogan, 2012, p. 236-238). Оба автора основной проблемой ботанической идентификации этих аккадских фитонимов считают дилемму между «теревинфом» (*Pistacia atlantica* или *Pistacia palaestina*) или «фисташкой» (*Pistacia vera*). Мнение М. Штоля не поддерживается фон Зоденом (von Soden, 1995, цит. по Kogan, 2012), предложившим рассматривать *buṭnu* и *buṭumtu*, как равноценные обобщенные термины для обозначения как теревинфа, так и культурной фисташки. С другой стороны, Штоль считает искусственным разграничение значений *buṭnu* – «теревинф» и *buṭumtu* «фисташка», сделанное авторами CAD (The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute, the University of Chicago, Chicago, 1956–). По мнению М. Штоля, все фонологические и морфологические варианты данных слов в аккадском языке относятся только к теревинфу, а не к фисташке настоящей. Это же мнение поддерживает Л.Е. Коган (Kogan, 2012, p. 236-238). Эти авторитетные мнения специалистов дают нам веские основания для такого же понимания древнееврейского фитонима *boṭnîm*. Современное традиционное арабское название ближневосточных теревинфов *buṭm* также свидетельствует, скорее, в пользу понимания библейского *boṭnîm*, как теревинфа, а не как фисташки настоящей (словарь, Zohary, 1982, p. 65).

4.3.5. История введения в культуру фисташки настоящей в Древнем мире.

В настоящее время не существует единого мнения специалистов о том, в каком конкретном географическом регионе и в какую именно историческую эпоху произошло одомашнивание фисташки настоящей. Разнятся мнения ученых и о времени появления культурной фисташки в Сирии и Палестине. Существует несколько причин такого состояния данного вопроса. Во-первых, трудно определить однозначно, какие современные популяции фисташки настоящей являются подлинно природными, а какие – возникли в результате культивирования в прошлом. Такая проблема в той или иной степени существует при определении географических центров окультуривания практически всех растений, которые были одомашнены в глубокой древности. В настоящее время фисташка широко культивируется по всему Средиземноморью, в том числе и на Ближнем Востоке (Aubaile, 2012, p. 7). Обилие фисташковых плантаций в Сирии позволило некоторым современным исследователям согласиться с мнением древних ученых (Жуковский, 1964, с. 582) о том, что родиной культурной фисташки является Ближний Восток (Elzebroek, 2008, p. 120). Некоторые авторы в качестве дополнительного аргумента в поддержку этой гипотезы приводят факт о том, что в современной Сирии, в районе города Алеппо, расположены самые значительные плантации культурной фисташки на всем Ближнем Востоке (Musselman, 2011, p. 114). Кроме того, в сирийском диалекте арабского языка плоды фисташки называют «орехи

из Алеппо», что, по мнению этих авторов, может указывать на древнюю культуру фисташки настоящей на Ближнем Востоке. Однако беспристрастный исследователь заметит, что подобной аргументации явно недостаточно для утверждения того, что фисташка настоящая была одомашнена именно на Ближнем Востоке и что ее культура в этом регионе древнее времени написания книги Бытия. Заметим, что книга Бытия даже с точки зрения исследователей, стоящих на позиции крайнего минимализма, была завершена к эпохе Александра Македонского.

В последние десятилетия все более активно разрабатывается гипотеза о центрально-азиатском происхождении культурной фисташки (Al-Saghir, 2009; Aubaile, 2012; Zohary, 1996; Zohary & Hopf, 2012). На наш взгляд, гипотеза эта выглядит более убедительно, нежели вышеописанная. Так, многие современные ученые приходят к выводу о том, что именно в Центральной Азии (север Ирана и Афганистана, а также отдельные районы среднеазиатских республик бывшего СССР) сохраняются подлинно природные популяции фисташки настоящей, тогда как на Ближнем Востоке произрастают лишь ранее одомашненные формы (Жуковский, 1964, с. 581; Zohary & Feinbrun-Dothan, 1966-1987, vol. 2, p. 436-439; Zohary, Hopf, Weiss, 2012, p. 151-152). Об этом свидетельствуют, в первую очередь, особенности строения плодов у представителей предположительно нативных популяций из Центральной Азии. Орехи этих растений мельче и обладают более толстой скорлупой, чем у культурных форм, хотя они также съедобны и охотно собираются местными жителями для употребления в пищу (Zohary, Hopf, Weiss, 2012, p. 151).

М. Зохари с соавторами (Zohary, Hopf, Weiss, 2012, p. 152) также отмечают, что современная культура фисташки настоящей практически полностью зависит от прививок. Именно с помощью прививок черенков на растения диких форм и даже на растения других видов фисташек размножаются в большинстве стран культурные сорта фисташки. Причем нередко такие прививки осуществляют уже на взрослые деревья прямо в их природных местообитаниях. Учитывая, что прививка, как агротехнический прием, появляется относительно поздно в истории окультуривания растений (первые упоминания у Теофраста – IV век до Р.Х.), также можно заключить, что культура фисташки возникает не ранее середины первого тысячелетия до Р.Х.

Вторая трудность в определении географического центра одомашнивания фисташки настоящей заключается в том, что археологические данные, даже в виде непосредственных артефактов растительного происхождения (например, скорлупа плодов), не являются абсолютным доказательством культивирования в этом регионе фисташки. Очевидно, что эти артефакты могут рассматриваться не только как свидетельство собственно выращивания фисташки человеком, но и как факт сбора урожая с диких растений. А, кроме того, как

справедливо указывает Н.Ф. Миллер (Miller, 2011, p. 5), даже в древнем мире, за два-три тысячелетия до Р.Х., между отдельными этническими группами существовали довольно обширные торгово-экономические связи. И нет никакой гарантии, что тот или иной артефакт не является результатом импорта этого продукта из другого региона. Н.Ф. Миллер (Miller, 2011, p. 5) приводит в качестве примера остатки фисташек, обнаруженные Лоренцо Костанини (Lorenzo Costantini) в слоях пятого тысячелетия до РХ в Южном Иране (Тере Яаһуа). Миллер считает, что эти находки свидетельствуют лишь о торговых связях с северными районами современного Ирана, а вовсе не о культивировании фисташки в регионе. По мнению Миллера, об этом говорит отсутствие в настоящее время диких популяций фисташки настоящей в южном Иране. А также автор принимает во внимание тот факт, что культивирование древесных пород в столь раннюю эпоху только зарождалось, в целом же плодовые сады получают свое развитие не раньше третьего тысячелетия до Р.Х. (Zohary & Spiegel-Roy, 1975).

Наиболее ранними археологическими находками фисташки культурной следует считать, по-видимому, остатки плодов из Узбекистана (Djarkutan – Miller, 1999) и из Ирана (Тере Яаһуа – Costantini, 1985), относимые к позднему неолиту и ранней бронзе. Однако сделать окончательный вывод, являются ли эти находки результатом сбора плодов дикой фисташки или культивирования домашней, не представляется возможным. Что касается Средиземноморья, то на данный момент не существует убедительных археологических свидетельств о культивировании в этом регионе фисташки настоящей до начала нашей эры. Некоторые авторы (например, Duke, 2007, p. 343) принимают во внимание находки плодов фисташек (половинки скорлупок) из позднего неолита Греции (Sesklo – Renfrew, 1973, цит. по Duke, 2007), а также из бронзы Греции (Kastanas – Kroll, 1984, цит. по Duke, 2007). Зохари и соавторы (Zohary, Hopf, Weiss, 2012, p. 152) склонны считать обе находки сомнительными, возможно, в реальности являющимися включениями из более поздних археологических слоев. Авторы соглашаются с мнением Буттнера (Buttner, 2001, p. 1057) о том, что культурная фисташка была интродуцирована в Средиземноморье при императоре Тиберии, т.е. в I в. по Р.Х. Точку зрения об интродукции культурной фисташки в Средиземноморье в эпоху Римской империи на рубеже первого тысячелетия поддерживают также Аль-Сагхир (Al-Saghir, 2009) и Крэйн (Crane, 1978, цит. по Al-Saghir, 2009). Штоль (Stol, 1979), следуя гипотезе Б. Хена и О. Шрэдера (Hehn & Schrader, 1902, S. 423-424), считает, что культурная фисташка появилась на Ближнем Востоке не раньше завоеваний Александра Македонского (IV в. до Р.Х.)

Следует обратить внимание на упоминание Найджелом Хеппером найденных при раскопках Лахиша скорлупок фисташки палестинской (Nigel Hepper, 1992, p. 122), природного ближневосточного вида. Находки эти датируются ранней бронзой, что

свидетельствует о том, что плоды фисташки палестинской использовались в пищу в древней Палестине, по-видимому, до появления там культурной фисташки. Найджел Хеппер отмечает, что Лахиш расположен близ долины, носящей название *elah*, т.е. дикой фисташки или теревинфа, что хорошо согласуется с археологическими находками плодов этого растения. Плоды диких ближневосточных фисташек и по настоящий момент продаются на арабских рынках в Сирии и Палестине в качестве продукта питания, несмотря на их невысокие вкусовые качества и неудобство вскрывания орешков.

Определенную ясность в рассматриваемую проблему могут внести молекулярно-генетические исследования различных сортов, форм и видов рода Фисташка. Современный уровень подобного рода исследований позволяет проследить родственные взаимосвязи различных популяций и таксонов живых организмов, реконструировать эволюционные пути происхождения тех или иных форм, строить гипотезы о миграциях диких и культурных растений. За последние два десятилетия было выполнено значительное число работ по биохимии и геносистематике рода фисташка (Al-Saghir, 2009; Al-Sousli 2014; Chahed, 2008).

Особый интерес для нас представляют данные, полученные Дж. Хормазом с коллегами (Normaza et al., 1994) на основании изучения ДНК 15 современных сортов фисташки настоящей из различных пунктов интродукции: от центральной Азии до Северной Америки. В Старом Свете авторы выявили наличие двух крупных кластеров родственных сортов: средиземноморский кластер, охватывающий южную Европу, Ближний Восток и Северную Африку, а также Ирано-Каспийский кластер, объединивший сорта, выращиваемые восточнее гор Загрос. Сорта, входящие в один кластер, имеют, по мнению авторов (Normaza et al., 1994) общее происхождение. Более того, согласно полученным сведениям, распространение культуры фисташки настоящей шло по направлению из Центральной Азии к Ближнему Востоку. А уже ближневосточные сорта дали начало всем остальным средиземноморским одомашненным формам фисташки. Заметим, что эти данные, полученные независимо от археологических также свидетельствуют в пользу вторичного, а следовательно, сравнительно позднего появления культурной фисташки на Ближнем Востоке. В статье Маджида Талеби с соавторами (Majid Talebi et al., 2012) на основании также молекулярно-генетических данных делается вывод о том, что одомашненные формы фисташки настоящей происходят из Центральной Азии, а именно из аридных районов на границе Ирана и Туркмении.

Таким образом, на основании результатов археологических изысканий, с одной стороны, а также естественнонаучных исследований, с другой, можно говорить о том, что культура фисташки настоящей в Сирии и Палестине вторична по отношению к таковой в Центральной Азии. По-видимому, одомашнивание фисташки происходило в районах ее естественного произрастания в Центральной Азии, а уж затем культура распространилась и в

страны Ближнего Востока, а оттуда и в остальное Средиземноморье. Достоверные данные о культивировании фисташки настоящей в Палестине до античного времени отсутствуют. Однако можно уверенно говорить об использовании в пищу на Ближнем Востоке плодов природных видов фисташки (преимущественно фисташки атлантической) с эпохи ранней бронзы. Следовательно, рассмотренный комплекс разносторонних данных не поддерживает идентификацию древнееврейского фитонима *boṭnîm* как фисташку настоящую.

* * *

Итак, на данный момент существует две практически равноценные гипотезы о ботанической идентификации древнееврейского наименования *boṭnîm*. Первая гипотеза: *boṭnîm* – это теревинф (общее наименование для диких видов фисташек, обитающих в Палестине); вторая: *boṭnîm* – это одомашненная фисташка настоящая *Pistacia vera*. Археологические и ботанические данные довольно убедительно свидетельствуют в пользу первой гипотезы (*boṭnîm* = теревинф).

4.4. Оценка методов идентификации растений Библии.

Итак, в предыдущих разделах мы рассмотрели на примере двух древнееврейских фитонимов различные методы определения их ботанической принадлежности. Как видно, для разных случаев наиболее эффективными могут оказываться разные методы. Ниже в форме таблицы мы приводим результаты применения основных методов в работе над выяснением ботанической принадлежности *ʿēzôḇ* и *boṭnîm*.

Знак «плюс» означает, что метод оказался применимым и сыграл определяющую роль в формулировке основной гипотезы о ботанической принадлежности фитонима.

Знак «плюс - минус» указывает на то, что метод оказался применимым, но сыграл лишь вспомогательную роль в формулировке гипотезы о ботанической принадлежности фитонима.

Знак «минус» означает, что метод в данной ситуации не сработал, т.е. не дает нам никаких дополнительных аргументов при анализе ботанической принадлежности фитонима.

Таблица 3. Значение различных методов при анализе ботанической принадлежности фитонимов *ʿēzôḇ* и *boṭnîm*.

	<i>ʿēzôḇ</i>	<i>boṭnîm</i>
Оценка контекста	+— 10 вхождений Признаки растения: небольшие размеры, растёт на стенах, «дерево».	+— 1 вхождение Продукт экспорта из Палестины в Египет.

Еврейская традиция	+	упоминание в Мишне, мнение средневековых еврейских ученых (Маймонида, Саадия Гаона).	+—	упоминание у Ибн-Эзры – «орехи», у Раши – «персики» и мнение Рабби Махира – «фисташки».
Древние переводы	+—	LXX ὕσσωπος – с V в. до Р.Х. в греческой кулинарии и ритуалах VUL hysopus – «калька» с LXX	+—	LXX τερέμινθος теревинф VUL terebinthus теревинф
Этимология, лингвистика.	+—	возможные этимологии – «волосатый», «карликовый» и др.	+	аккадские, угаритские, арабские параллели
Археология, этнография	+	использование современными общинами самаритян, сходство системы современных арабских наименований пряных трав	+	археологические находки скорлупок диких фисташек и фисташки настоящей
Ботаника	+	наличие/отсутствие во флоре Палестины, исследования химического состава ароматических веществ.	+	вопрос о природных популяциях фисташки настоящей в центральной Азии, молекулярно-генетические исследования путей продвижения культуры фисташки настоящей

В случае работы с фитонимом ʔēzōḅ в той или иной степени оказались применимыми все шесть рассмотренных методов исследования. Приоритетная современная гипотеза о ботанической принадлежности ʔēzōḅ (ʔēzōḅ = *Origanum syriacum*) базируется на комплексе из трех групп аргументов: еврейской традиции, этнографии, биохимических исследованиях, что в сумме выглядит весьма убедительно, несмотря на относительно зыбкий характер фактов, взятых по отдельности. «Лингвистический метод» и анализ древнего греческого перевода в случае ʔēzōḅ играют лишь вспомогательную роль. Их результаты не позволяют предложить самостоятельные гипотезы о ботанической принадлежности ʔēzōḅ, а лишь косвенно подтверждают уже существующую приоритетную гипотезу. Наличие нескольких контекстов дает возможность сделать определенные выводы о признаках растения ʔēzōḅ. Однако наиболее убедительная гипотеза (ʔēzōḅ = *Origanum syriacum*) не в полной мере подтверждается контекстом, что требует либо реинтерпретации текстов, либо отказа от гипотезы.

Как видно из таблицы, в случае фитонима boṭnîm также все шесть методов могут быть применимы для определения его ботанической принадлежности. Однако в данном случае, в отличие от ʔēzōḅ, ключевую роль в формировании приоритетных гипотез (boṭnîm = *Pistacia*

vera или בוֹטְנִים = *Pistacia* spp. - теревинф - природные палестинские виды) играет именно «лингвистический метод». Кроме него, существенный вклад в понимание значения בוֹטְנִים вносят данные археологических и ботанико-географических исследований. Еврейскую традицию, как и анализ переводов, в данном случае можно рассматривать лишь в качестве дополнительных аргументов. То же самое можно сказать здесь и об анализе контекстов, так как в отличие от עֵזֶבֶב, фитоним בוֹטְנִים встречается во всем корпусе еврейской Библии лишь единственный раз, а сам контекст не позволяет сделать практически никаких заключений относительно растения בוֹטְנִים.

Таким образом, при сравнении двух ситуаций становится видно, что при формировании гипотез относительно ботанической принадлежности того или иного древнего фитонима каждый из рассмотренных методов может играть разную роль.

Роль **анализа контекстов** зависит, в первую очередь, от числа вхождений данного фитонима в корпусе библейских текстов, а также от разнообразия контекстов, их жанра и степени реалистичности. Чем больше число вхождений данного фитонима, чем разнообразнее контексты, чем ближе они к летописно-историческому повествованию или утилитарно-практическим текстам, тем больше информации о той ботанической реалии, которая «скрывается» за фитонимом, может получить исследователь. Следовательно, роль анализа контекста минимальна в случае *harax legomenon* и максимальна в случае частотных фитонимов.

В двух рассмотренных ситуациях изучение **еврейской традиции** сыграло разную роль при определении значения древнего фитонима. В случае עֵזֶבֶב эта роль одна из ключевых, а в случае בוֹטְנִים, скорее, вспомогательная. Эта разница определяется, в первую очередь, тем, что именно в пост-библейских еврейских текстах прослеживается связь עֵזֶבֶב с арабским наименованием *za'tar*, которое употребляется и по сей день. А кроме того, мы имеем целый комплекс текстов из разных эпох (от Мишны до Маймонида - см. раздел 4.2.2), где упоминается этот фитоним, что позволяет проследить живую традицию с эпохи, близкой ко времени формирования библейского корпуса. Важно отметить, что эта традиция сохранялась, в том числе, благодаря тому, что עֵזֶבֶב – неотъемлемая часть целого ряда религиозных ритуалов иудеев. В случае בוֹטְנִים мы имеем лишь ряд разнородных предположений, высказанных иудейскими комментаторами книги Бытия в эпоху Средневековья. Причем, эти предположения высказывались с определенным сомнением, в качестве своего рода гипотез. Таким образом, для оценки роли пост-библейских текстов иудейской традиции при выявлении значения древних фитонимов необходимо учитывать как многообразие этих текстов, так и время их написания. Чем больше текстов содержит

упоминание фитонима и чем хронологически ближе эти тексты к библейской эпохе, тем убедительнее аргументация в пользу данной гипотезы.

Анализ переводов для решения проблем древних фитонимов имеет, скорее, вспомогательное значение. Так, в случае ʔēzôḅ лишь анализ древнегреческого перевода дает дополнительные косвенные аргументы в пользу основной гипотезы, тогда как более поздний перевод на латинский язык копирует греческий вариант передачи слова ʔēzôḅ . В случае boṭnîm рассмотренные нами переводы являются по сути трактовками. Два ключевых древних перевода Библии (Септуагинта и Вульгата) передают древнееврейское boṭnîm , как теревинф, т.е. дикую фисташку. Более поздние европейские переводы понимают boṭnîm , как «орехи», «финики», «фисташки». Заметим, что сравнительная ценность разных переводов для целей нашей работы не одинакова. Она определяется, в первую очередь, хронологической близостью перевода ко времени формирования самих оригинальных древнееврейских текстов. Так, Септуагинта и Вульгата доносят до нас понимание библейского фитонима в последние столетия до Р.Х. и на рубеже IV – V веков по Р.Х., соответственно. А, следовательно, эти переводы в большей степени сохраняют представления о фитонимах эпохи написания Ветхого Завета. С другой стороны, переводы эпохи Возрождения, как и версии Священного Писания XIX-XX веков не могут рассматриваться в качестве самостоятельных источников информации о значении фитонимов.

Роль «**лингвистического метода**» в работе исследователя библейской флоры трудно переоценить. Однако, как видно из наших двух примеров (ʔēzôḅ и boṭnîm), роль данного метода может сильно разниться в случае разных фитонимов. Так, на данный момент не существует общепризнанного представления об этимологии слова ʔēzôḅ . В связи с этим, «лингвистический метод» в работе по выявлению ботанической принадлежности фитонима ʔēzôḅ на данный момент играет лишь вспомогательную роль, тогда как в случае boṭnîm его роль более существенна. Очевидно, что наличие параллелей в других семитских языках, а также число упоминаний и характер текстов, в которых встречаются эти параллельные фитонимы, и определяют степень применимости и роль данного метода в определении ботанической принадлежности древнееврейских наименований растений.

Объединенные нами в один комплекс, результаты **археологических и этнографических** исследований, разумеется, не могут игнорироваться исследователями библейской флоры. В обоих рассмотренных нами примерах этот комплекс играет далеко не последнюю роль, однако в случае ʔēzôḅ – это исключительно данные этнографии, а в случае boṭnîm – археологии. Не смотря на это, их роль в определении ботанической

принадлежности רֶזְזֹבֶּ וְבוֹנִיָּם, на наш взгляд, вполне сравнима. В обоих случаях археологические и этнографические факты являются неким материальным, а потому очень убедительным, подтверждением приоритетной гипотезы.

Разумеется, попытки определить ботаническую принадлежность древних фитонимов невозможны без собственно **ботанических исследований**. Причем, в данном случае под «ботаническими» мы понимаем самый широкий спектр естественнонаучных дисциплин, изучающих растительный мир: от флористики до геносистематики, от спорово-пыльцевого анализа до фитохимии. Так, например, в случае רֶזְזֹבֶּ для его ботанической идентификации оказались релевантными данные флористики и фитохимии, а в случае בוֹנִיָּם – ключевую роль играет геносистематика рода фисташка. Результаты естественнонаучных исследований для целей подобной работы особенно важны, так как представляют собой комплекс данных, не зависящих от лингвистических и археологических.

Таким образом, **основными методами идентификации библейских фитонимов** следует признать: лингвистический, археологический и ботанический. Данные, полученные с помощью этих методов, на наш взгляд, представляют наибольшую ценность для целей подобной работы. Из рассмотренных нами методов противоположное место по степени достоверности и ценности результатов можно отдать анализу переводов. При этом, если результат изучения древних переводов (Септуагинта, Вульгата, Пешитта) может иметь некоторое самостоятельное значение для понимания содержания древнееврейского наименования, то переводы эпохи реформации и нового времени в отношении ботанической лексики либо копируют древние переводы, либо дают весьма вольную авторскую интерпретацию древнего фитонима, либо базируются на данных, полученных учеными своего времени с помощью иных методов. Что касается отдельно рассмотренного нами метода изучения еврейской традиции, который сыграл в обоих примерах далеко не последнюю роль, то по существу он не является самостоятельным методом. На наш взгляд, он объединяет как лингвистический метод, так и анализ переводов и этнографию, для которых в данном случае материалом для исследования служит весь комплекс пост-библейских текстов иудейской традиции. Следовательно, речь идет не столько о методе, сколько об особом материале исследования, который, безусловно, имеет большое значение для понимания библейской фитонимики. Вклад анализа контекста в идентификацию древних фитонимов в каждом конкретном случае индивидуален и, как мы уже отметили, напрямую зависит от числа вхождений исследуемого фитонима в библейском корпусе, а также от многообразия контекстов.

ГЛАВА 5. ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

5.1. Общие методологические рекомендации по идентификации растений Библии.

В предыдущей главе мы рассмотрели основные методы ботанической идентификации библейских фитонимов и попытались дать оценку относительному вкладу этих методов в решение вопроса о значении древнееврейских наименований растений Ветхого Завета. На основе этого в настоящем разделе мы обсудим возможные алгоритмы работы исследователя библейских фитонимов, а также предложим свои методологические рекомендации в данной области исследований. Наиболее трудным вопросом для исследователя библейской флоры остается проблема обоснованного выбора гипотезы о значении древнего фитонима в том случае, когда таких гипотез несколько и когда каждая из них методологически корректна и достаточно полноценно аргументирована.

Еще раз вернемся к детально рассмотренным нами примерам библейских фитонимов *ʔēzōḅ* и *boṭnîm* и кратко обрисует алгоритм работы с ними современных исследователей.

В случае *ʔēzōḅ* до середины XX века в специальной литературе существовала общепринятая традиция понимания этого фитонима как *Hyssopus officinalis*, тесно связанная с традицией переводов (все известные нам переводы на европейские языки с древности вплоть до XXI века дают перевод – кальку с греческого ὕσσωπος). Однако ученые, начиная с середины XX века на основе данных ботанических и этнографических исследований, а также анализа литературы еврейской традиции стали предлагать альтернативную гипотезу (*ʔēzōḅ* = *Origanum syriacum*). Внутренний комплекс разносторонних независимых друг от друга сведений сделал эту гипотезу более убедительной и заслуженно выдвинул ее на первое место. Но контекст одной из цитат (3 Царств 4:33) вошел в противоречие с этой гипотезой. Именно это противоречие мы и попытались снять в разделе 4.2.5.

Фабула исследований древнееврейского фитонима *boṭnîm* развивалась иначе. В отличие от *ʔēzōḅ*, в данном случае не существовало единой традиции понимания и перевода этого фитонима. Благодаря лингвистическим исследованиям (прежде всего – изучению параллелей в других древних семитских языках) во второй половине XX века имелось две практически равноценные гипотезы о ботанической принадлежности *boṭnîm*. Первая гипотеза: *boṭnîm* – это теревинф (общее наименование для диких видов фисташек, обитающих в Палестине); вторая: *boṭnîm* – это одомашненная фисташка настоящая *Pistacia vera*. Археологические и ботанические данные, полученные независимо от лингвистических, довольно убедительно свидетельствуют в пользу первой гипотезы (*boṭnîm* = теревинф). В

данном случае как анализ еврейской пост-библейской литературы, так и древних переводов Ветхого Завета, дает лишь косвенное подтверждение первой гипотезы. Единственное вхождение *boṭnîm* во всем корпусе Ветхого Завета в данной ситуации делает практически не применимым анализ контекстов. Таким образом, выбор первой гипотезы (*boṭnîm* = теревинф) в качестве основной представляется нам более аргументированным.

Даже из этих двух примеров видно, что не может быть какого-либо единого точного алгоритма для определения ботанической принадлежности древних фитонимов. Это связано, в первую очередь, с тем, что, как было показано выше, весь спектр описанных нами методов не может быть применим в одинаковой степени к каждому библейскому фитониму. Однако мы попытаемся описать некую общую схему работы с древними фитонимами, на которую можно было бы ориентироваться при подобных исследованиях.

Итак, в качестве **первого этапа** работы с каждым библейским фитонимом исследователю необходимо оценить потенциальную возможность применения, а затем применить каждый из описанных нами методов. Полученные в результате этого сведения будут служить основным материалом для разработки и выбора рабочих гипотез. Заметим, что каждый метод должен быть применен в максимальной степени с целью получить наиболее полные и достоверные факты. **Второй этап** должен заключаться в создании списка рабочих гипотез о ботанической принадлежности фитонима, полученных в результате применения описанных нами методов. Важно отметить, что наличие некой устоявшейся традиции понимания и перевода данного фитонима (как в случае с *ʿēzôḇ*) может рассматриваться также в качестве одной из рабочих гипотез, наравне с остальными. На **третьем этапе** каждая гипотеза в данном списке должна получить критическую оценку на предмет подтверждения/опровержения полученными фактами. На этом этапе важно учитывать выявленную нами сравнительную ценность методов исследования, а соответственно, фактов, полученных с их применением. Так, по нашему мнению, лингвистический, археологический и ботанический методы являются наиболее весомыми для целей подобной работы и образуют своего рода основную триаду. Так как сведения, полученные с помощью каждого из этих трех методов, носят независимый друг от друга характер, их консенсус можно рассматривать как показатель высокой степени достоверности гипотезы. Все остальные методы, на наш взгляд, являются дополнительными и могут служить для верификации гипотез, полученных с помощью трех основных методов. Причем, относительный вес анализа еврейской традиции и/или древних переводов выше, чем мнения авторов переводов нового времени. Анализ контекста также рассматривается нами в качестве дополнительного метода, относительный вес которого напрямую зависит от числа и многообразия контекстов. Иными словами, в случае большого числа многообразных контекстов их роль в верификации

рабочих гипотез возрастает. Таким образом, в конце третьего этапа исследователь должен произвести некую градацию и частичный отсев рабочих гипотез по степени их аргументированности. В результате должен быть получен список наиболее полно и разносторонне разработанных и аргументированных гипотез с оценкой сравнительной степени их достоверности.

По нашему мнению, именно такой список основных, максимально аргументированных, методологически корректных и критически оцененных гипотез о ботанической идентификации древнего фитонима и должен быть результатом работы ученого. Делать окончательный вывод о соответствии древнего фитонима какому-либо ботаническому таксону или группе таксонов будет, по нашему мнению, методологически не вполне корректно. Дело в том, что окончательное разрешение данной проблемы теоретически не достижимо. Даже чисто гипотетически не возможен такой эксперимент или метод, который бы мог абсолютно точно установить значение древнего фитонима. Поэтому исследователь должен максимально избегать субъективности в выборе той или иной гипотезы в качестве основной. Лишь в ситуации, когда одна из гипотез настолько далека от остальных по степени своей достоверности, что по сути находится вне конкуренции, исследователь может в финале своей работы остановиться на одной единственной гипотезе.

В целом же, в большинстве случаев ученый не может окончательно остановиться на одном единственном значении древнего фитонима. Гораздо чаще ученый оперирует набором гипотез. Поскольку переводчик не может всякий раз приводить в своем переводе весь спектр этих гипотез, то он вынужден, опираясь на имеющийся материал, брать окончательный выбор переводческого эквивалента на себя. Кроме того, такой выбор может быть удобен при создании популярных изданий для широкого круга читателей, а также при разработке наглядных материалов (стендов, табличек) для библейских садов.

5.2. Практические аспекты идентификации библейских фитонимов: рекомендации для переводчика.

В главе 2 нашей работы был детально рассмотрен комплекс проблем, возникающих при переводе библейских фитонимов на современные языки и, в частности, на русский язык. Среди проанализированных проблем имели место следующие: (1) непоследовательность перевода, (2) игнорирование современных научных данных, (3) перевод, вызывающий у читателя неверное восприятие древней реалии. Способ решения первой проблемы, а именно – принцип последовательности перевода и границы его применения – были рассмотрены в разделе 2.5. Для решения второй и третьей проблем, как было отмечено выше, необходима разработка единого методологического подхода для перевода древнееврейских фитонимов на

русский язык. Основами такого подхода должны стать результаты разносторонних научных исследований значения каждого фитонима, а также особенности мировосприятия предполагаемой читательской аудитории. Таким образом, ботаническая идентификация растений, упоминаемых в библейских текстах, становится ключевым этапом в работе как переводчика, так и исследователя древней ботанической лексики. Подобному анализу, его методам, возможным алгоритмам и т.д. были посвящены разделы 4.4 и 5.1. В результате этого анализа исследователь получает список наиболее обоснованных гипотез о ботанической принадлежности каждого фитонима. И именно этот список гипотез, по нашему мнению, должен служить основным материалом для дальнейшей работы переводчика, которую мы рассмотрим в данном разделе. Если для ученого работа с несколькими равноценными гипотезами методологически оправданна, то перед переводчиком древнего текста стоит задача неизбежного выбора одного единственного перевода древнего ботанического наименования на современный язык. В этом смысле работа исследователя и работа переводчика, на наш взгляд, принципиально отличны друг от друга. Однако работа переводчика над древней ботанической лексикой, очевидно, не возможна без учета результатов работы исследователя.

По итогам анализа переводов на русский и европейские языки древнееврейских ботанических наименований, встречающихся в книгах Ветхого Завета, можно, на наш взгляд, выделить **пять основных стратегий перевода фитонимов**, которые применяют в своей работе переводчики:

- прямой перевод,
- перевод-трактовка,
- подбор аналога,
- обобщающий перевод,
- транслитерация/транскрипция.

Авторы рассмотренных нами переводов Ветхого Завета не ограничиваются одной единственной стратегией. Переводчики для каждого фитонима выбирают, по их мнению, наиболее подходящую из перечисленных стратегий. Этот выбор может зависеть от целого ряда **факторов**:

- степень достоверности ботанической идентификации
- отсутствие национального названия
- традиция
- благозвучие, стилистика, ассоциации

Определяющим фактором в выборе переводческой стратегии, по нашему мнению, должна служить степень достоверности ботанической идентификации растения. В случае максимальной достоверности определения растения, упомянутого в древнем тексте, уместен **прямой перевод**. Это тот самый случай, когда одна из имеющихся гипотез относительно значения древнего фитонима существенно превышает остальные по степени аргументированности или, иными словами, когда одно из значений древнего фитонима является общепризнанным и не вызывает сомнения у подавляющего большинства специалистов. Как правило, такую ситуацию мы встречаем, когда речь идет о широко распространенных в природе и, особенно, в культуре растениях, имевших большое хозяйственное значение не только на территории Древней Палестины, но и всего Средиземноморья. Такие наименования встречаются в книгах Ветхого Завета несколько десятков, а иногда и сотен раз, в разных контекстах. Таким образом, метод анализа контекстов здесь применим в максимальной степени, что позволяет нередко идентифицировать не только род, но и вид растения. К таковым можно отнести, например: виноград, маслину, финик. Важно отметить, что большинство таких растений уже на протяжении нескольких столетий известно жителям Европейской части России, а потому эти растения имеют свои собственные устоявшиеся русские наименования.

Иная ситуация возникает, когда степень достоверности таксономической принадлежности древнего фитонима ниже, т.е. имеется несколько равноценных или близких по своей аргументированности гипотез, из которых трудно сделать однозначный выбор. В таких случаях, на наш взгляд, возможны две стратегии перевода: перевод-обобщение и перевод-трактовка.

Стратегия **обобщения** заключается в переводе узкого конкретного ботанического термина или фитонима неким общим словом или понятием, например, «большое дерево», «трава», «цветок», «плод» и т.д. В качестве положительной стороны данного подхода можно отметить то, что он позволяет избежать неминуемой субъективности выбора переводчиком одной из нескольких гипотез. А, кроме того, обобщенный перевод, как правило, вполне отражает важные для понимания текста свойства растения. Следовательно, стратегия обобщенного перевода вполне может быть оправдана в соответствующих ситуациях.

Второй вариант стратегии при наличии нескольких равноценных гипотез мы назвали **переводом-трактовкой**. Под данным условным названием мы понимаем тот случай, когда автор перевода по своему усмотрению или по тем или иным причинам, не очевидным для читателя, выбирает одну из гипотез о ботанической принадлежности фитонима. Такой подход является по сути личной трактовкой переводчика ботанической принадлежности библейского фитонима. На наш взгляд, при данном подходе слишком высока степень

субъективности перевода, что, с одной стороны, может быть оправдано в поэтических и художественных переводах, но, с другой – может существенно исказить изначальный смысл древнего текста, а, следовательно, и понимание читателями древней реалии.

В случае минимальной достоверности существующих гипотез о ботанической принадлежности библейского фитонима или, иными словами, когда нет ни одной достаточно обоснованной гипотезы, переводчик оказывается в совершенно иной ситуации. Такая ситуация может быть обусловлена крайне редким или вовсе единичным упоминанием того или иного фитонима в библейских текстах, а следовательно – минимальной эффективностью метода анализа контекстов. Кроме того причиной здесь может служить недостаток лингвистических, археологических, ботанических данных для формирования достоверных гипотез. На наш взгляд, именно в таких ситуациях может быть оправдано применение четвертой стратегии – **транслитерации/транскрипции** (например, Исх. 25:5 *ситтим*, Быт. 6:14 *гофер*). Хотя следование этой стратегии ничего не привносит в понимание текста читателями, однако предотвращает порой ничем не обоснованный, исключительно субъективный выбор перевода, который может приводить к неверной трактовке текста. Кроме того, транслитерация/транскрипция может придавать тексту и некий колорит древности, таинственности, нераскрытости, что в некоторых случаях представляется вполне уместным.

Однако даже в случае довольно точной ботанической идентификации фитонима серьезную роль при выборе перевода может сыграть **отсутствие наименования данного растения на русском языке**. Действительно, далеко не все представители ближневосточной флоры имеют традиционные русские названия. Даже в современной русскоязычной ботанической литературе для многих растений из флоры Ближнего Востока используются либо исключительно латинские названия, либо их транслитерации/транскрипции. Разумеется, в литературном переводе такой способ передачи древнееврейских фитонимов практически не уместен. В таком случае возможно применение стратегии **подбора аналога**, соответствующего оригиналу по тем или иным существенным для понимания текста признакам, с учетом той культуры, для которой создается перевод (например, в СП – Быт. 30:37 *явор*, Ис. 55:13 *красива*, Пс. 103:17 *ель*). На наш взгляд, эта стратегия носит не бесспорный характер и должна применяться крайне избирательно.

Не менее важным при переводе Священного Писания является **фактор традиционности**. Целый ряд текстов Ветхого Завета используется в богослужении, благодаря чему эти тексты хорошо знакомы и дороги верующим людям. Создавая современный церковный перевод, который призван не только отразить все достижения современной библеистики, но и продолжить живую внутрицерковную традицию, переводчик

вынужден ориентироваться и на привычные для русскоязычного читателя переводы, такие как славянский и русский Синодальный. Так, например, детально рассмотренный нами в разделе 4.2 древнееврейский фитоним ʾēzôḇ встречается в одном из наиболее часто используемых в православном богослужении псалме (Пс. 50:9). Перевод этого фитонима на богослужебный церковно-славянский язык (ѣ́зѡпъ), также как и традиционный русский перевод *иссоп*, не только не понятны современному русскоязычному читателю, но и, по-видимому, не отражают древнюю реалию. Однако слово *иссоп* прочно вошло в традицию. Именно благодаря этому может возникнуть серьезная проблема при замене в русском переводе Псалтыри слова «иссоп», например, словом «душица», которое по данным современных исследователей (см. раздел 4.2.2) соответствует наиболее достоверной гипотезе о ботанической принадлежности древнееврейского фитонима ʾēzôḇ . Возможно, в переводе, осуществляемом с научными целями, такая замена может быть оправдана, тогда как в переводе для широкого круга верующих и, тем более, имеющем богослужебное значение, замена «иссопа» «душицей» может вызвать непонимание и даже неприятие. Таким образом, даже в случае высокой степени достоверности приоритетной гипотезы фактор традиционности может стать определяющим, в особенности если речь идет о богослужебных текстах. Следовательно, переводчику Священного Писания необходимо учитывать этот фактор в своей работе с библейской фитонимикой.

Кроме трех описанных, при переводе библейской фитонимики может сыграть роль **стилистический** фактор. Очевидно, что создатели литературного перевода должны учитывать общую стилистику текста, те ассоциации, которые может вызвать наименование растения у читателя, а также определенное благозвучие. Примеры таких неверных ассоциаций и смысловых оттенков, которые могут возникать при переводах ветхозаветных фитонимов, мы описывали выше (например, акация, можжевельник – см. раздел 2.5). Разумеется, для переводчика важно передать не только точное естественнонаучное значение древнего ботанического наименования, но также не исказить, а корректно передать смысл текста, а также отразить его стиль, жанровое своеобразие, особенности эпохи создания и т.д.

Еще раз подчеркнем, что необоснованный выбор той или иной стратегии, по нашему мнению, недопустим при переводе, точно так же, как следование во всех случаях одной единственной стратегии. Разумеется, работа переводчика очень близка к творчеству, а потому невозможно задать какой-то единственно приемлемый алгоритм перевода фитонимов, однако на основании изложенных выше соображений мы можем дать некую общую схему. Пользуясь этой схемой, на наш взгляд, можно избежать грубых ошибок при переводе библейской фитонимики.

При выборе перевода древнего наименования растения мы предлагаем исходить, в первую очередь, из степени достоверности гипотез о его ботанической принадлежности. При этом библейский фитоним удобно отнести к одной из трех достаточно условных групп:

- (1) имеется одна убедительная гипотеза, остальные – не сравнимы с ней
- (2) имеется несколько относительно равноценных гипотез
- (3) среди гипотез нет ни одной достаточно аргументированной.

В случае (1) предпочтительна стратегия прямого перевода. Однако если русскоязычное традиционное наименование этого растения отсутствует, допустим метод подбора аналога. В случае (2) – мы отдаем предпочтение переводу-обобщению, однако в особенности при художественных и поэтических переводах допустимы переводы-трактовки. В случае (3) – возможны как обобщение, так и транслитерация/транскрипция, тогда как трактовка практически не допустима. Отнеся фитоним к одной из трех указанных групп, переводчик может выбирать из тех стратегий, которые мы предлагаем для данной группы. Этот выбор должен осуществляться с учетом факторов традиционности и стилистики.

5.3. Практические аспекты идентификации библейских фитонимов: рекомендации для организации библейского сада.

5.3.1. Оригинальный опыт проектирования библейского сада. Принципы подбора ассортимента растений.

В настоящем разделе рассматривается комплекс вопросов, связанных с подбором ассортимента растений для библейских садов, создаваемых в условиях открытого грунта средней полосы России. Как отмечалось выше (раздел 3.4), важнейшим подготовительным этапом проектирования библейского сада является идентификация растений Библии. Именно на основе результатов современных разносторонних исследований и корректной ботанической идентификации библейской фитонимики должен формироваться список растений библейского сада. Однако, создание библейского сада в открытом грунте средней полосы сопряжено с целым рядом проблем. Возможные пути решения этих проблем обсуждаются на основе оригинального личного опыта проектирования библейского сада.

В 2012-2014 гг. нами совместно с научным сотрудником отдела дендрологии Главного ботанического сада РАН М.Н. Гринашом был разработан проект реконструкции городского парка им. И.П. Кулибина в Нижнем Новгороде, одной из составляющих которого стал библейский сад. Парк им. И.П. Кулибина расположен в центральной, исторической части Нижнего Новгорода. Территория парка имеет большое культурно-историческое значение, как место первого общегородского кладбища, на котором были похоронены знаменитый нижегородский механик-самоучка И.П. Кулибин, бабушка Максима Горького А.И. Каширина

и другие известные и почетные граждане Нижнего Новгорода. Всесвятское Петропавловское кладбище (ныне объект культурного наследия регионального значения) просуществовало с 1775 года по 1939-1940 гг. В 1781 году здесь была сооружена церковь святых апостолов Петра и Павла, которая сохранилась и поныне, оставаясь смысловой и культурной доминантой парка. В 40-х годах XX века кладбище было закрыто, а на его территории был устроен парк. К 1960-м годам территория парка была полностью благоустроена: возведен ряд парковых павильонов, аттракционы, установлен памятник М. Горькому. Как памятник, так и значительное число павильонов и аттракционов в настоящее время либо ликвидированы, либо перестроены. В самом парке нет указания на то, что на его территории располагалось кладбище. Таким образом, целью проекта стало возрождение парка, как культурно-исторического мемориального комплекса и как места интеллектуального отдыха граждан. Заложенный авторами проекта участок парка «Библейский сад» позволил связать воедино и подчеркнуть три ключевых целевых назначения парка им. И.П. Кулибина: культурно-просветительскую, мемориальную и рекреационную.

Растения, предлагаемые для высаживания в библейском саду, должны были, на наш взгляд, отвечать следующим трем условиям:

- (1) упоминание в книгах Библии;
- (2) устойчивость в условиях средней полосы России;
- (3) наличие декоративных свойств, позволяющих вписать растение в общую композицию сада.

Таким образом, работа над ассортиментом растений библейского сада включала в себя три этапа:

- (1) работа с текстами Библии и создание максимально полного списка упоминаемых в этих текстах растений;
- (2) анализ устойчивости этих растений в климатических условиях открытого грунта средней полосы России (в данном случае – конкретно Нижегородской области);
- (3) оценка декоративных качеств растений и разработка композиций.

Дальнейшая дискуссия в настоящем разделе будет посвящена двум первым этапам работы над проектом библейского сада. Тогда как вопросы, касающиеся собственно создания декоративных композиций или, иными словами, дизайна сада, мы оставим за рамками нашей работы.

5.3.2. Особенности работы с древними текстами. Формирование полного списка растений Библии.

Начиная подбор ассортимента растений для экспозиции «библейский сад» с первого пункта (создание общего списка растений, встречающихся во всем корпусе книг Библии), мы столкнулись с рядом методологических проблем. Наиболее серьезная, на наш взгляд, проблема связана с выбором самого текста, который берется за основу анализа. Дело в том, что современному русскоязычному читателю тексты Библии знакомы, в основном, в так называемом Синодальном переводе. Таким образом, наиболее простым способом формирования списка «библейских» растений могло бы быть простое выписывание ботанических наименований из текстов Синодального перевода Библии. Очевидно, что список растений, составленный на основе общепринятого в России русского текста, оказался бы лишь списком переводов древнееврейских и древнегреческих наименований растений на русский язык, причем на язык середины XIX века. Известные нам немногочисленные попытки создания библейских садов в России и на всем постсоветском пространстве базировались именно на таких списках названий растений из Синодального перевода Библии. Таковы, например, частный библейский сад в Москве В.С. Борисова, библейские сады Черновицкого национального университета им. Юрия Федьковича (Черновицы, Украина) и Прикарпатского национального университета им. Василия Стефаника (Ивано-Франковск, Украина).

Прежде чем критиковать подобный подход, необходимо отметить, что у него есть одно существенное достоинство – знакомство (пусть далеко не всегда полноценное) современного отечественного читателя именно с Синодальным текстом. Этот факт позволяет сделать набор растений в экспозиции «библейский сад» максимально понятным и интересным для большего числа посетителей.

Однако, на наш взгляд, такой подход не лишен и серьезных недостатков. Как было показано выше (см. раздел 2.1), Синодальный перевод Библии при внимательном анализе ботанической лексики оказывается нередко непоследовательным, неточным, устаревшим. Очевидно, что этот перевод отражает представления исследователей Библии полуторавековой давности, а также нередко передает личные стилистические и смысловые трактовки библейского текста коллективом переводчиков. Таким образом, работа над списком растений для библейского сада может вестись лишь на основе комплексного изучения оригинальных древнееврейских и древнегреческих текстов Библии. Тогда как формирование библейских садов на основе наименований растений из русского Синодального перевода Библии представляется нам методологически не корректным. Тем не менее, учитывая ту роль, которую играет на протяжении полутора веков для русскоязычного читателя

Синодальный перевод Библии, необходимо на информационных стендах и табличках в экспозиции «библейский сад» максимально подробно и доступно излагать те ситуации, когда современный научный взгляд на то или иное древнее ботаническое наименование отличается от позиции авторов Синодального перевода.

За полтора столетия, прошедшие со времени выхода Синодального перевода, этноботаника, библеистика, семитология и другие научные дисциплины, имеющие отношение к вопросам библейской флоры, продвинулись далеко вперед. Ежегодно издаются десятки научных публикаций, посвященных растениям, упоминаемым в корпусе текстов Библии. Очевидно, что для работы над списком растений библейского сада необходим максимально разносторонний анализ таксономической принадлежности растений Библии, проводимый с привлечением данных самого широкого спектра научных дисциплин: археологии, лингвистики, этнографии, палеофлористики и т.д. Нельзя оставить в стороне и тщательный разбор контекстов, древних толкований и переводов библейских текстов. Таким образом, работа по подбору растений для создания библейского сада переходит из разряда простого «выписывания» названий растений из Синодального перевода Библии в серьезную научно-исследовательскую работу на стыке естественнонаучных и гуманитарных дисциплин.

Итак, промежуточным этапом работы по формированию ассортимента растений библейского сада должен стать список всех фитонимов, упоминаемых в оригинальных библейских текстах с максимально проработанной ботанической идентификацией этих наименований. Как отмечалось в разделе 5.1, нужно понимать, что окончательная и однозначная идентификация всех растений, упоминаемых в текстах Библии теоретически не возможна.

Одной из последних и фактически единственных научных попыток создания полного списка растений Библии можно считать работу З. Влодарчик (Włodarczyk, 2007). Основной материал в этой работе представлен в виде сводной таблицы, где перечислены растения, упомянутые в пяти наиболее авторитетных сводках по растениям Библии второй половины XX века (Moldenke, Moldenke, 1952; Hareuveni, 1984; Zohary, 1982; Nigel Hepper, 1992; Maillat, Maillat, 1999). Основой таблицы стала работа Х. и А. Молденке «Plants of the Bible» (H. & A. Moldenke, 1952), список «библейских» растений в которой наиболее обширный – 230 видов. З. Влодарчик принимает книгу Х. и А. Молденке за своего рода отправную точку в своем исследовании, не рассматривая более раннюю литературу на данную тему. Из перечисленных в «Plants of the Bible» 230 видов для своего анализа З. Влодарчик (Włodarczyk, 2007) выбирает 199, оставляя за пределами своего исследования представителей бактерий, цианобактерий, грибов, а также целый перечень травянистых растений, приведенных Х. и А. Молденке в качестве представителей пастбищных кормовых растений.

Авторы последней четверти XX века в своих работах составляли заметно более узкие списки растений Библии. Например, в работе М. Зоари «Plants of the Bible» (Zohary, 1982) список «библейских» растений составляет 128 наименований, кроме которых 16 видов растений упомянуто дополнительно. Чуть более обширные перечни в работе Ф. Найджела Хеппера (Nigel Hepper, 1992), где приведено примерно 180 видов, и в книге Дж. и С. Майллат (Maillat & Maillat, 1999) со списком в 174 «библейских» вида. Н. Хареувени (Hareuveni, 1980, 1984, 1991) не ставит в своих работах задачи дать исчерпывающий список растений Библии, однако приводит целый ряд интересных интерпретаций древнееврейских фитонимов, что также отражено Влодарчик в ее таблице. Проводя сравнительный анализ этих списков «библейских» растений с учетом современных представлений о таксономии, З. Влодарчик получает окончательный список объемом в 206 видов. Костяк этого списка – «общепризнанные библейские растения» - 95 видов. Критерием для выделения этих 95 видов в разряд «общепризнанных библейских» послужило упоминание каждого из них во всех трех ключевых работах по растениям Библии конца XX века (Zohary, 1982; Nigel Hepper, 1992; Maillat, Maillat, 1999).

Таким образом, мы имеем в распоряжении два рабочих списка «библейских» растений: расширенный (206 видов), отражающий мнения разных современных специалистов и краткий (95 видов), принимаемый большинством исследователей библейской флоры. На наш взгляд, эти два списка стоит дополнить данными из работы Л.Дж. Муселмана «A Dictionary of Bible plants» (Musselman, 2011), вышедшей позже рассмотренной выше статьи. Книга «A Dictionary of Bible plants» представляет собой один из самых последних авторитетных источников по данной тематике. В нашей таблице (см. Приложение, табл. В), где мы перечислили все древесные породы (всего 46), относящиеся к «общепризнанным библейским растениям» по З. Влодарчик (Włodarczyk, 2007), полужирным шрифтом выделены те 37 видов, которые признает в качестве библейских также и Мусселман.

Именно такие, максимально проработанные и сформированные на основе результатов современных исследований списки «библейских» растений должны являться основой для подбора ассортимента растений библейского сада. На наш взгляд, расширенный список для этих целей подходит в большей степени, так как позволит разнообразить экспозицию, а также отразить разные мнения по поводу одного и того же древнего фитонима.

5.3.3. Дальнейшая работа по формированию ассортимента растений. «Метод аналогов».

В нашей работе для краткости мы ограничимся рассмотрением лишь древесных пород, упоминаемых в библейских текстах. Древесные растения – это основа, своего рода

«скелет» любого сада, поэтому подбору ассортимента деревьев и кустарников для экспозиции «библейский сад» следует уделить особое внимание. А, кроме того, даже теплолюбивые субтропические и тропические травянистые растения могут выращиваться в открытом грунте средней полосы России в качестве однолетников, тогда как для южных древесных пород не учитывать их зимостойкость при проектировании сада просто невозможно.

Согласно дендрологическому районированию объект проектирования – Нижегородский парк им. И.П. Кулибина - относится к подрайону 6^б по системе А.И. Колесникова (1974) (или зона 4 по американской системе USDA). Для данного подрайона характерен достаточно продолжительный безморозный период (130-150 дней), холодные зимы, довольно длинное и тёплое лето. Объект находится в зоне умеренно-континентального климата.

Регион, в котором располагается парк, характеризуется следующими основными показателями климатических условий.

Амплитуда колебания температуры от абсолютного минимума до абсолютного максимума: -41°C - $+37^{\circ}\text{C}$. Среднегодовое количество осадков - 560 мм. Ветровой режим – выраженный, среднегодовая скорость ветра – 3,8 м/с. Началом холодного периода можно считать 28 октября (дата перехода среднесуточных температур через 0°C осенью), а окончание 3 апреля (дата перехода среднесуточных температур через 0°C весной). Самыми суровыми месяцами холодного периода являются январь и февраль. Среднемесячная температура в январе составляет -12°C , в феврале $-11,6^{\circ}\text{C}$. В отдельные годы температура может снижаться до -41°C в январе и до -37°C в феврале, но в то же время могут иметь место и оттепели до $+5^{\circ}\text{C}$. Наиболее жаркими месяцами являются июнь, июль и август. Среднесуточные температуры воздуха в эти месяцы колеблются от $+16,3^{\circ}\text{C}$ (в июне и в августе) до $+18,1^{\circ}\text{C}$ в июле. Максимальная температура воздуха может достигать в эти месяцы $+37^{\circ}\text{C}$. Относительная влажность воздуха в тёплый период не опускается ниже 60%. Низкие температуры являются главным лимитирующим фактором в расширении ареала теплолюбивых пород, и этот факт необходимо учесть в первую очередь, выбирая ассортимент посадочного материала.

Начало и конец вегетационного периода ориентированы относительно даты перехода среднесуточных температур через $+10^{\circ}\text{C}$ для лиственных пород и через $+5^{\circ}\text{C}$ для хвойных. Таким образом, вегетационный период для хвойных начинается в среднем 21 апреля и длится в среднем 170 дней, а для лиственных – 9 мая и длится - 130 дней. Все работы по озеленению должны проводиться с учетом именно этих показателей, так как они исключают использование растений, требующих иной продолжительности вегетационного периода.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что климат региона, в котором расположен парк, вполне подходит для роста и развития растений, рекомендуемых для выращивания в районе 6^b по Колесникову или в зоне 4 по USDA. Подбирая ассортимент посадочного материала необходимо учитывать, помимо указанных выше, и такие факторы, как резкие колебания температур и наличие длительных периодов недостатка влаги.

Из 95 «общеизвестных библейских» растений, указанных в работе З. Влодарчик (Włodarczyk, 2007) порядка половины (46 видов) относится к древесным породам. Именно эти виды и призваны формировать древесный «скелет» библейского сада (см. Приложение, табл. В). Рассмотрев этот список на предмет зимостойкости в условиях средней полосы России, мы разделили все виды этого списка на три условные группы:

- (1) зимует хорошо, без серьезных повреждений (в таблице +);
- (2) зимует плохо, сильно повреждается морозами, побеги в той или иной степени отмерзают ежегодно, но при этом возможно длительное культивирование (в таблице + –);
- (3) в норме не зимует, даже если может в случае укрытия переносить отдельные мягкие зимы (в таблице –).

Заметим, что такая шкала зимостойкости крайне упрощена в сравнении с общепринятыми (например, шкала, принятая в Главном ботаническом саду РАН – Лапин, 1974), однако на наш взгляд, она вполне релевантна для целей нашей работы. Для определения зимостойкости растений из указанного списка мы пользовались данными из следующих источников (Деревья и кустарники СССР, 1949-1962; Древесные растения..., 2005; Rehder, 1949), а также для растений, которые ранее не испытывались в условиях средней полосы России, оценивали зимостойкость самостоятельно с учетом климатических показателей в его природных местообитаниях.

Таким образом, из списка «общеизвестных» древесных растений Библии лишь крайне незначительная часть видов (тополь белый *Populus alba* L., шиповник собачий *Rosa canina* L., ива белая *Salix alba* L.) может без особых проблем культивироваться в условиях открытого грунта Средней полосы России. Кроме них 5 видов (инжир *Ficus carica* L., орех грецкий *Juglans regia* L., шелковица черная *Morus nigra* L., миндаль *Prunus dulcis* (Mill.) D.A. Webb, виноград *Vitis vinifera* L. – см. Приложение, табл. В) могут переносить зимний период, при этом ежегодно подмерзая в различной степени. Очевидно, что столь скудный ассортимент древесных пород ставит под угрозу саму идею создания такой экспозиции в данных условиях. В качестве одного из возможных вариантов решения этой проблемы мы предлагаем использовать вместо реальных растений из библейских текстов их аналоги. Термином «аналог» мы предлагаем называть те устойчивые в условиях средней полосы России растения, которые могут так или иначе заменить «оригиналы», т.е. растения, которые

принято идентифицировать, как «библейские». Именно в таком значении мы будем употреблять эти термины (аналог и оригинал) в настоящей работе. На наш взгляд, выбор аналогов не может быть спонтанным или исключительно субъективным. Мы предлагаем следующие критерии, которым должны соответствовать аналоги «библейских» растений. Важно, на наш взгляд, чтобы как минимум один из этих критериев сработал при подборе аналога.

(1) Таксономический критерий или аналог – родственник. Нередко неустойчивое в наших суровых условиях «библейское» растение может быть заменено в библейском саду более устойчивыми близкородственными видами. Чем ближе это родство, тем более предпочтителен выбор аналога. В идеале это должны быть растения, относящиеся к одному ботаническому роду. Так, скажем, теплолюбивые виды дубов, распространенные в Палестине (например, дуб палестинский *Quercus calliprinos*, именно к этому виду относится знаменитый «мамврийский дуб» – Быт. 18:1 – поныне стоящий в Хевроне) могут быть заменены более зимостойкими дубами. Это может быть как наш природный дуб черешчатый (*Q. robur*), так и, скажем, популярные в садоводстве и парковом строительстве американские красные дубы (*Q. rubra* aff.). Тем не менее, в некоторых случаях мы предлагаем использовать аналоги, состоящие не в таком близком родстве с оригиналом. Так, например, в качестве замены «библейского» теревинфа (фисташка палестинская *Pistacia palaestina*) мы предлагаем скумпию кожевенную (*Cotinus coggygria*). Это растение хотя и из другого рода, но все же принадлежит к тому же семейству Сумаховые (*Anacardiaceae*), что и теревинф. Такой выбор был сделан нами в связи с тем, что, к сожалению, ни один представитель обширного рода Фисташка (*Pistacia*), не способен расти в открытом грунте средней полосы России.

Как нам кажется, именно этот критерий наиболее предпочтителен для выбора аналогов библейских растений. Именно на примере таких аналогов-родственников удобнее всего рассказывать посетителям о самих библейских растениях, благодаря многочисленным общим чертам, характерным для близкородственных видов. Однако оказалось невозможным для всех библейских растений из нашего списка подобрать аналог-родственник.

(2) Языковой критерий или аналог-перевод. Этот критерий может быть применен в случае, если традиционный русский перевод древнего названия растения не соответствует современному уровню знаний, однако хорошо знаком и привычен читателю. В ситуации, когда «общепринятое библейское» растение не может нормально выращиваться в наших условиях, оно может быть заменено тем самым растением, которое мы имеем в Синодальном переводе. Так, например, малоустойчивый в условиях средней полосы России платан восточный (*Platanus orientalis*), может быть, на наш взгляд, заменен в библейском саду на явор или клен ложноплатановый (*Acer pseudoplatanus*). Именно словом «явор» передается в

Синодальном русском переводе Библии древнееврейское название ʿetmôn , относимое современными исследователями к платану восточному. Точно так же вместо зизфуса Христовы-тернии *Ziziphus spina-christi*, (растение, из побегов которого, по мнению многих современных исследователей, мог быть сделан «терновый венец» Спасителя) мы предлагаем разместить в библейском саду терновник (*Prunus spinosa*). Ведь в русских текстах Евангелий именно из «терна» был сделан тот самый венец.

В случае применения этого критерия на информационных стендах удобно отразить те проблемы, которые возникают в работе переводчика древних текстов, а также те неточности, которые имеются в отношении передачи древних названий растений в Синодальном переводе Библии.

(3) Габитуальный критерий или аналог-близнец. Незимостойкое «библейское» растение может быть заменено в библейском саду на внешне схожее растение, даже не родственное оригиналу. Этот критерий нередко сочетается с таксономическим критерием, так как зачастую (но далеко не всегда!) близкородственные виды растений имеют схожий облик.

В чистом виде мы предлагаем применить этот критерий, скажем, в случае с маслиной европейской (*Olea europaea*), одним из самых часто упоминаемых в книгах Библии растением. На наш взгляд, некоторое сходство с маслиной можно усмотреть в облике лоха узколистного (*Elaeagnus angustifolia*), который мы и предложили в качестве аналога. В качестве аналога кипариса вечнозеленого (*Cupressus sempervirens*), колонновидные формы которого культивируются с античных времен в Средиземноморье, могут служить схожие по форме кроны сорта туи западной (*Thuja occidentalis*). Заметим, что в случае с кипарисом и туей действует также и таксономический критерий, так как оба растения относятся к разным родам одного семейства кипарисовые (*Cupressaceae*). Применение габитуального критерия может позволить хотя бы отчасти реконструировать в библейском саду облик природных ландшафтов Ближнего Востока, что является практически невыполнимой задачей в условиях средней полосы России.

(4) Ассоциативный критерий или аналог-ассоциация. Неустойчивое в нашем климате «библейское» растение может вызывать прочные ассоциации у жителей нашего региона с какими-либо иными, более знакомыми им растениями, которые также можно разместить в библейском саду.

Мы предлагаем применить этот критерий, например, в случае с кедром ливанским (*Cedrus libani*), который многократно упоминается на страницах Библии. В условиях открытого грунта средней полосы России не может нормально выращиваться ни один из четырех видов настоящих кедров (род *Cedrus*). Однако подавляющее большинство жителей

средней России называют «кедрами» растения совсем из другого рода – кедровые сосны, а в особенности сосну сибирскую (*Pinus sibirica*). Именно ее семена называются в просторечии «кедровыми орешками». Разместив в экспозиции кедровые сосны, можно не только рассказать посетителям о настоящих кедрах, но и разъяснить ошибочность наименования «кедр» по отношению к сосне сибирской. Поскольку сосна и кедр – представители одного семейства сосновые (*Pinaceae*), в данном случае действует не только ассоциативный, но и таксономический критерий.

По ассоциативному критерию предлагается подбирать аналоги для широко распространенных на Ближнем Востоке представителей настоящих акаций (род *Acacia*). Большинство современных исследователей считают, что «дерево ситтим», из которого был сделан ковчег Завета – (Исх. 25:10), это именно акация. Поскольку настоящие акации не способны расти в нашем климате, их можно заменить теми растениями, которые принято в просторечии и традиционном садоводстве называть акациями: «желтую акацию» (*Caragana arborescens*) и «белую акацию» (*Robinia pseudoacacia*). Очевидно, что применение ассоциативного критерия отнюдь не бесспорно, однако оно может служить хорошим поводом не только для миссионерской, но и для научно-просветительской работы.

На наш взгляд, использование этих критериев позволит обоснованно формировать ассортимент растений библейского сада, сохраняя экспозицию в рамках миссионерско-катехизаторского и научно-просветительского формата. Мы расположили эти критерии в порядке убывания их убедительности. Т.е. предпочтительнее, на наш взгляд, выбирать в качестве аналогов «библейских» растений близкородственные виды. Еще лучше, если в одном и том же случае работает сразу несколько из перечисленных критериев.

Конечно, автор отдаст себе отчет в том, что «метод аналогов» не идеален, что он может и должен обсуждаться специалистами. В качестве главного «минуса» предложенного метода формирования библейских садов можно назвать факт присутствия в экспозиции многочисленных «не-библейских» растений. Но на практике создать сад исключительно «библейских» растений в открытом грунте средней полосы России невозможно. Тогда как грамотный подбор аналогов, а также содержательные информационные стенды, рассказывающие о роли того или иного растения в библейском мире, могут компенсировать проблемы несоответствия климатических условий при создании библейского сада. Если информационные стенды будут в каждом случае отмечать «оригинал» перед нами или «аналог», а в случае «аналога» будут указаны основания для выбора именно этого растения, такой сад может стать прекрасной духовно-просветительской и просто познавательной экспозицией. Знакомство с живым аналогом, наряду с информацией об оригинале, может создать у посетителя такого сада широкий разносторонний взгляд на растения, сформировать

представления о родственных связях в растительном мире, дать понимание трудности перевода древних библейских текстов на разные языки.

Применив рассмотренные выше критерии по выбору аналогов растений Библии для формирования экспозиции «Библейский сад» в умеренной зоне, мы смогли пополнить весьма небогатый ассортимент оригиналов древесных пород не менее чем 20 таксонами аналогов (см. Приложение, табл. В).

5.3.4. Необходимость наличия наглядной информации для посетителей. Примеры табличек.

Выше мы уже сказали о том, что считаем важным оснащение экспозиции «библейский сад» наглядной информацией в виде тематических стендов и табличек. В табличках для каждого вида растения, помимо наименования на русском и латинском языках, природного ареала и других биологических характеристик, должны быть приведены цитаты из Священного Писания, в которых упоминается данное растение. Именно информационные таблички могут позволить отчасти снять проблему неточности и непоследовательности Синодального перевода, а также проблему использования аналогов «библейских» растений. Для каждого растения в библейском саду желательно указать следующие сведения.

1. Научное наименование на русском и латинском языках.
2. Таксономическая принадлежность – семейство.
3. Распространение в природе.
4. Какому растению из Библии соответствует (оригинальное слово на древнем языке и его перевод, согласно Синодальному тексту)
5. Основные цитаты и сюжеты из Священного Писания с участием этого растения.
6. Альтернативные современные научные точки зрения на таксономическую принадлежность библейского фитонима.
7. В случае аналога желательно дать фотографию или рисунок оригинала.

Приведем некоторые примеры текстов информационных табличек. Важно, чтобы информация о растении-оригинале зрительно выделялась на фоне информации о растении-аналоге.

ПРИМЕР 1 (растение-аналог).

Лох узколистный (*Elaeagnus angustifolia* L.) Семейство Лоховые (*Elaeagnaceae*).

Родина: Восточная Европа, Кавказ, Малая и Средняя Азия.

В нашем саду заменяет схожее по внешнему облику, но не родственное, субтропическое растение, упоминаемое в Библии -

Маслина европейская, или оливковое дерево (*Olea europaea* L.)

Семейство Маслиновые (*Oleaceae*).

В диком виде не встречается.

Древнееврейское наименование *záuít*, древнегреческое *ἐλαία*.

Одна из древнейших плодовых культур, выращиваемых в Древнем Средиземноморье, в основном, ради получения оливкового масла.

Маслины – важный элемент быта Древней Палестины. Оливковое масло – не просто пища, но имеет символическое и ритуальное значение (например, помазание на царство). Многочисленные оливковые сады произрастали в Древней Палестине, что отразилось даже в географических названиях – Масличная (Елеонская) гора.

Библейский образ голубя с оливковой ветвью, вернувшегося к Ною в ковчег после потопа, стал символом мира. *Голубь возвратился к нему в вечернее время, и вот, свежий масличный лист во рту у него, и Ной узнал, что вода сошла с земли.* (Бытие 8:11).

Древесина маслины использовалась при строительстве Иерусалимского храма. *На двух половинах дверей из масличного дерева он сделал резных херувимов и пальмы и распускающиеся цветы и обложил золотом; покрыл золотом и херувимов и пальмы.* (3-я книга Царств 6:32).

Оливковое масло использовалось в медицине и ассоциировалось с исцелением. Апостолы, посланные Христом на проповедь, *изгоняли многих бесов и многих больных мазали маслом и исцеляли.* (Евангелие от Марка 6:13).

Масло упоминается и в знаменитой притче о милосердном самарянине. *Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился 34 и, подойдя, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем.* (Евангелие от Луки 10:33-34).

ПРИМЕР 2 (растение-аналог).

Сосна сибирская кедровая (*Pinus sibirica* Du Tour)

Семейство Сосновые (*Pinaceae*)

Родина – Сибирь.

В течение нескольких столетий в России прочно ассоциируется с кедром, о чем говорит наиболее часто встречающееся обиходное название этой сосны – «сибирский кедр». Возможно, такая ассоциация возникла благодаря некоторому габитуальному сходству или из-за схожих качеств древесины. Настоящие кедры – отдельный род растений, принадлежащих также к семейству Сосновые, распространены в Средиземноморье и Гималаях и не переносят суровый климат средней полосы России.

Кедр ливанский (*Cedrus libani* A. Rich.)

Семейство Сосновые (*Pinaceae*)

Родина – горы Ливана. В настоящее практически уничтожены природные популяции этого вида.

Древнееврейское наименование *'érez*, древнегреческое *κέδρος*.

Древесина кедра ценилась и широко использовалась с античных времен. Например, именно из нее финикийцы строили свои корабли. Кедр ливанский в Библии не только источник ценного строительного материала, но и символ мощи, благородства и силы.

Побеги кедра используются в Библии в ритуальных целях *...то священник прикажет взять для очищаемого двух птиц живых чистых, кедрового дерева, червленую нить и иссопа,*

и прикажет священник заколоть одну птицу над глиняным сосудом, над живою водою; а сам он возьмет живую птицу, кедровое дерево, червленую нить и иссоп, и омочит их и живую птицу в крови птицы заколотой над живою водою, и покропит на очищаемого от проказы семь раз, и объявит его чистым, и пустит живую птицу в поле. (Левит 14:4-7).

Царь Соломон для строительства Иерусалимского храма заказывает древесину кедра у финикийского царя Хирама: *и вот, я намерен построить дом имени Господа Бога моего, как сказал Господь отцу моему Давиду, говоря: «сын твой, которого Я посажу вместо тебя на престоле твоём, он построит дом имени Моему»; так прикажи нарубить для меня кедров с Ливана; и вот, рабы мои будут вместе с твоими рабами, и я буду давать тебе плату за рабов твоих, какую ты назначишь; ибо ты знаешь, что у нас нет людей, которые умели бы рубить дерева так, как Сидоняне. (3 Царств 4:5-6).*

В Ветхозаветной поэзии и в пророческих писаниях кедры – частый символ мощи, величия, силы.

Глас Господа силен, глас Господа величествен. Глас Господа сокрушает кедры; Господь сокрушает кедры Ливанские. (Псалтирь 28:4-5).

Праведник цветет, как пальма, возвышается подобно кедру на Ливане. (Псалтирь 91:13).

Некоторые современные исследователи полагают, что в некоторых случаях, где в библейских текстах упоминается кедр без эпитета «ливанский», речь могла идти об одном из видов можжевельника (*Juniperus*).

* * *

Таким образом, по нашему мнению, создание библейских садов в открытом грунте средней полосы России возможно и оправдано, однако при этом, благодаря резкому несовпадению климатических условий средней полосы России и Ближнего Востока, трудно обойтись без привлечения аналогов «библейских» растений, которые могут нормально культивироваться в умеренном климате. Подбор аналогов необходимо проводить по четко сформулированным критериям. При наличии развернутого наглядного информативного материала, сопровождающего живые экспозиции, библейский сад даже с участием значительного числа растений-аналогов может стать уникальной духовно- и научно-просветительской экспозицией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итоги работы сформулированы в виде следующих выводов.

Общеметодологические выводы

1. Анализируя многовековой опыт исследования растений Библии, можно выделить ряд **методов ботанической идентификации** древнееврейских фитонимов:

- анализ контекста библейских цитат,
- изучение текстов еврейской традиции (комментарии, таргумы),
- анализ древних переводов Библии,
- лингвистический метод (этимология, сравнительная семитология),
- археологический метод (включая этнографию, историю искусства)
- ботанический метод (объединяет весь спектр естественнонаучных методов

исследования).

2. Для максимально достоверной ботанической идентификации библейского фитонима необходимо применить **комплексный подход**, используя все перечисленные методы. Однако относительный вклад каждого метода в случае различных фитонимов будет неодинаков.

3. **Основными методами ботанической идентификации библейских фитонимов** являются: лингвистический, археологический и ботанический. Данные, полученные с помощью этих методов, носят независимый характер и представляют наибольшую ценность. Консенсус этих данных можно рассматривать как показатель высокой степени достоверности гипотезы о ботанической принадлежности фитонима. Остальные методы являются дополнительными и могут служить для верификации гипотез, полученных с помощью трех основных методов. Последнее место по степени достоверности и ценности результатов занимает анализ древних переводов (чем позднее перевод, тем его ценность как самостоятельного источника данных ниже). Вклад анализа контекста в идентификацию древних фитонимов напрямую зависит от числа вхождений исследуемого фитонима в библейском корпусе, а также от многообразия этих контекстов.

4. **Результатом ботанической идентификации древнего фитонима** должен быть список наиболее полно и разносторонне разработанных и аргументированных гипотез о ботанической принадлежности этого фитонима с оценкой сравнительной степени их достоверности. Данный набор гипотез должен служить основным материалом для дальнейшей работы переводчика и проектировщика библейского сада.

Выводы, касающиеся переводов библейских фитонимов

5. Не представляется возможным выявить единую обоснованную методологию передачи ветхозаветной ботанической лексики в **Синодальном переводе (СП)**. Для СП в отношении ветхозаветных фитонимов можно отметить: непоследовательность перевода даже в пределах одной книги, наличие малопонятных современному читателю архаизмов, несоответствие современному уровню знаний. В переводе ботанической лексики Ветхого Завета СП опирается на: церковно-славянский (особенно в богослужебных текстах), Септуагинту (через церковно-славянский), Вульгату, перевод Лютера, Библию короля Иакова. Имеются случаи оригинального подхода авторов СП в переводе ботанических наименований, возможно, связанные с учетом данных библейской науки середины XIX в. или стилистическими предпочтениями переводчиков.

6. Для **древних переводов (Септуагинта, Вульгата)** и для **классических переводов Священного Писания на европейские языки** (перевод Лютера, Библия короля Иакова), которые послужили основой для ботанической лексики СП, в различной степени характерна непоследовательность при переводе древнееврейских фитонимов, а также широкий спектр приемов перевода (обобщающий перевод, транслитерация/транскрипция, перевод-трактовка).

7. Для **англоязычных переводов XX века** в отношении ботанической лексики можно отметить: широкое использование данных современных исследователей (нередко вопреки традиционным переводам), склонность к более конкретным и понятным вариантам перевода (в сравнении с древними переводами больше обобщающих переводов и меньше транслитерации/транскрипции), применение всего спектра приемов перевода ботанической лексики, отмеченных для классических переводов.

8. По итогам анализа различных приемов перевода на русский и европейские языки древнееврейских ботанических наименований, встречающихся в Ветхом Завете, можно выделить **пять основных стратегий**, которые применяют в своей работе переводчики: прямой перевод, перевод-трактовка, подбор аналога, обобщающий перевод, транслитерация/транскрипция. В каждой проанализированной нами версии Ветхого Завета можно наблюдать все перечисленные стратегии.

9. **Определяющим фактором в выборе стратегии перевода библейских фитонимов** должна служить степень достоверности ботанической идентификации этих растений.

Дополнительные факторы, которые также должны приниматься во внимание переводчиком, следующие: отсутствие традиционного русского названия растения, традиция понимания и перевода, стилистический фактор (благозвучие и стилистика перевода, ассоциации, возникающие у читателя).

10. При выборе перевода древнего фитонима мы предлагаем исходить, в первую очередь, из степени достоверности гипотез о его ботанической принадлежности. При этом фитоним удобно отнести к одной из трех условных групп:

- (1) имеется одна убедительная гипотеза, остальные – не сравнимы с ней по степени аргументированности
- (2) имеется несколько относительно равноценных гипотез
- (3) среди гипотез нет ни одной достаточно аргументированной.

В случае (1) предпочтительна стратегия прямого перевода. Однако если русскоязычное традиционное наименование этого растения отсутствует, допустим метод подбора аналога. В случае (2) – предпочтителен перевод-обобщение, однако в особенности при художественных и поэтических переводах допустимы переводы-трактовки. В случае (3) – возможно как обобщение, так и транслитерация/транскрипция, тогда как трактовка практически не допустима. Выбор стратегии должен осуществляться с учетом факторов традиционности и стилистики.

Выводы по проектированию библейского сада

12. Список растений для «библейского сада» должен формироваться на основе результатов комплексного анализа ботанической принадлежности древнееврейских и древнегреческих фитонимов из оригинальных текстов Священного Писания. Дальнейшая работа с этим списком должна идти по пути отбора устойчивых для данного региона растений с учетом их декоративных качеств.

13. Для создания библейского сада в открытом грунте средней полосы России могут быть использованы аналоги «библейских» растений, не способных расти в данных климатических условиях. Подбор аналогов необходимо проводить по четко сформулированным критериям (таксономический, языковой, габитуальный, ассоциативный).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. А. Библия. Русский перевод // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002а. Т. 5. С. 153-161.
2. Алексеев А. А. Библия. Древнегреческий перевод // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002б. Т. 5. С. 123-125.
3. Алексеев А. А. Библия. Латинский перевод // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002в. Т. 5. С. 125-126.
4. Анненков Н. Ботанический словарь. СПб, 1878. 646 с.
5. Бабенко А.Н. Влияние выпаса скота на динамику растительности пустыни Негев (Израиль) в голоцене по палинологическим и археологическим данным // Российская археология. 2012. №3. С. 137-142.
6. Бабенко А.Н., Киселева Н.К., Плахт И., Розен С., Савинецкий А.Б., Хасанов Б.Ф. Реконструкция растительного покрова центральной части пустыни Негев (Израиль) в голоцене по данным пыльцевого анализа зоогенного отложения Ацмаут // Экология. 2007. №6. С. 1-10.
7. Библия. Современный русский перевод. М.: Российское библейское общество, 2011. 1408 с.
8. Ветхий Завет. Перевод с древнееврейского. Бытие. Исход. М., 2007. 240 с.
9. Грановская Л.М. Растительный мир Библии. Краткий словарь. СПб: Эльфидэль Питер, 2008. 82 с.
10. Деревья и кустарники СССР. Дикорастущие, культивируемые и перспективные для интродукции. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949-1962. 6 тт.
11. Дмитриева О. В., Овсянников Сергей, прот. Библия. Английские переводы // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. Т. 5. С. 168-174.
12. Древесные растения Главного ботанического сада им. Н.В. Цицина РАН: 60 лет интродукции / отв. Ред. А. С. Демидов. Гл. ботан. Сад им. Н.В. Цицина. М.: Наука, 2005. 586 с.
13. Дубенский Н. Монахи - первые садоводы в России // Московские ведомости. 1887. № 359. С. 4.
14. Жуковский П.М. Культурные растения и их сородичи. Л.: Колос, 1964. 792с.
15. Замятина Б.Н. Род 2. Асег - Клён // Деревья и кустарники СССР. Дикорастущие, культивируемые и перспективные для интродукции. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 4. С. 406-499.

16. Игнатенко М.М. Сибирский кедр (биология, интродукция, культура). М.: «Наука», 1988. 160 с.
17. Классические библейские комментарии. Книга Бытия. М., 2010. 701 с.
18. Клодт-Бей А.Б. Египет в прежнем и нынешнем своем состоянии. СПб.: Издание книгопродавца В.Полякова, 1842. 2тт.
19. Колесников А.И. Декоративная дендрология. М.: Лесная промышленность, 1974. 704 с.
20. Лапин П.И. Теория и практика интродукции древесных растений в средней полосе европейской части СССР: Научные основы, методы, результаты. Л., 1974. 135 с.
21. Лопухин А. П. (ред.) Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. СПб, 1904-1913. 11 тт.
22. Медведева А.А. Русские монастырские сады: вопросы ландшафтной организации. Дисс... канд. архитектуры. СПб, 2002. 251 с.
23. Никифор, архим. Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия. М., 1891. 902 с.
24. Норов А. С. Путешествие по Святой Земле в 1835 г. СПб.: Типография А. Смирдина, 1838. 2 тт.
25. Разумовский Д. прот. Обозрение растений, упоминаемых в Священном Писании. М., 1871. 177 с.
26. Рафалович А. А. Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты. СПб.: Типография Якова Трея, 1850. 410 с.
27. Регель А.Э. Изящное садоводство и художественные сады. Историко-дидактический очерк. СПб.: Издание Г.Б. Винклер, 1896. 448 с.
28. Реморов И. А. Формирование языка Синодального перевода Нового Завета: На материале редакторской правки митрополита Филарета (Дроздова). Дисс. канд. филол. Наук. Новосибирск, 2003. 236 с.
29. Скворцов А.К. Ивы СССР. Систематический и географический обзор. М.: Наука, 1968. 262 с.
30. Словарь церковно-славянского и русского языка. Составленный вторым отделением Императорской Академии Наук. 1847. 4 т. (Цит. по Анненков, 1878).
31. Сокольский И.Н. Прекрасные растения Библии. М.: Авторская Академия, 2013. 348 с.
32. Тонин Н. Подмосковное садоводство, его прошлое и настоящее // Русский справочный листок, 1889. №7-8.
33. Туманова О.Т. Растения в текстах Библии // Русская речь. 2001. № 2. С. 75-78.
34. Феофраст. Исследование о растениях. Рязань: Александрия, 2005. 560 с.

35. Чистович И.А. История перевода Библии на русский язык. СПб., 1899. 347 с.
36. Эйделькинд Я.Д. Песнь Песней: филологический комментарий. М.: РГГУ, 2015. 324 с.
37. Э.С.П. Библия. Немецкие переводы // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. Т. 5. С. 175-177.
38. Al-Saghir M.G. Evolutionary History of the Genus *Pistacia* (Anacardiaceae) // International Journal of Botany. 2009. Vol. 5. P. 255-257.
39. Al-Sousli M., Faory H., Nakar M., Zaid S., Al-Safadi B., Al-Saghir M. Genetic relationships among some *Pistacia* species (Anacardiaceae) in Syria // Middle-East Journal Scientific Research. 2014. Vol. 21. № 9. P. 1487-1497.
40. Alter R. Genesis. Translation and commentary. New York & London: W.W Norton & Co, 1996. 324 p.
41. Anderson A.W. Plants of the Bible. London: Crosby Lockwood and Son, 1956. 72 p.
42. Andrews A.C. Hyssop in the classical era // Class. Philol. 1961. Vol. 56. P. 230–248.
43. Anomoeus C. Sacrorum arborum, fruticum et herbarum. Nurnberg, 1609. 223 p.
44. Aubaile F. Pathways of diffusion of some plants and animals between Asia and Mediterranean region // Revue d'ethnoécologie. 2012. № 1. P. 2-26.
45. Balfour J.H. Trees and Shrubs of the Bible. London: T. Nelson, 1857. 54 p.
46. Balfour J.H. The plants of the Bible. London: T. Nelson and sons, 1885. 249 p.
47. Barneveld M. van. Plants and flowers found in the Bible and at home in the South-west. 1935. 16 p.
48. Bauer W., Danker F.W. (ed.) A Greek-English Lexicon of the New Testament and other Early Christian literature. University of Chicago Press, 2001. 1188 p.
49. Berkeley M.J. Manna // Gardeners Chronicle & Agricultural Gazette, London. 1849. P. 611–612.
50. Berkeley M.J. Manna // Gardener's Chronicle & Agricultural Gazette, London. 1856. P. 84.
51. Berkeley M.J., Murchison R. Manna // Gardener's Chronicle & Agricultural Gazette, London. 1864. P. 769–770.
52. Boissier P.E. Flora Orientalis sive enumeratio plantarum in Oriente a Graecia et Aegypto ad Indiae fines hucusque observatarum. Genevae et Basileae: apud H. Georg, Bibliopolam, 1867-88. 5 Vols.
53. Boissier P.E. Botanique Biblique ou courtes notices sur les végétaux mentionnés dans les Saintes Ecritures. Geneve: Depat. Com. Publ. Relig., 1861.
54. Brown F., Driver S.R., Briggs Ch.A. A Hebrew and English Lexicon of the Old Testament. Oxford: Clarendon Press, 1907. 1127 p.

55. Buttner R. *Armeniaca* / Hanelt P. (ed.) *Mansfelds Encyclopedia of Agricultural and Horticultural Crops*. Berlin – Heidelberg: Springer-Verlag, 2001. P. 523-527.
56. Callcott M. *A Scripture herbal*. London: Longman, Brown, Green & Longmans, 1842. 568 p.
57. Calpouzios L. Botanical aspects of oregano // *Economic Botany*. 1954. Vol. 8. P.: 222–233.
58. Celsius O. *Hierobotanicon, sive, De plantis sacrae Scripturae dissertationes breves*. Uppsala, 1747-1748.
59. Chahed T., Bellila A., Dhifi W., Hamrouni I., M'hamdi B., Kchouk M.E., Marzouk B. Pistachio (*Pistacia vera*) seed oil composition: geographic situation and variety effects // *Grasas y Aceites*. 2008. Vol. 59. № 1. P. 51-56.
60. Chantarine P. *Dictionnaire étymologique de la Langue grecque. Histoire des Mots*. Paris: Éditions Klincksieck, 1968-1980. 4 Vols.
61. Cocquius A. *Historia ac contemplatio sacra plantarum, arborum & herbarum, quarum fit mentio in Sacra Scriptura*. 1664. 263 p.
62. Costantini L., Costantini-Biassini L. Agriculture in Baluchistan between the 7th and the 3rd millenium BC // *Newsteller of Baluchistan Studies (Istituto Universitario Orientale, Naples)*. 1985. Vol. 2. P. 16-30.
63. Crane J.C. *Pistachio Tree Nuts*. Westport: Avipublishing Co., 1978. 247 p.
64. Crowfoot G. M., Baldensperger L. *From cedar to hyssop: A study in the folklore of plants in Palestine*. London: Sheldon Press, 1932. 196 p.
65. Dalby A. *Food in the Ancient World from A to Z*. Psychology Press, 2003. 432 p.
66. Danin A. Plant stories. Chapter 7 // *Flora of Israel On Line* http://flora.org.il/books/useful_plants_g6/
67. Duke J.A., Duke P.K., du Cellier J.L. *Duke's handbook of medicinal plants of the Bible*. Boca Raton: CRC Press, 2007. 528 p.
68. Elliger K., Rudolph W. (eds.) *Biblia Hebraica Stuttgartensia*. Stuttgart, 1977. 1574 p.
69. Elzebroek A.T.G. *Guide to Cultivated Plants*. CABI, 2008. 540 p.
70. *Fauna and Flora of the Bible*. New York: United Bible Societies, 1980. 224 p.
71. Fleisher A., Fleisher Z. Identification of Biblical Hyssop and origin of the traditional use of Oregano-group herbs in the Mediterranean region // *Economic Botany*. 1988. Vol. 42. № 2. P. 232-241.
72. Forskål P. *Descriptiones animalium avium, amphibiorum, piscium, insectorum, vermium; quæ in itinere orientali observavit Petrus Forskål. Post mortem auctoris edidit Carsten Niebuhr. Adjuncta est materia medica Kahirina atque tabula maris rubri geographica. Hauniæ (Möller), 1775*. 164 p.

73. Freedman D.N. (ed.) *Anchor Bible Dictionary*. Yale University Press, 1992. 6 vols.
74. Friberg T., Friberg B., Miller N.F. *Analytical Lexicon of the Greek New Testament*. Bloomington: Trafford Publishing, 2006. 440 p.
75. Fries T.M. *Bref och Skrifvelser af oct till Carl von Linné*. Stockholm: Aktiebolaget, 1907. 187 p.
76. Frisk H. *Griechisches Etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1960-1972.
77. Furttenbach J. *Mannhaffter Kunst-Spiegel oder Continuatio, und fortsetzung allerhand Mathematischund Mechanisch-hochnutzlich-Sowohl auch sehr erfrülichen delectationen, und respektive im Werck selbst experimentirten freyen Künsten*. Augsburg, 1663. 292 S.
78. Gesenius W. *Hebräisches und chaldäisches Handwörterbuch über das alte Testament*. Leipzig, 1834. 919 S.
79. Gesenius W. *Thesaurus philologicus criticus linguae Hebraeae et Chaldaeae Veteris Testamenti*. Lipsiae, 1835-53. 606 p.
80. Gronovius J.F. *Flora orientalis, sive, Recensio plantarum quas botanicorum coryphaeus Leonardus Rauwolffus, medicus augustanus, annis 1573, 1574, & 1575, in Syria, Arabia, Mesopotamia, Babylonia, Assyria, Armenia & Judaea crescentes observavit, & collegit earumdemque ducenta specimina, quae in bibliotheca publica Lugduno-Batava adservantur, nitidissime exsiccata & chartae adglutinata in volumen retulit*. Leiden, 1755. 150 p.
81. Greppin J. A. C. *The various aloes in ancient times // Journal of Indo-European Studies*. 1988. Vol. 16. P. 33–48.
82. Hareuveni N. *New Light on the Book of Jeremiah*. Am 'oved, Israel, 1950. 150 p.
83. Hareuveni N. *Nature in Our Biblical Heritage*. Neot Kedumim, 1980. 146 p.
84. Hareuveni N. *Tree and Shrub in Our Biblical Heritage*. Neot Kedumim, 1984. 142 p.
85. Hareuveni N. *Desert and Shepherd in Our Biblical Heritage*. Neot Kedumim, 1991. 159 p.
86. Harris T.M. *The Natural History of the Bible, or, a Description of all the Quadrupeds, Birds, Fishes, Reptiles, and Insects, Trees, Plants, Flowers, Gums, and Precious Stones Mentioned in the Sacred Scriptures*. London: Thomas Tegg, 1824.
87. Harrison R.K. *The Biblical Problem of Hyssop // The Evangelical Quarterly*. 1954. Vol. 26. № 4. P. 218-224.
88. Harrison R.K. *Healing Herbs in the Bible*. Leiden, 1966. 58 p.
89. Hasselquist F., von Linné C. *Voyages and Travels in the Levant in the Years 1749, 50, 51, 52: Containing Observations in Natural History, Physick, Agriculture, and Commerce, Particularly on the Holy Land, and the Natural History of the Scriptures*. L. Davis and C. Reymers, 1766. 456 p.

90. Hehn V., Schrader O. Kulturpflanzen und Haustiere in ihrem Übergang aus Asien in das übrige Europa historisch-linguistische Skizzen. Berlin: Borntraeger, 1902. 651 S.
91. Henslow G. The Plants of the Bible: Their Ancient and Mediaeval History Popularly Described. London: Masters, 1906. 294 p.
92. Hormaza J.I., Dollo L., Polito V.S. Determination of relatedness and geographical movements of *Pistacia vera* (Pistachio; Anacardiaceae) germplasm by RAPD analysis // Economic Botany. 1994. Vol. 48. № 4. P. 349-358.
93. Jacob I., Jacob W. Flora / Freedman D.N. (ed.) The Anchor Bible Dictionary. Yale University Press, 1992. Vol. 2. P. 803-817.
94. Keel O. Das Hohelied (Zürcher Bibelkommentare. Altes Testament 18). 2. Aufl. Zürich, 1992. 268 S.
95. King E.A. Bible plants for American gardens. New York: The Macmillan Co, 1941. 204 p.
96. Kitto J. Cyclopaedia of Biblical Literature. New York: Mark H. Newman, 1845. 2 vols.
97. Koehler L., Baumgartner W. The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament (HALOT). Leiden, 1994–2000. 5 vols.
98. Kogan L. Les noms de plantes akkadiens dans leur contexte sémitique // Studies in Ancient Oriental Civilizations. 2012. № 67. P. 229-267.
99. Kroll H. Bronze Age and Iron Age agriculture in Kastanas // Plants and ancient man: Proceedings of the 6th Symposium of the International work group for palaeoethnobotany. Rotterdam: Balkema, 1984. P. 243-246.
100. Ladizinsky G. On the origin of almond // Genetic Resources and Crop Evolution. 1999. Vol. 46. № 2. P. 143–147.
101. Lefkowitz M.R., Fant M.B. Women's Life in Greece and Rome. A Source Book in Translation. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2005. 464 p.
102. Lemnius L. Herbarum atque arborum quae in Bibliis passim obviae sunt et ex quibus sacri vates similitudines desumunt. Antverpiae: Apud Gulielmum Simonem sub scuto Basileensi, 1566. 136 p.
103. Lemnius, L., Newton, T. (tr.) An herbal for the Bible. London: Imprinted by Edmund Bollifant, 1587. 188 p.
104. Lewy H. Die semitischen Fremdwörter im Griechischen. H. Heyfelder, 1895. 267 S.
105. Liddell H.G., Scott R. Greek – English Lexicon. Oxford: Calderon Press, 1996.
106. Linnaeus C. Species Plantarum. Stokholm: Laurentii Salvii, 1753. 1200 p.
107. Lloret J. Sylva allegoriarvm totivs Sacrae Scriptvrae, mysticos eivs sensvs, et magna etiam ex parte literales complectens, syncerae theologiae candidatis perutilis ac necessaria, quae

- loco integrae bibliothecae cuilibet sacrarum literarum studioso acquirere poterit. Lugduni: sumptibus Thomae Soubron, 1622. 827 p.
108. Löw I. Die Flora der Juden. Vienna, 1924-1934. 4 B.
  109. Maillat J., Maillat S. Les plantes dans la Bible. Méolans – Revel: Éditions DésIris, 1999. 303 p.
  110. Meiggs R. Trees and Timber in the Ancient Mediterranean World. Oxford: Oxford University Press, 1982. 598 p.
  111. Meurs van J. Arboretum sacrum. Ex Officina Elseviriana, 1642. 140 p.
  112. Miller N.F. Agricultural development in western Central Asia in the Chalcolithic and Bronze Ages // Vegetation History and Archaeobotany. 1999. Vol. 8. P. 13-19.
  113. Miller N.F. An Archaeobotanical Perspective on Environment, Plant Use, Agriculture, and Interregional Contact in South and Western Iran // Iranian Journal of Archaeological Studies. 2011. Vol. 1. P. 1-8.
  114. Moldenke H. N., Moldenke A. L. Plants of the Bible. New York: Ronald Press Co., 1952. 328 p.
  115. Muraoka T. A Greek-English Lexicon of the Septuagint. Leuven: Peeters, 2009. 757 p.
  116. Musselman L.J. Figs, dates, laurel, and myrrh plants of the Bible and the Quran. Portland, OR: Timber Press, 2007. 336 p.
  117. Musselman L.J. A Dictionary of Bible plants. Cambridge University Press, 2011. 173 p.
  118. Nigel Herper F. Bible Plants at Kew. London: H.M.S.O., 1981. 63 p.
  119. Nigel Herper F. Planting a Bible Garden. London, 1987. 102 p.
  120. Nigel Hepper F. Illustrated encyclopedia of Bible plants. London, 1992. 192 p.
  121. Noegel S.B., Rendsburg G. Solomon's Vineyard: Literary and linguistic studies in the Song of Songs. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2009. 267 p.
  122. Olson S.D., Sens A. Archestratos of Gela: Greek Culture and Cuisine in the Fourth Century BCE. Oxford: Oxford University Press, 2000. 104 p.
  123. Paterson J., Paterson K.P. Consider the Lilies: Plants of the Bible. New York: Clarion, 1986. 96 p.
  124. Post G.E. Flora of Syria, Palestine and Sinai. Beirut: Mission Press, 1896. 919 p.
  125. Psaras G.K., Sofroniou I. Wood anatomy of *Capparis spinosa* from an ecological perspective // IAWA Journal, Utrecht. 1999. Vol. 20. P. 419–429.
  126. Rahlfs A. Septuaginta, id est Vetus Testamentum Graece iuxta LXX interpretes. 2 vols., Stuttgart: Privileg. Württembergische Bibelanstalt, 1935.
  127. Redgrove H.S. An old Bible herbal // Gardeners' Chronicle, ser. 3. 1935. Vol. 93. P. 9-10.

128. Rehder A. Manual of cultivated trees and shrubs hardy in North America. N.Y.: Macmillan Co., 1949. 906 p.
129. Renfrew J.M. Paleoethnobotany: the prehistoric food plants of the Near East and Europe. NY: Columbia University Press, 1973. 410 p.
130. Rosenmüller E.F.C. The Mineralogy and Botany of the Bible. Translated from the German, with additional notes by T. G. Repp and N. Morren. Edinburgh: Thomas Clark, 1840. 342 p.
131. Royle J.F. On the hyssop of Scripture // Journal of the Royal Asiatic Society. 1846. Vol. 7. P. 193.
132. Rumetius L. Sacrorum Bibliorum arboretum morale. Excudebat F. Julliot, 1606. 112 p.
133. Sarna N.M. The JPS Torah Commentary: Genesis. Philadelphia – New-York – Jerusalem: The Jewish Publication Society, 1989. 414 p.
134. Shewell-Cooper W.E. Plants, flowers, and herbs of the Bible. New Canaan, CN: Keats, 1977. 221 p.
135. Smith J. Bible plants, their history, with the review of the opinions of various writers regarding their identification. 1878. 256 p.
136. Smith W. Algum or almug trees // Gardener's Chronicle & Agricultural Gazette, London. 1864a. P. 895.
137. Smith W. Hyssop // Gardener's Chronicle & Agricultural Gazette, London. 1864b. P. 865–866.
138. Soden von W. Grundriß der akkadischen Grammatik. Roma, 1995. 383 S.
139. Sokoloff M. A dictionary of Jewish Babylonian Aramaic of the Talmudic and Geonic Periods. John Hopkins University Press, 2003. 1600 p.
140. Soylu B., Yigitbas E.M., Soylu S., Yigitbas E.M., Kurt S. Antifungal effects of essential oils from oregano and fennel on *Sclerotinia sclerotiorum* // Journal of Applied Microbiology. 2007. Vol. 103. № 4. P. 1021–1030.
141. Stanley A.P. Sinai and Palestine: In connection with their history. Kessinger Publishing, 2007. 596 p.
142. Stol M. 1979. On Trees, Mountains and Millstones in the Ancient Near East. Leiden. 104 p.
143. Strabo W. De cultura hortorum: Über den Gartenbau: Lateinisch/Deutsch. Stuttgart: Reclam, 2002. 118 S.
144. Strückrath K. Bibelgärten: Entstehung, Gestalt, Bedeutung, Funktion und interdisziplinäre Perspektiven. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co. KG, 2012. 511 S.
145. Suderman W. D. Modest or Magnificent? Lotus versus Lily in Canticles // Catholic Biblical Quarterly. 2005. Vol. 67. P. 42–58.

146. Talebi M., Kazemi M., Sayed-Tabatabaei B.E. Molecular diversity and phylogenetic relationships of *Pistacia vera*, *Pistacia atlantica* subsp. *mutica* and *Pistacia khinjuk* using SRAP markers // Biochemical Systematics and Ecology. 2012. Vol. 44. P. 179-185.
147. Tristram H.B. The Natural History of the Bible: being a review of the physical geography, geology and meteorology of the Holy Land. 7th ed. London: Society for the Promotion of Christian Knowledge, 1883. 520 p.
148. Tucker A. O., Debaggio T. The Big Book of Herbs. Loveland: Interweave Press, 2000. 688 p.
149. Turner L.A. Genesis. Sheffield Phoenix Press, 2009. 235 p.
150. Ursinus J.H. Arboretum Biblicum : In quo Arbores & frutices passim in S. Literis occurrentes, Notis Philologicis, Philosophicis, Theologicis, exponuntur, & illustrantur. Norimbergae : Tauber, 1663. 1176 p.
151. Walker W. All the Plants of the Bible. New York: Doubleday, 1979. 240 p.
152. Wenham G.J. Genesis 16–50 // Word Biblical Commentary. Vol. 2. Word Books Publisher, Dallas, 1994.
153. Wilkins J., Hill Sh. Archestratus. Fragments from The Life of Luxury. Totnes: Prospect Books, 2011. 104 p.
154. Włodarczyk Z. Biblical Gardens in dissemination of ideas of the Holy Scripture// Folia Horticulturae. Ann. 16/2. 2004. P. 141-147.
155. Włodarczyk Z. Review of plant species cited in the Bible // Folia Horticulturae. Ann. 19/1. 2007. P. 67-85.
156. Zohary D. The genus *Pistacia* L. / S. Padulosi, T. Caruso, E. Barone (eds.) Taxonomy, distribution, conservation and uses of *Pistacia* genetic resources. Report of a workshop, 29-30 June 1995, Palermo, Italy. Rome: International Plant Genetic Resources Institute, 1996. P. 1-11.
157. Zohary D., Hopf M. Domestication of Plants in the Old World: The Origin and Spread of Cultivated Plants in West Asia, Europe and the Nile valley. Oxford: Clarendon Press, 2000. 328 p.
158. Zohary D., Hopf M., Weiss E. Domestication of plants in the Old World: The Origin and spread of domesticated plants in Southwest Asia, Europe, and the Mediterranean basin. Oxford University Press, 2012. 243 p.
159. Zohary D., Spiegel-Roy P. Beginnings of fruit growing in the Old World // Science. 1975. Vol. 187. P. 319–327.
160. Zohary M. Plants of the Bible. Cambridge University Press, 1982. 223 p.

- 161.** Zohary M., Feinbrun-Dothan F. Flora Palestina. Jerusalem: The Israel Academy of Science and Humanities, 1966-1987. 3 vols.

Приложение. Таблица А. Избранные библейские фитонимы в различных переводах.

Древнеевр. фитоним	Цитата	СП	РБО	KJV	L45	VUL	LXX	Славянский текст
БЫТИЕ	Бытие							
qôš	3:18	тернии	колючие кусты	thorns <i>колючки</i>	Dornen <i>колючки</i>	spina <i>колючки, шип</i>	ἄκανθα <i>колючки</i>	тѣрніа
dardar	3:18	волчцы	-	thistles <i>чертополох - общий термин для схожих колючих представителей семейства Сложноцветные</i>	Distel <i>чертополох</i>	tribulus <i>терновник</i>	τρίβολος <i>колючки</i>	волцѣи
ʿāšê-ḡōḇer	6:14	гофер	гофер	gopher wood <i>дерево «гофер»</i>	Tannenholz <i>еловая (пихтовая) древесина</i>	de lignis levigatis <i>из гладкой (ровной) древесины</i>	ἐκ ξύλων τετραγώνων <i>из древесины четырехугольной</i>	Ѡ дрѣвѣ (негнїюцихѣ) четверодгѣлныхѣ
ʿēšēl	21:33	роща	тамариск	grove <i>лесок, роща</i>	Bäume <i>деревья</i>	nemus <i>роща, лес</i>	ἄρουρα <i>пашня, поле</i>	нїва
ʿāḏāšīm	25:34	чечевица	чечевичная (похлебка)	lentil <i>чечевица</i>	Linsengericht <i>похлебка из чечевицы</i>	lens <i>чечевица</i>	ἕψμα φακοῦ <i>похлебка из чечевицы</i>	варѣнїѣ сочѣвно

Приложение. Продолжение таблицы А.

dûḏāʾim	30:14-16	мандроговые яблоки, мандрогоры	мандрогоры	mandrake <i>мандрогора</i>	Dudaim	mandragoras <i>мандрогора</i>	μήλα μανδραγόρου <i>мандроговые яблоки</i> μανδραγόρας <i>мандрогора</i>	ѣвловка <i>мандрогорва,</i> <i>мандрогоры</i>
libne ^h	30:37	тополь	тополь	poplar <i>тополь</i>	Rappelbaum <i>тополь</i>	populus <i>тополь</i>	στύραξ <i>стиракс</i>	(жѣзлѣ) стѣракіновѣ
lûz	30:37	миндаль	миндаль	hazel <i>лещина,</i> <i>орешник</i>	Hasel <i>лещина,</i> <i>орешник</i>	amigdalus <i>миндаль</i>	καρύϊνος <i>миндаль</i>	(жѣзлѣ) ѡрѣховѣ
ʕermôn	30:37	явор	платан	chestnut tree <i>каштан</i>	Kastanie <i>каштан</i>	platanus <i>платан</i>	πλάτανος <i>платан</i>	(жѣзлѣ) ѣворовый
nəḵḏōṯ	37:25; 43:11	стиракса	благонные смолы	spicery <i>специи,</i> <i>пряности</i>	Würze <i>пряность</i>	aroma <i>пряность</i>	θυμίαμα <i>благоние</i>	θῦμίμα
ṣərî	37:25; 43:11	бальзам	ладан	balm <i>бальзам,</i> <i>благоухание</i>	Balsam <i>бальзам</i>	resina <i>смола, камедь</i>	ῥητίνη <i>смола, камедь</i>	ритина
lōṯ	37:25; 43:11	ладан	бальзам	myrrh <i>мирра</i>	Myrrhe <i>мирра</i>	stacte <i>мирра</i>	στακτή <i>мирра</i>	стакти
ʔāḥû	41:2	тростник	прибрежные заросли	meadow <i>луг, низина,</i> <i>пойменные</i> <i>земли</i>	an der Weide im Grase <i>на пастбище</i> <i>в траве</i>	in locis palustribus <i>в местах</i> <i>болотистых</i>	ἐν τῷ ἄχει	врегъ
boṯnîm	43:11	фисташки	фисташки	nuts <i>орехи</i>	Datteln <i>финики</i>	terebinthus <i>теревинф</i>	τερέμινθος <i>теревинф</i>	теревинф

Приложение. Продолжение таблицы А.

ИСАЙЯ	Исайя							
šāmîr	5:6	тернами	колючий терн	briers <i>шиповник, колючий кустарник</i>	Distel <i>чертополох</i>	vepres <i>терн</i>	перевод не соотв. евр. тексту	перевод не соотв. евр. тексту
	7:23, 24, 25	терновник	колючки	briers	Dornen <i>колючки</i>	7:23 spina <i>терн, шип</i> 7:24 vepres 7:25 spina vepres		
	9:18	терновник	колючки	briers	Dornen			
	10:17	волчцы	тернии	briers	Hecken <i>кустарник</i>	vepres		
	27:4	волчцы	колючки	briers	Hecken	spina		
	32:13	волчцы	тернии	briers	Hecken	vepres		
šāyîr	5:6	волчцы	-	thorns <i>колючки</i>	Dornen <i>колючки</i>	spina <i>терн</i>	ἄκανθα <i>колючки</i>	תְּרִינִיעַ
	7:23, 24, 25	колючий кустарник	7:23 сорняки 7:24 тернии 7:25 тернии	thorns	Hecken <i>кустарник</i>	7:23 vepres <i>терн, шип</i> 7:24 spina 7:25 vepres	ἄκανθα	תְּרִינִיעַ
	9:18	колючий кустарник	тернии	thorns	Hecken	9:18 spina	перевод не соотв. евр. тексту	перевод не соотв. евр.тексту

Приложение. Продолжение таблицы А.

	10:17	терны	колючки	thorns	Dornen	spina	перевод не соотв. евр. тексту	перевод не соотв. евр. тексту
	27:4	терны	тернии	thorns	Dornen	verrem	перевод не соотв. евр. тексту	перевод не соотв. евр. тексту
qôṣ	32:13	терны	колючие кусты	thorns <i>колючки</i>	Dornen <i>колючки</i>	spina <i>терн</i>	ἄκανθα <i>колючки</i>	τέρνιε
(qôṣîm)	33:12	терновник	кусты колючие	thorns	Dornen	spina	ἄκανθα	τέρνιε
šiqmîm	9:10	сикоморы	сикоморы	sycomores <i>сикомор</i> <i>или платан</i>	Maulbeerbaum <i>шелковица</i>	sycomorus <i>сикомор,</i> <i>шелковица</i>	συκαμίνους <i>шелковица</i>	Чернічіє
kippā ^h	9:14 19:15	пальма	пальмовая ветвь	branch <i>ветвь</i>	Ast <i>ветка, сук</i>	перевод не соотв. евр. тексту	перевод не соотв. евр. тексту	перевод не соотв. евр. тексту
ʾaḡmôn	9:14 19:15	трость	тростник	rush <i>тростник,</i> <i>камыш</i>	Stumpf <i>пень</i>	перевод не соотв. евр. тексту	перевод не соотв. евр. тексту	перевод не соотв. евр. тексту
	58:5	тростник	тростник	bulrush <i>тростник,</i> <i>камыш</i>	Schilf <i>тростник</i>			
qāne ^h	19:6	камыш	тростник	reeds <i>тростник,</i> <i>камыш</i>	Rohr <i>тростник,</i> <i>камыш</i>	calamus <i>тростник,</i> <i>камыш</i>	κάλαμος <i>тростник, камыш</i>	Тростень
sûṗ	19:6	тростник	камыш	flags <i>ирис или рогоз</i>	Schilf <i>тростник</i>	iuncus <i>ситник, камыш</i>	πάπυρος <i>папирус</i>	Ситень
sîrîm	34:13	колючие растения	Колючий кустарник	thorns <i>колючки</i>	Dornen <i>колючки</i>	spina <i>терн</i>	ἀκάνθινα ξύλα <i>деревья с колючками</i>	Терніоваѡ Древесà

Приложение. Продолжение таблицы А.

qimmôś	34:13	крапива	терн	nettles <i>крапива</i>	Nessel <i>крапива</i>	urtica <i>крапива</i>		
ḥôʾḥ		репейник	крапива	brambles <i>ежевика</i>	Distel <i>чертополох</i>	paliurus <i>колючий кустарник, держи-дерево</i>		
ḥābaṣṣālet	35:1	нарцисс	лилия	rose <i>роза</i>	Lilie <i>лилия</i>	lilium <i>лилия</i>	κρίνον <i>лилия</i>	крѣнъ
šittāḥ	41:19	ситтим	акации	shittah tree <i>дерево «шитта»</i>	Föhren	spina <i>терн</i>	πύξος <i>самшит</i>	смѣрчѣ
ḥāḏas	41:19 55:13	мирта	мирт	myrtle <i>мирт</i>	Myrte <i>мирт</i>	myrtus <i>мирт</i>	μυρσίνη <i>мирт</i>	мѣрсѣна
bəṛôš	41:19 55:13 60:13	кипарис	кипарис	fir tree <i>пихта</i>	Tanne <i>ель, пихта</i>	abies <i>ель, пихта</i>	κυπάρισσος <i>кипарис</i>	кѣпарѣсъ
tiḏhār	41:19 60:13	явор пег	платан платан	pine <i>сосна</i> pine tree	Buche <i>бук</i> Buche	ulmus <i>вяз</i> buxus <i>самшит</i>	? λεύκη <i>белый тополь</i> πεύκη <i>хвойное растение, возможно, один из видов сосен</i>	?топѣль пѣнъ
ṭəʾaššûr	41:19 60:13	бук кедр	сосна сосна	box tree <i>самшит</i> box	Buchsbaum <i>самшит</i> Buchsbaum <i>самшит</i>	buxus <i>самшит</i> pinus <i>сосна</i>	перевод не соотв. евр. тексту κέδρος <i>кедр</i>	перевод не соотв. евр. тексту кѣдръ
ʿārābîm	44:4	ивы	тополя	willows <i>ивы</i>	Weiden <i>ивы</i>	salices <i>ивы</i>	ἰτέα <i>ива</i>	вѣрба

Приложение. Продолжение таблицы А.

tirzā ^h	44:14	сосна	кипарис	cypress <i>кипарис</i>	Buche <i>бук</i>	ilex <i>каменный дуб,</i> <i>падуб</i>	перевод не соотв. евр. тексту	перевод не соотв. евр. тексту
ṣōren		ясень	сосна	ash <i>ясень</i>	Zeder <i>кедр</i>	pinus <i>сосна</i>		
naʿāšûš	55:13	терновник	Колючие кусты	thorn <i>колючка</i>	Hecken <i>кустарник</i>	saliunca <i>валериана</i> <i>кельтская,</i> <i>кельтский нарѡ</i>	στοιβή <i>Растение,</i> <i>используемое как</i> <i>набивочный</i> <i>материал?</i>	δράχιλα
sirpaḏ	55:13	крапива	крапива	brier <i>шиповник,</i> <i>колючий</i> <i>кустарник</i>	Dornen <i>колючки</i>	urtica <i>крапива</i>	κόνηφα <i>ароматическое</i> <i>растение</i>	κρόφιβα

Приложение. Таблица Б. Английские переводы библейских фитонимов.

Древне-еврейский фитоним	Цитата	Синодальный перевод	Перевод РБО	KJV	NAB	NAS	NIV	NJB	NRS	RSV	TNK
qôš wəḏardar	Быт. 3:18	тернии и волчцы	колючие кусты	thorns also and thistles <i>колючки и чертополохи</i>	thorns and thistles	thorns and thistles	thorns and thistles	brambles and thistles <i>ежевика и чертополохи</i>	horns and thistles	thorns and thistles	thorns and thistles
ʿāṣê-ḡōḡer	Быт. 6:14	гофер	гофер	gopher wood <i>древесина «гофер»</i>	gopherwood	cypress wood <i>древесина кипариса</i>	cypress wood	resinous wood <i>смолистая древесина</i>	cypress wood	cypress wood	cypress wood
ʿēšel	Быт. 21:33	роща	тамариск	grove <i>лесок, роща</i>	tamarisk <i>тамариск</i>	tamarisk tree	tamarisk tree	tamarisk	tamarisk tree	tamarisk tree	tamarisk tree
ʿāḏāšîm	Быт. 25:34	чечевица	чечевичная (похлебка)	lentil <i>чечевица</i>	lentil	lentil	lentil	lentil	lentil	lentil	lentil
ḏûḏāʾîm	Быт. 30:14-16	мандрагоровые яблоки, мандрагоры	мандрагоры	mandrake <i>мандрагора</i>	mandrake	mandrake	mandrake plants	mandrake	mandrake	mandrake	mandrake
libneh lûz ʿermôn	Быт. 30:37	тополь миндаль явор	тополь миндаль платан	poplar hazel chestnut tree <i>тополь орешник каштан</i>	poplar almond plane trees	poplar almond plane trees	poplar almond plane trees	poplar almond plane trees	poplar almond plane	poplar almond plane	poplar almond plane

Приложение. Продолжение таблицы Б.

nəḳōṯ	Быт. 37:25; 43:11	стиракса	благовонные смолы	spicery <i>специи, пряности</i>	gum <i>смола, камедь</i>	aromatic gum <i>ароматическая смола, камедь</i>	spices <i>специи, пряности</i>	gum tragacanth камедь трагаканта (натуральная смола, получаемая из растений рода Астрагал)	gum	gum	gum
ṣəṯî	Быт. 37:25; 43:11	бальзам	ладан	balm <i>бальзам, благовухание</i>	balm	balm	balm	balsam	balm	balm	balm
lōṯ	Быт. 37:25; 43:11	ладан	бальзам	myrrh <i>мирра</i>	resin <i>смола, камедь</i>	myrrh	myrrh	resin	resin	myrrh	ladanum
ṣāḥû	Быт. 41:2	тростник	прибрежные заросли	meadow	reed grass <i>камыш</i> (общее название высоких прибрежных трав, наподобие русского простореч- ного употребле- ния слова «камыш»)	marsh grass <i>болотная трава</i>	reeds	rushes <i>в современном понимании слова – прибрежные растения, представи- тели семейства ситниковые – Lupcaseae</i>	reed grass	reed grass	reed grass

Приложение. Продолжение таблицы Б.

boṭnîm	Быт. 43:11	фисташки	фисташки	nuts <i>орехи</i>	pistachios <i>фисташки</i>	pistachio nuts	pistachio nuts	pistachio nuts	pistachio nuts	pistachio nuts	pistachio nuts
ḥāḇṣṣāleṭ	Ис.35:1	нарцисс	лилия	rose <i>роза</i>	-	crocus <i>шафран</i>	crocus	asphodel <i>асфodelь</i>	crocus	crocus	rose
	Песн.2:1	нарцисс	лотос	rose <i>роза</i>	flower <i>цветок</i>	rose	rose	rose	rose	rose	rose
šittāḥ	Ис.41:19	ситтим	акация	shittah tree <i>дерево «шитта»</i>	acacia <i>акация</i>	acacia	acacia	acacias	acacia	acacia	acacias
tiḡhār	Ис.41:19	явор	платан	pine <i>сосна</i>	plane tree <i>платан</i>	box tree <i>самшит</i>	fir <i>пихта</i>	plane trees <i>платан</i>	plane	plane	box trees <i>самшит</i>
	Ис.60:13	певг	платан	pine <i>сосна</i>	plane	box tree	fir	plane tree	plane	plane	pine <i>сосна</i>
tirzāḥ	Ис.44:14	сосна	кипарис	cypress <i>кипарис</i>	holm <i>дуб каменный (один из южных видов дуба)</i>	cypress	cypress	oak <i>дуб</i>	holm tree	holm tree	plane trees <i>платан</i>
ʔōren	Ис.44:14	ясень	сосна	ash <i>ясень</i>	-	fir <i>пихта</i>	pine <i>сосна</i>	pine tree	cedar <i>кедр</i>	cedar	firs <i>пихты</i>

Приложение. Таблица В. Ассортимент древесных пород для библейского сада в средней полосе России.

	«Общепризнанные библейские» древесные растения по З. Влодарчик (Włodarczyk, 2007). Выделены полужирным, признанные Мусселманом (Musselman, 2011).	Зимостойкость в условиях средней полосы России. + зимует хорошо +- зимует плохо – не зимует	Предлагаемые нами аналоги для экспозиции «Библейский сад».	Критерий выбора предлагаемого аналога - таксономический (Т) - языковой (Я) - габитуальный (Г) - ассоциативный (А). Краткий комментарий.
1	Пихта киликийская <i>Abies cilicica</i> (Antoine & Kotschy) Carrière	–	Пихта корейская <i>Abies koreana</i> E.H. Wilson	Т
2	Акация Раdde <i>Acacia raddiana</i> Savi	–	Карагана древовидная <i>Caragana arborescens</i> Lam. Робиния ложноакациевая <i>Robinia pseudoacacia</i> L.	А – название «акация» ассоциируется с желтой и белой «акациями» – караганой и робинией
3	Аквилярия <i>Aquilaria agallocha</i> Roxb.	–	–	–
4	Полынь <i>Artemisia herba-alba</i> Asso	–	Полынь лечебная <i>Artemisia abrotanum</i> L.	Т + Г
5	Каперсы колючие <i>Capparis spinosa</i> L.	–	–	–
6	Кедр ливанский <i>Cedrus libani</i> A. Rich.	–	Сосна кедровая сибирская <i>Pinus sibirica</i> Du Tour Сосна кедровая корейская <i>Pinus koraiensis</i> Siebold & Zucc.	А + Т – название «кедр» ассоциируется с кедровыми соснами
7	Рожковое дерево <i>Ceratonia siliqua</i> L.	–	Гледичия трехколочковая <i>Gleditschia triacanthos</i> L.	Г + Т – внешнее сходство плодов
8	Корицик китайский <i>Cinnamomum cassia</i> (L.) J. Presl	–	–	–
9	Корицик цейлонский <i>Cinnamomum zeylanicum</i> Blume	–	–	–
10	Ладанник <i>Cistus incanus</i> L.	–	–	–
11	Коммифора <i>Commiphora gileadensis</i> (L.) Christ	–	–	–
12	Кипарис вечнозеленый <i>Cupressus sempervirens</i> L.	–	Туя западная <i>Thuja occidentalis</i> L. cvv.	Г + Т – колонновидные формы туи схожи габитуально с распространенной формой кипариса
13	Черное эбеновое дерево <i>Diospyros ebenum</i> J. Koenig	–	–	–
14	Инжир или смоковница <i>Ficus carica</i> L.	+-	–	–

Приложение. Продолжение таблицы В.

15	<i>Сикомор</i> <i>Ficus sycomorus</i> L.	–	Шелковица белая <i>Morus alba</i> L.	Т
16	<i>Орех грецкий</i> <i>Juglans regia</i> L.	+–	Орех серый <i>Juglans cinerea</i> L. Орех маньчжурский <i>Juglans mandshurica</i> Maxim.	Т + Г
17	<i>Лавсония неколючая или Хна</i> <i>Lawsonia inermis</i> L.	–	–	–
18	<i>Ликвидамбар восточный</i> <i>Liquidambar orientalis</i> Mill.	–	–	–
19	<i>Шелковица черная</i> <i>Morus nigra</i> L.	+–	–	–
20	<i>Мирт обыкновенный</i> <i>Myrtus communis</i> L.	–	–	–
21	<i>Олеандр</i> <i>Nerium oleander</i> L.	–	Виды шиповника <i>Rosa</i> spp.	Я – в Синодальном переводе передается – «розовые кусты» (например, Сирах 25:15).
22	<i>Маслина европейская</i> <i>Olea europaea</i> L.	–	Лох узколистный <i>Elaeagnus angustifolia</i> L.	Г – общий габитус, форма и окраска листьев, отчасти плоды.
23	<i>Финиковая пальма</i> <i>Phoenix dactylifera</i> L.	–	–	–
24	<i>Сосна калабрийская</i> <i>Pinus brutia</i> Ten.	–	Сосны <i>Pinus</i> spp.	Т + Г
25	<i>Сосна алеппская</i> <i>Pinus halepensis</i> Mill.	–	Сосны <i>Pinus</i> spp.	Т + Г
26	<i>Пиния</i> <i>Pinus pinea</i> L.	–	Сосны <i>Pinus</i> spp.	Т + Г
27	<i>Фисташка палестинская</i> <i>Pistacia palaestina</i> Boiss.	–	Скумпия кожевенная <i>Cotinus coggygria</i> Scop.	Т
28	<i>Платан восточный</i> <i>Platanus orientalis</i> L.	–	Платан западный <i>Platanus occidentalis</i> L. клен ложноплатановый <i>Acer pseudoplatanus</i> L.	Т + Г Я – в Синодальном переводе передается – «явор» (Бытие 30:37).
29	<i>Тополь белый</i> <i>Populus alba</i> L.	+	–	–
30	<i>Тополь евфратский</i> <i>Populus euphratica</i> Oliv.	–	Ива остролистная или верба <i>Salix acutifolia</i> Willd.	Я – в Синодальном переводе передается – «верба» (Левит 23:40, Псалтирь 136:2).
31	<i>Миндаль</i> <i>Prunus dulcis</i> (Mill.) D.A. Webb	+–	Миндаль степной или бобовник <i>Prunus tenella</i> Batsch	Т + Г
32	<i>Сандаловое дерево</i> <i>Pterocarpus santalinus</i> L.	–	–	–
33	<i>Гранат</i>	–	–	–

Приложение. Продолжение таблицы В.

	<i>Punica granatum L.</i>			
34	<i>Дуб палестинский</i> <i>Quercus calliprinos Webb</i>	–	Дубы <i>Quercus spp.</i>	Т
35	<i>Дуб таборский</i> <i>Quercus ithaburensis Decne.</i>	–	Дубы <i>Quercus spp.</i>	Т
36	<i>Ретама</i> <i>Retama raetam (Forssk.) Webb</i>	–	Дрок красильный <i>Genista tinctoria L.</i> Виды можжевельников <i>Juniperus spp.</i>	Т + Я Я в Синодальном переводе передается – «можжевельник» (3 Царств 19:4, Иов 30:4) и «дрок» (Псалтирь 119:4).
37	<i>Шиповник собачий</i> <i>Rosa canina L.</i>	+	–	–
38	<i>Шиповник финикийский</i> <i>Rosa phoenicia Boiss.</i>	–	Шиповники <i>Rosa spp.</i>	Т + Г
39	<i>Малина кроваво-красная</i> <i>Rubus sanguineus Friv.</i>	–	Терн <i>Prunus spinosa L.</i>	Я + Т – в Синодальном переводе передается – «терновый куст» (Исход 3:2).
40	<i>Ива иглолистная</i> <i>Salix astrophylla Boiss.</i>	–	Ивы <i>Salix spp.</i>	Т + Г
41	<i>Ива бедая или Ветла</i> <i>Salix alba L.</i>	+	–	–
42	<i>Стиракс лекарственный</i> <i>Styrax officinalis L.</i>	–	Тополя <i>Populus spp.</i>	Я – в Синодальном переводе передается – «тополь» (Бытие 30:37).
43	<i>Гребенщик безлистный</i> <i>Tamarix aphylla (L.) H. Karst.</i>	–	Гребенщик изящный <i>Tamarix gracilis Willd.</i> Гребенщик ветвистый <i>Tamarix ramosissima</i> Ledeb.	Т + Г
44	<i>Виноград культурный</i> <i>Vitis vinifera L.</i>	+–	–	–
45	<i>Зизифус</i> <i>Ziziphus lotus (L.) Lam.</i>	–	Жостеры <i>Rhamnus spp.</i>	Т + Г
46	<i>Зизифус Христовы-тернии</i> <i>Ziziphus spina-christi (L.) Desf.</i>	–	Терн <i>Prunus spinosa L.</i>	Я – в Синодальном переводе передается – «терн» (например, Евангелие от Матфея 27:29)